

Anna
ВАРШЕВСКАЯ

Требуется

СЕКРЕТАРЬ

ИНТИМ НЕ ПРЕДЛАГАТЬ!

— Мне нужен личный секретарь, а не девица, мечтающая пробраться в мою постель! — рубит напрямик он.

Чёрт, мне нужна эта работа! И тут в голове мелькает сумасшедшая идея. Терять уже нечего, поэтому выпаливаю, чуть не подавившись от собственного вранья:

— У меня ориентация... кхм, неправильная!

Пауза. Поверит — не поверит?

— То есть как мужчина, я вас не привлекаю? — он смотрит задумчиво.

— Вы объективно очень красивы, но нет, — опускаю глаза и, замерев, жду реакции.

Требуется секретарь. Интим не предлагать!

Анна Варшевская

Марина

В шестом часу утра у кровати завибрировал телефон, и я подскочила, спросонья не понимая, что происходит. Какой идиот будет трезвонить в такую рань? Но увидев имя на экране, сразу схватила трубку.

— Маруся, что случилось?

У подруги был годовалый сынишка, а муж сделал ноги несколько месяцев назад, решив, что постоянно орущий младенец не входит в его планы господства над миром. Насколько нам было известно, пока он господствовал только над своей секретаршей, и то большой вопрос, кто там, как говорится, сверху.

— Всё в порядке, не переживай. Прости, что так рано.

Подруга говорит тихо, видимо, чтобы не разбудить сына.

— Хотела вчера позвонить после работы, но Матвейка раскапризничался вечером, и у меня всё из головы вылетело. Один из наших боссов ищет личного секретаря! Мари, это шанс! Зарплаты в компании хорошие, сама знаешь. Давай, ноги в руки и собирайся!

— В смысле? — я, опешив, отнимаю телефон от уха, чтобы проверить время. — Маруся, сейчас пять двадцать! Утра!

— Да! Так, Мари, я тебя сейчас быстро введу в курс дела, чтоб ты знала, чего ждать. Этого босса зовут Илья Муромцев.

— Прямо богатырь, — фыркаю, не удержавшись.

— Ты в точку попала, — усмехается подруга, — только тот Илюша тридцать три года на печи лежал, потом пошел подвиги совершать, а нашему только двадцать восемь, и он уже начальник. Впахивает не по-детски. И внешне гора мышц, Шварценеггер в юности, но ты не пугайся, приставать не будет, он не по этой части, скорее наоборот.

— Что, качок из другой лиги? — надо же, как любопытно.

— Да нет, — подруга хихикает, — просто внешность как у супермена, бабы на него косяками вешаются, поэтому на работе никакого интима — интрижки принципиально не заводит.

— Что-то мне не верится, — протягиваю скептически.

— Я что, стала бы тебя пихать на такое место?

— Нет, конечно, Маруся, — я зажимаю трубку между ухом и плечом и быстро шлёпаю на кухню поставить чайник и достать из холодильника творог на сырники. Если убежать сейчас, то надо хоть Алинке завтрак оставить. — А почему так рано надо ехать?

— Мари, у него сегодня под дверью очередь соберется из претенденток! Все надеются пролезть если не в кровать, так хоть секретарём. А он трудоголик, на работе уже в семь как штык. Так что давай, чтоб к этому времени тоже там была! Явишься рано — заметит тебя. Может и место отхватить успеешь до всех наших силиконовых красоток! Чтобы на охране пропустили, скажешь, к Муромцеву на собеседование, на меня сошлешься, поняла?

— Поняла! Спасибо, Маруся, я побежала!

— Давай, удачи! — подруга отключилась, а я рванула умываться и приводить себя в порядок.

Холод был собачий. Весна в этом году решила задержаться и после нескольких теплых дней в конце апреля в мае вернулась зима. Даже снег пару раз шёл, хотя деревья стояли уже

зелёные. Выскочив из ванной, заглядываю в комнату к сестре. В воздухе висит туман из-за включённого на полную мощность увлажнителя. Алинка свернулась клубочком, скинув с себя одеяло, но спит, видимо, спокойно. Сестра — аллергик, весна для нее — самое тяжелое время. Я аккуратно укрываю её и возвращаюсь на кухню. Пусть ещё поспит, пока сырники готовятся.

Быстро делаю творожную массу, заливаю кипятком горсть изюма, наливаю себе чай, сажусь и вздыхаю. Мама всегда хвалила мою готовку, говорила, что даже у неё так вкусно не получается. При этой мысли в груди привычно сжимается, к глазам подступают слёзы, но я мотаю головой и глотаю горячий чай.

Мы с Алинкой остались одни три месяца назад. За три года до этого у мамы случился инсульт, и наша жизнь круто изменилась. Уход за лежащим больным, борьба со всеми сопутствующими проблемами. Всем, кто сталкивался, объяснять не нужно, а кто не сталкивался — тому лучше не знать. Сестре было тогда всего одиннадцать, поэтому на меня, как на старшую, легла большая часть обязанностей. Хотя никому не пожелала бы я резко повзрослеть вот так, в восемнадцать лет.

Институт после второго курса пришлось бросить, устроиться на работу официанткой и пахать в ночные смены. Год назад мне, как я на тот момент думала, повезло. Бывший одноклассник, с которым сохранились хорошие отношения, устроил меня секретарём-ассистентом к Михаилу, владельцу второразрядного ночного клуба. Зарплата была значительно выше, чем в ресторане, правда, потом стало понятно, что вкалывать за неё было ещё хуже, чем таскать тяжеленные подносы весь день. Я разруливала все вопросы с поставщиками, затаривала бар, разнимала вечно сцепляющихся танцовщиц и... как дура, влюбилась в Мишу, который пользовался этим вовсю. При мыслях о финале истории к горлу до сих пор каждый раз подступала тошнота.

Проблема была в том, что с момента, когда я гордо шваркнула дверь и на подгибающихся ногах ушла из клуба, прошел уже месяц, а работы у меня до сих пор не было. Хотя я упорно рассылала резюме и бегала по собеседованиям, пока ничего не получалось. Немногие хотели брать в секретари молоденькую девчонку без образования, пусть даже и с опытом. А парочка тех, кто хотел, сразу намекали на дополнительные обязанности. Спасибо, этого я уже накушалась. Такое мне не подходит.

Гляжу на часы и подскакиваю. Что ж я так засиделась? Лучше пораньше прийти, чтобы поймать этого Илюшу Муромца ещё на подходе к работе! Шустро леплю сырники, кидаю их на сковородку и несусь в комнату.

Надеваю брючный костюм, в котором ходила на собеседования последнюю неделю, провожу по коротким волосам расческой. Свои локоны я остригла, когда стало ясно, что мама больше не встанет. Времени ухаживать за шевелюрой не было, и последние два года на моей голове красовалась копна кудряшек, которые можно было оставить в творческом беспорядке, а можно прихватить резинкой в крошечный тугий хвостик. Заруливаю в комнату к сестре и трясусь её за плечо.

— Алинка, вставай! Меня срочно на собеседование пригласили, я убегаю!

Сестра ориентируется быстро.

— Конечно, не переживай!

Я улыбаюсь и бегу на кухню, снять с огня сковороду.

— Алин, я завтрак приготовила, ты уж сама разберись со всем, ладно? И... Чёрт! — неудачно дёргаю лопатку на себя, и сырник, описав красивую дугу, шлёпается прямо на

пиджак, а с него на пол.

— Вот зараза! — обжигаясь, сую сбежавшую еду в рот, используя студенческий принцип: что было поднято через секунду, упавшим не считается.

Других брючных пар у меня нет, приходится переодеваться в рубашку с юбкой и успокаивать себя тем, что раз этот Илья-богатырь не хочет романов на работе, то не полезет мне между ног, как один скользкий начальничек, к которому я пыталась устроиться помощницей неделю назад.

— Всё, я убежала! Не забудь про таблетки! Постараюсь вернуться с работой в кармане! — торопливо надеваю туфли и хватаю сумку.

— Давай, систер, — Алинка уже топает по коридору в ванную, — я в тебя верю!

— Люблю тебя! — кричу ей вслед и несусь вниз, лифта в нашей пятиэтажке нет.

— Ага, и я! — доносится до меня из-за закрывающейся двери.

У нас в семье всегда было принято так прощаться. Мама говорила: «Девочки, напоминайте друг другу о вашей любви, кто знает, куда сегодня вас занесет судьба». Для таких слов у неё была причина: наш отец погиб в автокатастрофе, когда Алинке ещё не было года. Его смерть была настолько внезапной, что мама долго не могла прийти в себя, но спустя годы говорила нам, что по крайней мере в тот день она успела сказать мужу, что любит его.

Я грустно улыбаюсь, пока, стуча невысокими каблукками, бегу с четвёртого этажа на первый. Выскочив на улицу, с удовольствием вдыхаю терпкий запах молодой листвы. Всё-таки весна вступила в свои права. Холодный воздух бодрит, и я быстрым шагом иду к остановке.

Илья

— Грэй, пойдём домой! — хлопаю по бедру, подзывая пса.

Подбежавший здоровенный кобель встаёт на задние лапы, надеясь положить передние мне на плечи. Грэй был помесью ньюфаундленда с кем-то ещё, кто наградил его нетипичным для породы серым цветом. Но мне, в общем-то, всё равно. В последние годы Грэй стал самым верным моим спутником. Крохотный комок серого меха, выкатившийся под ноги возле дороги восемь лет назад, в тот момент фактически спас мне жизнь, вытянул из затяжной депрессии, когда я не понимал, на каком вообще свете нахожусь. Он был настоящим другом, преданным и умным. Уж точно умнее большинства девиц, с которыми я время от времени проводил ночи.

— Эх, ты, подлиза, — пристёгиваю поводок к ошейнику и слегка тяну за собой, — давай, домой пора! А мне на работу, — бурчу недовольно. Сегодня будет тяжелый день.

Мой бессменный секретарь, Марго, вышла замуж и увольнялась. В принципе, я понимал её мужа — кому охота, чтоб твоя жена по звонку какого-то мужика бросала свои дела и неслась исполнять его поручения, часто личного характера. Ничего неприличного я не допускал, но случиться могло всякое, поэтому мне требовался человек, которому можно доверять. Марго в этом смысле была абсолютным сокровищем. Умница, профессионал, спокойная и уверенная в себе. Теперь нужно было искать ей замену. И я знал, что сегодня начнётся.

Парад из девиц разной степени накрашенности и раздетости, которые будут мешать работать, пытаюсь сесть за стол моего секретаря, а потом занять место в моей постели. Не то чтобы я сильно возражал против последнего, но в перспективе все они надеялись ещё и на замужество, а это в мои планы не входило. И потом, на работе надо пахать, а для секса

можно и другие места найти.

Короче говоря, денёк планировался жуткий. Поэтому я быстро отвёл Грзя домой, принял душ и поехал в компанию, надеясь хотя бы на пару свободных часов перед началом паломничества к моему кабинету. Вот только в неосвещённой ещё приёмной ждал сюрприз. Возле стола, на который она поставила сумку, ко мне спиной стоит девушка.

Хоть я и не увлекаюсь фантастическими жанрами, но первая мысль — это что за эльф? Тоненькая фигурка совсем маленького росточка, шапка коротких темных кудрей, которые она, бурча сквозь зубы, пытается стянуть резинкой. Я щелкаю выключателем, незнакомка, вскрикнув, оборачивается и смотрит на меня огромными зелёными глазами в золотистых крапинках. Ну точно, эльф. Воздуха внезапно перестаёт хватать, а рука сама тянется к воротнику рубашки расстегнуть верхнюю пуговицу. Девица с испугом следит за моими действиями, тяжело сглатывает и облизывает губы.

Вот чёрт! Чувствую, что моментально разозлился. Мало того, что меня самого слегка ведёт, когда гляжу на неё, так ещё и этот взгляд мне знаком. Очередная прожжённая дрянь, хоть и выглядит как невинный цветочек. Нет, не пойдёт.

Глава 2

Марина

Мне доводилось бывать в бизнес-центре, где работала Маруся, поэтому спокойно прохожу к охране. Пузатый дядечка равнодушно выслушал моё «я на собеседование к Муромцеву», записал паспортные данные и махнул рукой, разрешая пройти через турникет.

— Поднимайтесь на пятый этаж, вам направо до конца коридора.

Я улыбаюсь в ответ, киваю и, скрывая мандраж, уверенной походкой иду к лифту. Коридоры компании пустынные, и неудивительно — в самом начале восьмого. Наконец в конце коридора показывается дверь с надписью «заместитель генерального директора И. С. Муромцев». Мне становится не по себе. Ну, Маруся, зараза! Этот богатырь, оказывается, зам генерального! Кто ж меня к нему возьмёт? Но отступить некуда.

— Ладно, Мари, попытка не пытка! Не съест же он тебя! — шепчу тихонько, чтобы подбодрить себя, и нажимаю на ручку двери.

За дверью довольно большое помещение: рабочий стол, выключенный компьютер, всякие рабочие устройства типа принтера, пара шкафов, перегораживающих комнату пополам. Из-за опущенных жалюзи темновато. Я недоуменно оглядываюсь — как-то скромно для зама генерального, но потом вижу другую приоткрытую дверь, за которой виднеется просторный и шикарный светлый кабинет. А-а, это же приёмная. То есть здесь я, если меня возьмут, буду работать. Прохожу вперёд и, вытянув шею, заглядываю в кабинет, но там пусто. Значит, хваленый трудоголик ещё не пришёл. Вздохнув, пробую размять затёкшие в напряжении плечи, и тут лопается резинка, удерживающая волосы.

— Вот дерьмо! — ругаюсь негромко. Ну что за невезуха. Короткие локоны торчат в разные стороны. Надо срочно найти другую резинку. Ставлю сумку на стол, копаюсь в ней. Наконец, нахожу в кармашке что-то подходящее и, матерясь себе под нос, начинаю быстро собирать волосы в хвост. Тут вспыхивает свет, и я, вскрикнув от неожиданности, оборачиваюсь.

На меня смотрит... в первое мгновение Муромцев кажется мне просто великаном. Макушкой я едва достаю ему до плеч, а в пиджак можно завернуть троих пигалиц вроде меня. Для того, чтобы увидеть лицо, приходится задрать голову. Чёрт побери, такому и правда только супергероев играть, даже показалось, что он напоминает какого-то актёра, хоть я и не могу вспомнить, какого именно. Горло пересыхает от ужаса, и я сглатываю. В ушах шумит. Давай, Мари, соберись! Стараюсь взять себя в руки и понимаю, что мужчина уже что-то сказал, а я прослушала.

— Что?

— Вы мне не подходите! — эта скала, упакованная в костюм, шагает ко входу в кабинет и тянется к ручке двери.

— Вы не задали ни одного вопроса! — я настолько ошарашена его появлением, что не сразу соображаю, что сказать.

— Мне нужен личный секретарь, а не очередная девица, которая будет спать и видеть, как бы пробраться ко мне в постель! — рубит напрямик Муромцев.

Я закашливаюсь, хватанув ртом воздух от неожиданности. Да уж, такой миндальничать не будет. Прямой как рельса! И такой же гибкий, видимо.

— Я не собиралась лезть к вам в постель! — возмущаюсь в ответ.

— Да, и поэтому пялитесь на меня и переспрашиваете? — повернувшись, издевательски произносит он. — Свободны!

— Но... — я практически в отчаянии. Чёрт, мне нужно хотя бы попробовать пройти собеседование! И тут в голове, подсказанная разговором с Марусей, мелькает сумасшедшая идея. — У меня ориентация... кхм, неправильная! — выпаливаю на выдохе, чуть не подавившись от собственного вранья.

Впрочем, каком-то смысле я даже не соврала. Мне всегда удавалось выбирать исключительных придурков. Первый был ещё в старших классах школы — мы встречались год, а потом он позвал на выпускной бал мою подругу. Второй слился, как только маму разбил инсульт. Презрительно сообщил, что не подписывался помогать сиделке и был тут же отправлен в закат. Ну а Миша оказался просто премиальным козлом. При мысли о нём кулаки сжались. Так что статистика была хоть и небольшая, но показательная. По жизни мне уверенно попадались идиоты, а этот... Илья Муромец в картину пока не вписывался.

Муромцев зависает, глядя на меня. Он, конечно, понял моё признание несколько в другом ключе, но разубеждать его я не собираюсь — мне как раз это и нужно.

— Вы просто... — чуть не ляпаю «здоровенный», — очень крупный мужчина, вот мне и стало немного некомфортно. Извините. Но я быстро приноравлиюсь! И, как видите, постель мне ваша не нужна. — произношу увереннее, — вы просто не в моём вкусе.

Муромцев вздёргивает вверх одну бровь. М-да, последнее произносить, пожалуй, не стоило. О, ч-чёрт, Мари, заткнись уже! Захлопываю рот и утыкаюсь взглядом в переносицу мужчины. Когда-то я читала про этот способ: так собеседнику кажется, что ему смотрят прямо в глаза, а выдержать можно дольше, чем прямой взгляд.

— Ну что ж, пойдёмте поговорим, — он открывает дверь кабинета. — Как вас зовут?

— Марина Кудрявцева, — выдыхаю с облегчением. Если он хочет поговорить, значит, не всё потеряно. — У меня незаконченное высшее образование, я год работала секретарём директора фирмы, — при воспоминании о Михаиле к горлу опять подкатывает тошнота, но я не даю себе зависнуть, сейчас не до того. Муромцев смотрит на мои волосы и чуть слышно хмыкает.

— Какой фирмы? — он садится за стол в кабинете и рукой показывает на стул напротив, предлагая сесть и мне.

— Это был ночной клуб, — говорю тихо. — Но у меня было большое количество обязанностей, связанных с контрактами и поставщиками, — добавляю торопливо, стараясь сгладить впечатление.

Мужчина слегка хмурится. Теперь, когда он сидит, я могу близко посмотреть на его лицо, не задирая голову. Красив, ничего не скажешь. Неудивительно, что на него, по словам Маруськи, бабы вешаются. Но, с другой стороны, такой фасад часто за собой ничего не имеет. Я медленно рассматриваю лицо, пытаюсь делать это отстранённо. Небрежно уложенная шевелюра, высокий лоб, густые брови, прямой нос, решительный подбородок. Прямо картинка из мужского журнала. Вынырнув из задумчивости, понимаю, что Муромцев смотрит на меня с любопытством, и заливаюсь краской. Чёрт, как неловко вышло!

— Откуда вы узнали о вакансии?

— Мне сообщила подруга, она работает в этой компании, — не вижу смысла скрывать, в конце концов, Маруся сама сказала сослаться на неё.

— Подруга?..

Ой, он же, наверное, не о том подумал.

— Просто подруга, — слегка улыбаюсь, — мы с детства дружим.

Муромцев внимательно меня разглядывает.

— Как мужчина, я вас не привлекаю? — он впивается в меня взглядом, как будто старается увидеть что-то в моём лице.

Делаю глубокий вдох и спокойно произношу:

— Вы объективно очень красивы, но нет, не привлекаете.

Фух! Я смогла! И даже голос не сорвался. Опускаю глаза и с замиранием сердца жду реакции.

— Ну что ж, тогда давайте попробуем, Марина.

Вскидываю на него глаза. Он серьёзно смотрит на меня. И я не могу удержать широкую улыбку. Да!!! Я сделала это! Меня берут на работу! Муромцев опять тянется рукой к воротнику, проверяя уже расстёгнутую пуговицу. Старательно согнав с лица восторг, пытаюсь изобразить профессиональный вид. Порадуюсь вечером!

— Я готова приступить сразу же, Илья!.. — произношу имя и с ужасом понимаю, что Маруська не называла мне его отчество. Дерьмо!

— Сергеевич, — спокойно говорит Муромцев.

— Простите, да, конечно, Илья Сергеевич, — еле успеваю удержать облегчённый вздох.

— Хорошо, — мужчина вздыхает, — вам повезло, что моего предыдущего секретаря сегодня не будет и мне срочно нужна замена. Но Марго ещё должна доработать три дня, она вернётся завтра и начнёт вводить вас в курс дела. Я беру вас с испытательным сроком в две недели. После того как вы остаётесь в этой приёмной без Марго — становитесь моей тенью. Когда я даю поручение, вы выполняете его максимально быстро, если только не оговорены конкретные сроки. Записываете и отслеживаете всё, что происходит. Через четырнадцать дней вы должны быть полностью в курсе моей работы и привычек. И если я говорю вам, что мне нужно, например, заказать обед, вы точно знаете, что я захочу съесть.

Я недоверчиво смотрю на Муромцева, а он кивает.

— Я, конечно, немного утрирую — но совсем немного. Поймите, вы устраиваетесь на должность личного, подчёркиваю это, секретаря. Это значит, что вам необходимо быть в курсе мельчайших подробностей. Разумеется, я буду по мере нашего взаимодействия отвечать на ваши вопросы.

Я молча киваю. В конце концов, это справедливо. Особенно за ту зарплату, которую предлагают на этой должности. Маруська успела скинуть мне краткое описание вакансии и размер оплаты — так у меня глаза на лоб полезли.

— По поводу вашего графика. Он будет не совсем нормирован. Я работаю много, случаются командировки. Рабочий день, как вы уже поняли, у меня начинается рано. С восьми утра вы должны присутствовать на месте. С другой стороны, я не собираюсь держать вас при себе до ночи. Но вы должны быть готовы всё время находиться на связи, — Муромцев молчит, потом добавляет: — Такой ритм жизни иногда неудобен для... — он запинается на секунду, бросает на меня взгляд, — партнёров. Поэтому если вы... — явно подбирает слова, — в отношениях, то подумайте как следует.

Я улыбаюсь.

— Не переживайте, мой партнёр поймёт. — думаю при этом, конечно, об Алинке, которая будет только рада, что я не маячу перед ней дома весь день, но Муромцев понимает по-своему, слегка нахмуривается и кивает.

— В таком случае идите пока на рабочее место. В восемь ко мне, подпишем соглашение

о неразглашении и дам вам поручения на сегодня. Позже зайдёте к кадровикам и службе безопасности. Для всех остальных я занят! До особого распоряжения!

— Поняла, Илья Сергеевич!

— И принесите мне эспрессо. В кабинете есть кофемашина.

— Хорошо.

Я встаю и выхожу из кабинета, аккуратно прикрыв за собой дверь. Не сдержавшись, выбрасываю вверх обе руки и беззвучно кричу: «Йе-е-е-с-с-с!!!». А потом соображаю, что мне предстоит, и мой победный клич переходит в «ой-ё-ё-ё».

Надо написать Марусе. И сообщить, что я... сменила ориентацию!

На сообщение подруга предсказуемо отвечает смайлом с выпученными глазами и подписью капслоком «жду подробности»! Да уж, конечно, она их ждёт. В ответ отправляю ей фэйспалм и строчу: «Вечером пообщаемся». Чую, ждёт меня допрос с пристрастием. Ну да ладно. Маруська не сдаст, это главное, а со всем остальным разберёмся со временем! Главное, у меня есть работа!

Бочком подхожу к навороченной, явно новой кофемашине. Ну и как это устройство включается? Оглядываю её со всех сторон и нахожу сбоку короткую инструкцию! Аллилуйя!

Готовлю и отношу кофе начальнику, а потом, улыбаясь, устраиваюсь за рабочим столом, крутанувшись в креслице от избытка чувств. Тут дверь в приёмную распаивается, пропуская разодетую даму при полном параде. Незнакомка недоумённо смотрит на меня.

— Вы кто?

— Меня зовут Марина. А вы?..

— Я к Муромцеву на собеседование, на должность секретаря!

Опс!..

Марина

— Добрый день! Илья Сергеевич не принимает.

— А ты тут кто такая, чтобы командовать?

— Я — секретарь Ильи Сергеевича, — я с трудом удерживаюсь, чтобы не закатить глаза.

— Вот ещё! Его секретарь уволилась! А у меня назначено собеседование, и как раз на эту должность! — меня окатывают презрительным взглядом.

Этот диалог с некоторыми вариациями повторялся, начиная с самой первой дамочки, пятый раз, и мне уже хотелось рычать и кусаться. Не зря Марусяка меня предупреждала. Столько силикона на квадратный сантиметр я не видела никогда в жизни. Или это не силикон, а что-то ещё? Нифига в этом не понимаю. Но все девы, которые с утра тратили моё рабочее время, были с улучшенным апгрейдом. Всё как положено: губы, грудь, бровки, ноготочки и опахала вместо ресниц.

Босс надавал заданий, нужно было составить несколько договоров по образцу и предоставить ему актуальные финансовые сводки, а меня постоянно дёргали, и я медленно, но верно зверела.

— Понимаю-понимаю, конечно! — я внимательно смотрю на кандидатку и, изменившись в лице, охаю: — Ой, что это у вас...

— Где? — пугается красотка.

— Да вот... м-м-м... такое красное?

— Что?!

— Это же простуда! — хватаюсь за щёки руками. — О-о, какой ужас, вам же всю губу разнесёт!

— Как?! — девица в ужасе прикрывает рот руками.

Мне с трудом удаётся промолчать на тему того, что этот свисток уже ничто не спасёт — там и так всё надуту, как будто вот-вот лопнет.

— Ой, кошмар, — причитаю я и, подскочив, начаю рыться в ящике стола, — вот, смотрите, у меня мазь есть! Она недорогая, но отлично помогает! А то ведь если сразу не лечить, там такие волдыри вскакивают!

— Что ты мне суёшь какую-то дешёвку?! Ты хоть знаешь, сколько я косметологу своему отдала? Ну, она поплатится, тварь!

Девица галопом выбегает из кабинета, хлопнув дверью так, что у меня в ушах ломит. Я кидаю тюбик обратно и вздыхаю. Беспроигрышный способ. Теперь она ломанётся в туалет, где будет долго рассматривать губы и наверняка обнаружит что-нибудь подозрительное. Мнительность — страшная вещь! А потом будет со скандалом звонить своему косметологу. Короче, ещё одной дамочке как минимум до конца рабочего дня есть чем заняться.

— Марина, зайдите ко мне, — из селектора на столе внезапно раздаётся голос босса, и я подпрыгиваю от неожиданности, но тут же собираюсь и захожу в кабинет.

— Да, Илья Сергеевич?

— Что за шум в приёмной? — начальство смотрит с подозрением.

— Ещё один кандидат на должность секретаря.

— И где он?

— Это была она, а не он. И она внезапно передумала, — спокойно встречаю взгляд мужчины за столом, отдавать это место без боя я не собираюсь.

— Вот как, — босс хмыкает и с интересом оглядывает меня с ног до головы, — у вас... обнаруживаются удивительные способности, Марина.

Я позволяю себе нейтральную улыбку, но ничего не говорю.

— Вы подготовили финансовые сводки, как я просил?

— Да, Илья Сергеевич.

— Скиньте мне на почту. К корпоративной у вас доступа пока нет, на обычную, вот адрес, — подталкивает ко мне визитку, которую я подхватываю. — И подготовьте договоры.

Кивнув, выхожу в приёмную и с облегчением выдыхаю. Какое счастье, что именно сводками я занялась в первую очередь, прямо как чувствовала. Раньше мне такое делать не доводилось, какие в ночном клубе финансовые сводки. Но, к счастью, кое-что вспомнилось из курсов, которые я проходила ещё параллельно с университетом, так что разобралась. Надеюсь, нигде не напортачила. Отправляю файл начальству и погружаюсь в работу. Но долго спокойствие не длится.

— Я на собеседование, — в кабинет wpłyвает ещё одна фифа.

— Я раньше пришла, — за её спиной шипит вторая, отодвигая первую плечом.

М-да. Двух девиц одной мазью не нейтрализовать. Я мученически вздыхаю и поднимаюсь.

— Илья Сергеевич занят. Будьте добры подождать немного. Присядьте, пожалуйста, — указываю рукой на крошечный диванчик в углу.

Кандидатки меряют друг друга взглядом и топают к мебели. Сесть им приходится совсем рядом, и каждая с ненавистью косится на соседку. Я задумываюсь. Ну и что делать? В итоге решаю применить старый испытанный трюк.

— Принести вам чай или кофе? Может быть, апельсиновый сок, воду?

Ну давайте, дамы, соглашайтесь!

— Да, сок, — одна из девиц высокомерно вздёргивает нос.

Вторая пренебрежительно фыркает:

— Как можно пить такую химию? Там один сплошной сахар! Мне чистой воды!

Я безропотно киваю и отправляюсь за подносом — за шкафами в углу комнаты есть небольшой кухонный уголок со столом, кофемашиной и даже небольшим холодильничком, в котором я уже порылась, поэтому знаю, что сок есть. Поставила полные стаканы и аккуратно иду обратно.

Чёрт подери! Пока я ходила, одна дамочка решительно встаёт и, быстро подойдя ко мне, берёт сок сама. Вот же зараза! Я-то рассчитывала опрокинуть на них поднос... Торможу, пытаюсь сообразить, что делать дальше, и краем глаза успеваю заметить злобную ухмылку на лице кандидатки. Так, похоже, мне ничего делать и не придётся!

И точно, не успеваю я сделать последний шаг, как весь сок оказывается в декольте первой соперницы.

— Ах ты!.. — та вскакивает и, выхватив у меня из рук воду, выплёскивает её на соперницу номер два.

Вау! Прикрывшись подносом как щитом, отступаю подальше от эпицентра взрыва. Как бы они тут драку не затеяли! Но две подмоченные фурии, оглядев себя, выскакивают в коридор. Повезло! Оглядываю поле не состоявшейся битвы. Стаканы валяются на полу, хорошо, что не разбились, проще будет убирать.

— Что тут происходит? — гремит голос начальства.

— Посетительницы случайно пролили напитки, — не моргнув глазом, заявляю боссу, вышедшему из кабинета.

— Ясно, — он осматривается, — Марина, вызовите уборщицу и в срочном порядке займитесь документами. Через час мы выезжаем на встречу, всё должно быть готово.

— Хорошо, Илья Сергеевич! — начинаю немного нервничать, но виду стараюсь не подавать.

В первый же день — и выездная встреча! Хорошо хоть бардак за двумя боевыми девицами не мне убирать. Шустро перепрыгиваю через две большие лужи и плюхаюсь на кресло, подвинув к себе бумаги. Поднимаю голову и вижу, что начальник продолжает смотреть на меня.

— Илья Сергеевич? Что-то сделать? — подскакиваю из-за стола обратно.

— Нет, — он качает головой, бросает на меня ещё один странный взгляд и ретируется обратно в кабинет.

С недоумением пожимаю плечами и возвращаюсь к договорам. Где там у меня были образцы?

В итоге я всё успеваю и на встрече не выгляжу совсем уж полной неумехой. Хотя надо отдать должное моему боссу, он ещё в машине проверил всё, что я подготовила, и объяснил, в каком порядке ему понадобятся эти документы. Так что у меня получается не ударить в грязь лицом, хотя понервничала я изрядно. В итоге мы возвращаемся в компанию ближе к концу рабочего дня, и мне опять дают кучу поручений, теперь по результатам переговоров.

Устало опускаюсь в кресло, а моё железное начальство скрывается в кабинете. Вот ведь... богатырь! Совершенно не выглядит утомившимся, бодр как огурчик. Достаяю из сумки небольшую пудреницу, смотрю в зеркало. М-да, до сегодняшних девиц мне, конечно, далеко. Надувные губы я не хочу, но вот выглядеть посимпатичнее было бы неплохо. Накраситься что ли завтра?

Дверь приоткрывается, и я успеваю напрячься, подумав, что на собеседование пришла очередная мадам. Но в щель просовывается голова Маруськи. Подруга, увидев меня за столом, улыбается.

— Ну как ты тут? — шепчет и заходит в кабинет.

— Нормально, — так же тихо отвечаю я и хмурюсь, — а почему мы шепчемся?

— Не знаю, — Маруся тоже хмурится, а потом хихикает, — просто боюсь, вдруг наш Илья Сергеевич услышит! Может, ему шум в приёмной не нравится!

— Шума сегодня мне хватало, — фыркаю, вспомнив паломничество насиликоненых дев, — но он вроде спокойно к этому относится.

— Я забегала днём в обед, а вас не было.

— Да, мы на встречу ездили, — я только сейчас понимаю, что ничего не ела, кроме утреннего сырника, и прижимаю руку к заурчавшему животу.

— Голодная? — с сочувствием косится подруга. — Первый день, а он уже так зверствует, даже поесть не дал...

— Да нет, я сама забыла, — слегка пожимаю плечами.

— Вообще, рабочий день уже закончился, ты в курсе?

— Эм-м, у меня ещё есть дела... — с тоской оглядываю договоры, которые нужно внести в систему и подшить в соответствующие папки.

Подруга хмыкает.

— Всё ясно с тобой. Запряг тебя наш богатырь. Я тогда побежала! Няню сегодня пораньше обещала отпустить.

— Поцелуй Матвейку от меня!

— Конечно, — Маруська хитро прищуривается, — но не надейся отвертеться от разговора! Я всё помню и жажду подробности!

— Будут тебе подробности, — я мрачно придвигаю к себе стопку бумаг, — но точно не сегодня!

— Ладно, давай, труженица бумажного фронта, меня уже нет!

— Счастливо!

Вздыхаю и утыкаюсь в верхний документ. Спустя почти час разгибаюсь и удовлетворённо откладываю последний файл. Ну наконец-то! Система здесь похожа на ту, которой пользовались в клубе, но более навороченная, поэтому с непривычки я делаю всё медленно, да ещё и перепроверяю по десять раз. Допускать ошибки в первый же день не хочется. Надеюсь, завтра придёт хвалёная Марго и начнёт передавать мне все дела официально и с объяснениями.

Поднимаюсь и подхожу к начальственному кабинету. Зайти, сказать Муромцеву, что я всё закончила? Он не вызывал, но ведь уже за семь часов вечера перевалило. Хотя чего мнусь? Мужик адекватный, во всяком случае, за первый день ничего странного не заметила. Решительно поднимаю руку, собираясь постучать, но тут дверь распахивается, чуть не сбив меня с ног и ударив прямо в лоб.

— Ай! — отскакиваю назад, теряя равновесие, но меня тут же подхватывают за локти и дёргают вперёд, впечатывая в твёрдую как камень грудь.

Неизвестно теперь, от чего будет шишка — как по мне, об эту скалу в костюме тоже можно шарахнуться будь здоров. Шмыгаю носом — больно, между прочим, даже слёзы выступили. А приятно от начальника пахнет, кстати! Какие-то мужские духи, что ли? Запах свежий, ненавязчивый. Пока я соображаю и принохиваюсь, сверху долетает крепкое ругательство, после чего меня берут за плечи и отцепляют от пиджака, за который я автоматически схватилась. Да я что, мебель, чтоб меня туда-сюда двигать?

— Марина, какого хрена?

Я наконец поднимаю голову, уставившись на злого босса.

— Извините, — начинаю было, а потом тоже понимаю, что разозлилась, — но вообще-то, это вы меня прибили дверью! Я просто хотела постучаться и сказать, что закончила все ваши поручения!

Теперь слёзы наворачиваются на глаза ещё и от обиды. Отхожу от Муромцева, с силой тру лоб и шиплю от боли. Ну вот точно шишка будет! Или синяк! Да что ж за невезуха у меня. Хочется бросить яростный взгляд на начальство, но думаю, не выйдет. Ещё и разревусь не ко времени. Пару раз резко вдыхаю воздух, и слёзы отступают.

— Надо приложить что-нибудь холодное, — внезапно звучит немного растерянный голос.

— Знаю, но...

— В холодильнике должен быть лёд, — Илья Сергеевич быстро идёт в кухонную зону.

Я только и успеваю открыть рот, а он уже вытаскивает кубики льда из морозилки, высыпает их в какой-то пакет и возвращается ко мне.

— Садитесь!

От неожиданности даже не спорю, плюхаюсь на диванчик, возле которого сегодня

разыгрывалось представление кандидаток. Муромцев садится рядом и прикладывает ко лбу ледяной компресс.

— Вы в порядке? — босс внимательно смотрит мне в лицо. — Голова не кружится? Не тошнит?

— Н-нет, всё хорошо.

А диван и правда не рассчитан на двоих. Мне становится неловко, потому что чувствую, как к моей ноге сбоку прижимается мужское бедро. Тянусь к пакету, который босс по-прежнему держит возле лба.

— Спасибо, Илья Сергеевич, давайте я сама.

Мне отдают пакет и встают.

— Марина, простите, — начальник вздыхает, — это вышло случайно.

— Конечно, я понимаю, — киваю в ответ, — и вы меня извините, что так получилось.

— Вы точно нормально себя чувствуете?

— Да, не переживайте, всё в порядке, — я осторожно отнимаю пакет от лба и прикасаюсь к холодной коже, — заживёт.

— Я отвезу вас домой.

— Нет-нет, что вы! — подсакиваю с места. — Я сама прекрасно доберусь!

— Марина, не возражайте, — Муромцев хмурится, — во-первых, вы задержались, а во-вторых, будет время проверить, действительно ли с вами всё в порядке.

Сглатываю и киваю. Ладно, не так уж далеко я живу. Да и основные пробки уже рассосались, надеюсь, быстро доедем.

— Пойдёмте! — босс направляется к выходу из кабинета. — И лёд не убирайте, подержите ещё.

Илья

Сажу в машине, крепко сжимая руль. Мы встали на светофоре, рядом тихо сидит этот... эльф, секретарша моя. Личная. Какого чёрта я согласился её взять? Зарекался ведь брать тех, на кого реагирую. А от этой мелкой меня всё-таки слегка торкает.

Наверное, это эффект неожиданности. Когда мне заявили, что я не в её вкусе, потому что она, хм, не по этой части, я на секунду растерялся. И в тот момент подумал, что идея и правда отличная. Теперь вот уже сомневаться начинаю. Непонятно только, мужская гордость у меня что ли проиграла? Или ещё что-то? Но когда девчонку в объятия поймал возле двери, почувствовал, как шевельнулось в груди... да и пониже тоже.

Но вообще любопытно, почему к мужчинам её не тянет? Кошусь на свою спутницу. Раньше всегда думал, что женщины, которые свой пол для отношений выбирают, коротко острижены, несимпатичные или такие... грубоватые, на мужиков похожи. А эта — настоящий цветочек. Хрупкая, зеленоглазая, красивая. Разве что волосы вот короткие, вся голова в кудряшках.

Слышу, как вибрирует телефон девчонки, и она отвечает на звонок.

— Мари, ты на часы смотрела? Тебя когда дома ждать? — раздаётся в трубке приглушённый девичий голос.

Помощница кидает на меня виноватый взгляд и лихорадочно жмёт на кнопку, снижая уровень звука. Видимо, слишком громко динамик был настроен.

— Я скоро буду! На работе немного задержалась, не переживай!

Ответ я уже не слышу, но дальше Марина отвечает только односложно и быстро заканчивает разговор.

— Вы говорили, что у вас не будет проблем.

— А их и не будет, — отмахивается легкомысленно, — просто я даже не написала, что на работу устроилась, замоталась и забыла.

Ну ничего себе отношения! Киваю и перестраиваюсь в соседний ряд. Слежу за дорогой и краем глаза поглядываю на девушку, а в голове крутится: спросить — не спросить? В конце концов решаю попробовать:

— Марина, служба безопасности компании проверит все ваши данные, но я хотел бы задать несколько личных вопросов, вы не против?

Девушка немного напрягается и смотрит на меня.

— Если я не соглашусь отвечать, вы не будете со мной работать?

Задумываюсь, но потом говорю:

— Во всяком случае, сомнения появятся, да. Вы так или иначе будете в курсе некоторых личных аспектов моей жизни, вам не кажется справедливым, что мне нужно знать о вас больше?

— Да, пожалуй, это справедливо, — она вздыхает и кивает. — Спрашивайте.

— Как получилось, что вы не интересуетесь мужчинами? — вырывается у меня.

Ну не могу я перестать недоумевать, почему симпатичная девчонка выбрала такой путь.

— Вот это вопрос! — на секунду поворачиваю к ней голову и вижу растерянность на лице.

— Вы не можете ответить?

— Не знаю... — Марина задумывается, а потом разводит руками. — Но как объяснить? Просто так есть, и всё.

— Может быть, вы просто не знаете, что теряете? — во мне точно говорит уязвлённая мужская гордость.

— О, я знаю, что теряю, — успеваю уловить секундную гримасу отвращения на лице девушки.

— То есть вы, хм... бывали с мужчиной?

Моя собеседница прикладывает ко лбу пакет с уже растаявшим льдом.

— Да, — цедит сквозь зубы. — Илья Сергеевич, ваши вопросы наталкивают меня на нехорошие мысли. Мне придётся иметь дело с вашими любовницами?

Закашливаюсь от неожиданности. Вот нахалка!

— С чего вы взяли?

— Ну, вы так упорно интересуетесь моим опытом, что меня начинают терзать смутные сомнения.

— Не переживайте, со своими любовницами я разберусь самостоятельно, — бурчу недовольно и сворачиваю во дворы, куда меня ведёт навигатор. — Приехали. Как ваш лоб?

— Спасибо, Илья Сергеевич, всё хорошо! — Марина моментально выпрыгивает из машины и, оглядываясь ко мне, спрашивает. — Завтра на работе нужно быть в восемь?

— Да. И не забудьте все документы — сегодня вы не успели оформиться, сделаете это завтра с утра.

— Поняла. До свидания. Хорошего вечера, — она кивает и закрывает дверь машины.

Слежу взглядом, как тоненькая фигурка, перепрыгивая через лужи, бежит к подъезду. Надо же, дождь успел пройти, а я и не заметил. Завожу двигатель, но не трогаюсь с места, пока не вижу, что помощница скрылась за дверью. Покрутив головой, осторожно выезжаю из заставленного машинами двора. Оказывается, девушка живёт в пятнадцати минутах езды от меня. Хорошо, что ехать совсем недалеко — дома ждёт Грэй. Днём и вечером его выгуливает специально нанятый для этого специалист, но я и сам стараюсь выходить с пёселем на ещё одну прогулку, когда возвращаюсь с работы. Интересно, а Марина любит собак?

Марина

Захожу в квартиру и с облегчением снимаю туфли. Вот вроде каблук совсем небольшой, а какое удовольствие их скинуть! Из комнаты выходит Алинка.

— Привет, пропажа, — сестра улыбается от уха до уха, и я улыбаюсь в ответ. — Ну что, тебя можно поздравить?

— Меня взяли на двухнедельный испытательный срок, но я планирую вцепиться в своего начальника зубами и остаться там надолго! — говорю с гордостью.

— Ого! — Алинка смотрит на меня недоверчиво. — Что, такой шикарный мужчина?

— Тьфу на тебя! — машу рукой и ползу в ванную, а потом на кухню. — У нас есть что поесть? Я голодная как не знаю кто, с утра не ела.

— Я суп сварила, — сестра идёт за мной, — давай, садись, офисный раб, и рассказывай, поухаживаю за тобой.

Я благодарно улыбаюсь и плюхаюсь на стул, вытянув ноги.

— Ты от вопроса-то не увиливай, Мари, — Алинка сосредоточенно наливает мне в тарелку куриную лапшу, — что там с твоим начальником?

— Ох, Алин, я так попала, — вцепляюсь в ложку и начинаю жадно есть.

Попутно рассказываю сестре, как я умудрилась сбить Муромцева с толку и пройти собеседование. По мере рассказа глаза у Алинки просто вылезают на лоб.

— Ну в общем вот, — доедаю последнюю ложку и вытягиваю шею, — а добавка есть? Очень вкусно!

Встаю и сама лезу в кастрюлю. Сестра смотрит на меня ошарашенно и вдруг начинает хохотать.

— Ну чего ты? — хотя мне и самой смешно.

— Ой... не могу... то есть он думает, что ты...

— Ага, — доедаю вторую порцию супа и удовлетворённо выдыхаю. Наконец-то наелась.

— Ну ты даёшь, Мари, — Алина успокаивается и вытирает слёзы.

— Короче, ты пока что моё прикрытие, — гляжу на сестру. — Суп шикарный, спасибо!

— На здоровье, — рассеянно отвечает она. — Слушай, а ведь тебя эсбэшники будут проверять! Ты же должна будешь сообщить про меня.

— Блин, точно, — задумываюсь, — ну так и ладно! Я и не собираюсь врать службе безопасности. Не будут же они меня спрашивать про любовниц! Честно скажу, что живу с сестрой. А чтобы Муромцев ничего не заподозрил, ты будешь время от времени звонить мне по вечерам, особенно если задерживаться на работе придётся. Вот как сегодня, очень удачно вышло! Ну и не переживай, если я буду с тобой странно разговаривать!

— Ага, «любимая, я немножко задержусь! Не сердись, куколка», — смешно пищит Алинка и фыркает.

— Что-то типа того, — улыбаюсь в ответ и с трудом сдерживаю зевок. — Пойду я спать, Улин. Устала — жуть, а завтра к восьми бежать на работу. И вообще, график у меня теперь ненормированный будет.

— Это ничего, — сестра машет рукой, — ты и так дома засиделась, можно подумать, я не видела, как тебе не хватает этой вот всей движухи. Работай спокойно. Главное, чтоб платили нормально. И за меня не переживай, — довольно улыбается, — уж я найду, чем себя занять.

— Даже не сомневаюсь, — хмыкаю в ответ.

Когда уже лежу в постели, набрасываю сообщение Маруське и предлагаю встретиться в выходные. Мы хоть и живём недалеко друг от друга, но всё равно раньше собраться не выйдет, с моим-то нынешним графиком. Да и не только с моим. Ещё бы узнать, когда у Ани суточное дежурство, чтоб на него не попасть.

Три подруги, мы дружили с детства, несмотря на разницу в возрасте — подругами были когда-то наши матери. Анькина мать, безалаберная красотка, родила её от... она и сама не знала от кого из своих многочисленных ухажёров. Сейчас она жила где-то в южных странах с мужем под порядковым номером то ли пять, то ли шесть.

Аня, серьёзная и ответственная до изумления, в противовес своей легкомысленной родительнице, была самой старшей в нашей компании. В своё время она ошарашила всех, поступив в медицинский на бюджет. Не только поступила, но выучилась, получила красный диплом и вождеденную специальность — она бредила хирургией. Уже осталась позади интернатура, и теперь она гоняла по коридорам огромного больничного комплекса в качестве ординатора.

Маруська, «средняя» из нас, оперировала цифрами, как боженька. Тоже закончила университет, выбрала IT-сферу и теперь трудилась программистом. Попутно ухитрилась выскочить замуж, родить Матвейку и развестись с его козлоподобным папашей. Её родители

ближе к пенсии решили, что всегда хотели заниматься сельским хозяйством. И теперь были абсолютно счастливы среди теплиц и садов где-то в пятистах километрах южнее столицы. Время от времени наезжали навестить внука и снабжали нас всех сезонными овощами и фруктами-ягодами.

Пока наши родители болели, окапывались на грядках и странствовали чёрт знает где, мы с девчонками стали семьёй друг для друга. Я улыбнулась в подушку, представив себе Анькину реакцию на мои новости. И почти сразу уснула.

Утром подскакиваю по будильнику. Зеркало показывает, что шишки на лбу не видно, но небольшой след от удара всё-таки остался. Решаю воспользоваться косметикой — вот думала вчера, не накраситься ли, и пожалуйста вам! Быстро наношу лёгкий тон и тушь, собираюсь и чапаю на работу. Юбку пришлось надеть ту же, только блузку сменила. Надо бы, конечно, разнообразить гардероб, но сейчас не до этого. Надеюсь, когда получу первую зарплату, смогу разгуляться.

В офис прибегаю незадолго до восьми, дверь в кабинет начальства уже закрыта, то есть он на месте, а в приёмной сидит просто шикарная девушка. Это, видимо, Марго, которая должна передавать мне дела. Она прямо модель — темноволосая, очень ухоженная, да и одежда у неё не чета моей. Удивлённо смотрит на меня с высоты своего роста. Да что ж они с шефом такие высоченные-то оба!

— Здравствуйте, — здороваюсь первая, — меня зовут Марина, можно просто Мари. Илья Сергеевич вчера принял меня на работу с испытательным сроком.

— Маргарита, можно Марго, — секретарь разглядывает меня с интересом и улыбается, — предлагаю сразу перейти на ты!

— Конечно, — улыбаюсь в ответ и немного расслабляюсь, вроде бы ко мне отнеслись доброжелательно.

— Ну надо же, Илья Сергеевич сделал оригинальный выбор.

— Почему?

— Да я знала, какие к нему должны были прийти кандидатки вчера, вот и удивляюсь. Ты выбиваешься из шеренги, это сразу видно. Только не подумай, что я против, — торопливо произносит, — наоборот, надеюсь, у тебя всё получится. Не хочется отдавать все дела в руки безмозглой дурочки, которая развалит налаженный процесс.

Я осторожно киваю, не торопясь доверять таким откровениям. Но, кажется, Марго тут же это замечает и весело улыбается.

— Ну слава богу, мозги у тебя, похоже, на месте!

— Да уж надеюсь, — фыркаю в ответ.

Дверь распахивается, и на пороге воздвигается начальство.

— Здравствуйте, Илья Сергеевич! — спокойно улыбаюсь боссу.

— Здравствуйте, Марина. Вижу, вы уже познакомились. Отлично! Тогда начинайте постепенно принимать всю информацию у Марго, и не забудьте сходить с документами в отдел кадров.

— Конечно, — киваю.

Муромцев кивает в ответ и удаляется обратно в кабинет, но на полпути оборачивается.

— Как ваш лоб, Марина?

— Всё в порядке, — я немного удивлена, ну надо же, побеспокоился. Краем глаза замечаю любопытный взгляд Марго.

— Хорошо, — босс закрывает дверь, оставляя нас в приёмной.

— А что у тебя со лбом? — тут же интересуется девушка.

— Вчера Илья Сергеевич ударил меня дверью, — вижу округлившиеся глаза секретаря и тороплюсь сказать: — Случайно! Я как раз к кабинету подходила, а он вышел резко, вот мне и прилетело по голове.

— Да уж, — Марго качает головой, — боевое крещение у тебя в первый день. Ну ладно, давай работать. Кадровики раньше половины десятого не приходят, так что к ним потом пойдёшь.

Киваю, и мы приступаем к делам. Вчера я старалась ничего лишнего раз не трогать, чтобы не нарушать заведённый порядок, и теперь понимаю, что работа у Марго действительно организована на высшем уровне. Всё на своих местах, аккуратно сложено, оформлено, подписано. Илья Сергеевич требует от неё то один документ, то другой, но поиск не занимает и минуты. Образцовый секретарь! Я вспоминаю клуб, в документации которого весь год пыталась поддерживать порядок, и понимаю, что мне до такого уровня — десять вёрст, и всё лесом. Поэтому внимательно слушаю, записываю всё в специальный блокнотик и стараюсь запомнить гору информации.

— Мари, да ты не переживай, — спустя пару часов говорит Марго, с сочувствием глядя на меня, — это всё вопрос времени. С непривычки действительно кажется, что сложно и много всего. Но на деле разберёшься.

— Я справлюсь, — киваю в ответ и сдуваю прядь со лба — только что ползала по папкам на самой нижней полке шкафа, даже вспотела немного. — Обязательно справлюсь!

— Хороший настрой, — одобрительно кивает секретарь. — Предлагаю тебе сделать перерыв пять минут, а потом иди к кадровикам. Заодно вот эти бумаги в бухгалтерию отнесёшь, они рядом сидят.

Сбегала по всем нужным кабинетам, оформилась и подписала бумаги. Сказали, служба безопасности позже вызовет, если понадобится — все документы я предоставила, а они уж по своим каналам всё проверят. Все дамы сначала в бухгалтерии, а потом и в кадровом светились от любопытства и пытались выяснить, как же Илья Сергеевич так быстро меня взял. Ну ещё бы, завидный холостяк, непыльная должность. Но я только улыбалась, строила из себя дурочку и делала вид, что не понимаю каверзных вопросов.

Теперь, думаю, по компании пойдёт слух, что на это место меня кто-то пропихнул. Самого Муромцева вряд ли будут подозревать — раз пять не без злорадства повторили, какой он идейный, ни с кем романы на рабочем месте не крутит. Не буду же я каждого сотрудника за пуговицу ловить и популярно объяснять, что мне только того и надо. Начинаю задумываться, может быть, попросить Маруську запустить сплетню о моей «нетрадиционной» ориентации?

Дни полетели, и не успела я оглянуться, как наступил четверг. Сегодня у Марго последний рабочий день, а с завтрашнего дня мы с начальником остаёмся один на один. Муромцев эти несколько дней не обращал на меня особого внимания — кивал при встрече, давал простые поручения, да я и сама не лезла на баррикады. Успеется, тем более что по выражению шефа, в ближайшее время мне придётся стать «его тенью». В рабочих процессах я разобралась, но обязанности личного характера ещё предстоит выяснить.

Не особенно переживаю на этот счёт — Марго пояснила, что в основном это будут какие-то бытовые моменты, которые начальнику проще делегировать, чем разобраться с ними самому. Шеф у нас трудоголик, иной раз поесть не успевает, ему не до химчистки, заказа продуктов и бытовых мелочей. Поэтому иногда придётся быть на связи с приходящей

домработницей, ну и решать всякие возникающие по ходу дела вопросы.

Марго с одной стороны немного грустная, а с другой — явно в предвкушении. Объяснила мне, что они с мужем отложили медовый месяц, чтобы она могла доработать нормально, и сегодня вечером уже отправляются в длительное путешествие. Поэтому никаких посиделок с друзьями или прощальной вечеринки она не устраивает. Да и не принято это в компании. Но я всё же сбегала в обеденный перерыв в кондитерскую напротив и купила для девушки маленький капкейк с кремовой шапочкой в качестве символического тортика. В конце рабочего дня достала пирожное из холодильника, выложила на тарелочку и вынесла в приёмную.

— Хотела тебя поблагодарить! — смотрю на заулыбавшуюся девушку и тоже улыбаюсь. — И пожелать замечательного свадебного путешествия и прекрасной семейной жизни!

— Спасибо, — Марго, взяв тарелку, вдруг судорожно вздыхает, — я так долго здесь проработала, до сих пор не верится, что ухожу.

— Ну, теперь у тебя муж, вам совершенно точно будет чем заняться, — подмигиваю ей, — но я тебя понимаю.

— Я буду скучать по этому месту...

Ой, у неё прямо слёзы на глаза наворачиваются!..

— Можно тебя обнять? — спрашиваю нерешительно.

Девушка кивает и шмыгает носом. У меня в носу тоже щиплет, шагаю вперёд и обнимаю свою... коллегу, хоть и бывшую теперь уже.

— Кхм, — раздаётся за нашими спинами, мы одновременно вздрагиваем и оборачиваемся.

Это босс вышел из кабинета. Стоит и смотрит как-то подозрительно.

— Что вы делаете, Марина?

А почему сразу я?

Марина

— Э-э, — недоумевающе гляжу на Марго, которая отвечает мне таким же растерянным взглядом, и опять поворачиваюсь к шефу. — У Марго закончился последний рабочий день, она... ну... расстроена немного. Я вот ей пирожное купила.

Последние слова уже мямлю, потому что звучит, как будто оправдываюсь непонятно в чём. Но Муромцев смотрит на своего бывшего секретаря, и его глаза теплеют.

— Зайдите ко мне на минуту, Марго.

— Да, конечно, — девушка оставляет тарелку с капкейком на столе и быстро идёт за шефом, а я со вздохом присаживаюсь на кресло для посетителей напротив рабочего места. Странно он как-то отреагиро...

— Ёп... перный театр! — прикрываю рот рукой и с опаской кошусь на дверь.

Неужели Муромцев решил, что я пытаюсь... О-о! Соблазнить его секретаршу?! Меня пробивает на нездоровое, почти истерическое хихиканье. Да нет, не мог он... А если и правда подумал?! От смеха начинает потряхивать, и я бегу налить себе водички. С трудом успокаиваюсь, и вовремя — довольная Марго выходит из кабинета. Улыбаюсь, глядя на неё. Наверное, что-то хорошее ей начальник сказал, а может, и премию выписал.

— Мари, я побежала! — Марго хватает сумку и лёгкий плащ. — За мной уже приехали, через несколько часов самолёт!

— Поздравляю тебя ещё раз, — отвечаю тепло.

— Спасибо!

Ух, как у неё глаза сияют! Даже завидно немного, наверное, они с мужем очень любят друг друга. Вздыхаю украдкой и встаю проводить девушку.

— Ты молодец и со всем справишься, — на прощание говорит мне Марго. — Если что — пиши! Помогу, чем смогу!

— Конечно, — отвечаю, но про себя думаю, что постараюсь не писать. Зачем отвлекать счастливых людей?

Ну вот и всё. Сажусь в кресло. Теперь я полноправная хозяйка в этой приёмной. Не успеваю как следует обдумать эту мысль, как дверь шефа открывается. Начальник выходит из кабинета и внимательно смотрит на меня. Встаю и отвечаю ему таким же взглядом. Пауза затягивается, поэтому решаю разбить молчание:

— Илья Сергеевич, у вас ко мне какое-то поручение?

— М-м, нет, точнее, да, — Муромцев смотрит на стол, видит забытое Марго пирожное и хмурится. — Правило первое, Марина — никакой еды на рабочем столе!

— Да, конечно, простите, — смутившись, быстро хватаю тарелку и уношу её в холодильник. — Это больше не повторится!

— Хорошо, — шеф кивает, — пойдёмте!

— Куда? — я быстро подцепляю с вешалки свою курточку, которую накинула сегодня — теплее на улице так и не стало.

— Я должен вас кое с кем познакомить.

— С кем? — настораживаюсь, какие-то странные заявления.

— С тем, от кого в значительной степени будет зависеть, сработаемся мы с вами дальше или нет, — начальство кивает на дверь и выходит, а я испуганно таращусь ему вслед.

Что это ещё за проверка? Коленки слабеют, мне становится не по себе.

— Марина, вы где застряли? — из-за двери доносится голос Муромцева, и я, нога за ногу, тащусь за ним.

Я думала, он поведёт меня в кабинет к какому-нибудь начальнику, а то и к генеральному, но мы спускаемся вниз, на стоянку, и босс идёт к машине.

— А... мы куда? — спрашиваю, с трудом успеваю за его широкими шагами.

— Ко мне домой, — Илья Сергеевич резко останавливается у передней двери автомобиля, и я еле успеваю затормозить, чтобы не впечататься ему в спину. — Садитесь!

Сплотнув, занимаю место рядом с мужчиной и пристёгиваюсь. Неужели у него есть женщина, которой мне надо понравиться? Вспоминаю слова Муромцева, что со своими любовницами он и сам справится, и решаю, что моё предположение — полная чепуха. Он же не смешивает работу и личную жизнь! Да и Марго меня бы предупредила.

Стараюсь не вертеться, но сижу как на иголках. Когда подъезжаем к современной многоэтажке, возле которой босс паркуется и глушит машину, понимаю, что район знакомый. Мне отсюда до своего дома, если идти дворами и срезать через парк, минут двадцать ходьбы.

— Пойдёмте, Марина, — босс уже вышел и смотрит на меня с насмешливой улыбкой, — никто вас не съест.

Выпутьываюсь из ремня безопасности и вылезая из машины. И правда, чего это я так трушу? Даже если там любовница, ну подумаешь, что я, силиконовых девиц не видела? Насмотрелась в первый день, уж будьте-нате! Так что расправляю плечи и готовлюсь идти своим неполным вторым размером на амбразуры.

Муромцев хмыкает и ведёт меня внутрь. Поднимаемся на лифте, он открывает дверь, и я вижу...

...мечту, так и не ставшую реальностью!

На меня смотрит огромный лохматый серый пёс. Смотрит, как мне кажется, с любопытством. Вот перевёл глаза на моего начальника, скупой качнул пушистым хвостом и вывалил язык, отчего сразу стало похоже, будто он улыбается. Ух, какой красавчик!..

Поднимаю сияющий взгляд на босса.

— Как его зовут? Можно мне его погладить?

Тот смотрит на меня, потирая подбородок, в глазах мелькает одобрение. Кивает:

— Грэй. Можно. Свой! — указывает на меня.

А я опускаюсь на колени и протягиваю вперёд руки. Даю Грэю сначала ладонь, которую он обнюхивает, а потом зарываюсь пальцами в густую шерсть. Собак подходит ближе и подставляет под мою ласку крупную голову, а я просто млею, почёсывая ему за ухом.

Ловлю на себе задумчивый взгляд Муромцева, но не обращаю на него внимания. Откуда ему знать, что я вижу практически свое ожившее воспоминание. Когда мне было шесть, родители решили взять щенка. Поехали посмотреть в питомник за городом — и там я увидела почти такую же огромную, только чёрную собаку.

Она была такой спокойной и добродушной, что заводчики даже при посетителях не пытались её где-то запирают. Как нам объяснила хозяйка, это была настоящая мать семейства — следила за выводками не только щенят, но и котят, и даже кур, которых они держали. Я прикипела к псице сразу, не отлипла от неё и рыдала, когда нам пришлось уезжать. Тогда щенка мы не выбрали, а спустя очень короткое время мама поняла, что беременна Алинкой. Собака отодвинулась на далёкую перспективу, а уж после смерти отца

мы и вовсе об этом не думали.

Я даже не заметила, как погрузилась в воспоминания, продолжая поглаживать Грэя, и вздрогнула от голоса шефа, про которого успела благополучно забыть.

— Вижу, вы подружились.

Поднимаю голову и краснею, сообразив, что так и сижу на полу в коридоре, а начальник между тем уже успел переодеться и держит в руках поводок. Подскакиваю и ойкою, понимая, что успела отсидеть себе ногу, которая теперь не слушается.

— Вы сами гуляете с ним? — морщась, потираю под коленкой, чтоб быстрее прошли противные иголки под кожей.

— С утра — да, днём и вечером его выводит кинолог — мужчина живёт прямо в этом доме, у меня с ним договорённость. Но вечером я и сам стараюсь вывести Грэя ещё раз, — отвечает Муромцев, пристёгивая поводок к ошейнику.

— То есть мне с ним не надо будет гулять, — тяну разочарованно, — а почему тогда вы сказали, что нас нужно знакомить?

— Иногда мне может понадобиться, чтобы вы зашли в квартиру за вещами или встретили домработницу, — босс пожимает плечами, — если бы вы боялись собак, это было бы затруднительно. Ну и Грэй теперь вас знает и без проблем пропустит внутрь.

Мысленно соглашаюсь и смотрю на огромного пёселя, который уже явно намылится на прогулку.

— Тогда... Это всё? Я могу идти домой?

— Да, — кивает шеф, — идёмте, я вас подвезу, а потом погуляю с Грэем.

— Да не надо, Илья Сергеевич, я дойду, — машу рукой, — мне же совсем недалеко.

— Ну тогда пойдёмте, мы вас немного проводим.

— Спасибо, — расплываюсь в улыбке, глядя на собаку. — А можно, я его немного поведу?

Начальство хмыкает и открывает мне дверь.

— Можно!

Илья

Иду следом за своей помощницей и улыбаюсь про себя. Ну прямо как маленькая, ведёт Грэя на поводке и светится от удовольствия.

Проходим краем тёмного парка, откуда тянет холодом и запахом молодой листвы. Вообще не очень удачное место — я хмурюсь, соображая. Не надо эльфу здесь одной ходить по вечерам. Фонари стоят редко, да и не все горят. Если вдруг так случится, что ей нужно будет прийти ко мне, пусть такси вызывает. Скажу завтра обязательно.

Поймав себя на мысли, что беспокоюсь о девчонке, недовольно встряхиваю головой. Мы уже почти дошли, дома светятся яркими квадратами окон, поэтому подхожу к ней ближе, протягивая руку за поводком.

Марина с расстроенным вздохом выпускает кожаную петлю и тянется к Грэю, чтобы ещё раз погладить. Наклоняется к нему, шепчет что-то на ухо. Интересно, что она сказала? Пёс вдруг пихает девушку головой, как будто подталкивает в сторону дома, а она смеётся и треплет его по ушам. Вот ведь... Спелись, когда только успели! И Грэя очаровать умудрилась! Так, стоп! Почему «и»?.. Хмурюсь, не понимая, что это за странное чувство, а потом вдруг соображаю, что ревную... кого? Грэя, который в первый раз так легко принял незнакомого человека? Или Марину?..

Муромцев, тебе лечиться надо! Совсем чокнулся! Встряхиваю головой. Это просто у

меня давно никого не было. Задумываюсь, кому бы позвонить, чтобы отвлечься, и пропускаю мимо ушей слова своей помощницы.

— Простите? — перевожу на неё взгляд.

— Спасибо, что проводили, Илья Сергеевич, — Марина повторяет то, что сказала секунду назад. — До завтра! Пока, Грэй!

— До свидания, Марина, — киваю и тяну пса обратно.

Девушка скрывается в подъезде. Грэй смотрит на закрытую дверь, а потом на меня. Почему-то мне чудится укоризна в собачьих глазах.

— Ну что ты так смотришь, — не выдерживаю вопросительного взгляда. — Домой она пошла! А мы с тобой гулять, а потом тоже домой!

Пёс вздыхает совсем по-человечески и поворачивает в сторону парка. Наверное, будь он человеком, сказал бы: «Идиот ты, Муромцев!»

Киваю сам себе. Да, идиот. Потому что непонятно по какой причине думаю о своём секретаре совершенно не в рабочем ключе.

Достаю из кармана телефон и, пока Грэй обнюхивает все кусты в округе, выбираю контакт, чтобы отвлечься и без напряжения провести время. Наконец, решив, что от добра добра не ищут, пишу Милане, с которой за последний месяц встречался несколько раз. С ней было вполне комфортно — я получал качественный секс во всех позах, а она — перевод на карточку.

Ужина у меня ещё не было, да и дома шаром покати, еда есть только для Грэя, вот и совместим приятное с полезным. Милана отвечает моментально и с радостью соглашается на ресторан, так что я завожу собаку домой, кормлю его, а сам еду к своей компании на эту ночь.

Марина

Последний день рабочей недели начинается отвратно. Алинка всю ночь кашляла, я не выспалась, да ещё и дождь зарядил, прямо как будто не май, а октябрь на дворе. Небо серое, низкое, пока бегу к остановке под зонтиком, успеваю промокнуть — такое ощущение, что сырость окружает со всех сторон, а не капает с неба.

Зайдя в сумрачную приёмную, включаю свет и делаю лампы поярче с помощью пульта. В окно даже смотреть не хочется, в такую погоду только под пледом с книжкой и чаем сидеть. Плед и книга мне не светят, но чай я себе завариваю. Сегодня пришла на работу рано, нет даже восьми, но дверь в кабинет Муромцева уже закрыта, значит, на месте трудоголик.

Вдыхаю пар со слабым мятным запахом и прикрываю глаза. Надо собраться с силами. Отпиваю горячий напиток, чуть не обжигая себе язык, и тут в приёмную торопливо заходит мой шеф. Только снаружи, а не из своего кабинета. Видит меня и останавливается.

— Вы уже здесь, Марина?

— Да, Илья Сергеевич, — с недоумением смотрю на него, — я думала, вы на работе.

— Почему вы так решили?

— Дверь к вам закрыта, — пожимаю плечами.

— Наверное, уборщица, — бормочет Муромцев, глядя на меня. Тянется к воротнику, поправляет его и я вижу...

— Эм, Илья Сергеевич... — мнусь, но всё же говорю: — У вас тут что-то... — показываю на шею.

— Что? — босс хмурится.

Что-что! Засос! Мощный такой, сине-фиолетовый. Неслабо к нему какая-то дамочка присосалась. Тоже, наверное, с губами. Но я выбираю деликатный вариант:

— Синяк.

— Твою ж мать! — внезапно ругается начальник, быстро подходя к небольшому зеркалу, которое висит возле выхода из приёмной. — Ах, она с-с-с... — не договаривает, внезапно кинув на меня взгляд и... ой, божечки, да он смутился! Ну, я уже большая девочка, так что отставить неловкость! Подхожу к нему поближе.

— Попробуйте застегнуть рубашку до конца, на верхнюю пуговицу. И галстук затяните покрепче, — советую вполголоса.

— И так всё застёгнуто! — ворчит Муромцев. — Хотите, чтобы я задохнулся?

— Это не в моих интересах, — качаю головой, — вы мой работодатель.

Да, как только начальник опустил плечи и повернулся ко мне, засос снова показался из-за воротника. Как же он его с утра-то не заметил? Или не до того ему было?

— В принципе, Илья Сергеевич, ничего страшного, — говорю спокойно. — Ну, подумаешь, зас... синяк, — успеваю исправиться на ходу.

— Марина, у меня сегодня важная встреча! — шеф в раздражении резко дёргает галстук.

— И? — я непонимающе смотрю на него. — Что вы, с настоятелем монастыря встречаетесь? Все взрослые люди и всё понимают.

— Это один из руководителей фирмы-партнёра. Он глубоко семейный человек и не слишком жалуется мужчин, которые... — Муромцев замолкает, смешавшись.

— Предпочитают свободные отношения? — предлагаю я ему приемлемую формулировку.

— Что-то типа того, — шеф опять поворачивается к зеркалу и рассматривает шею.

— Давайте попробую помочь, — сдаюсь и иду к сумке.

После столкновения с дверью я начала таскать с собой косметический набор. А то мало ли, что может приключиться. Достаяю спонжик, косметику — она у меня, конечно, недорогая, но какая разница — главное, чтобы сработала.

— Лучше в вашем кабинете, мало ли, кто-нибудь зайдёт, — киваю, приглашая начальника идти за собой и первая прохожу вперёд. Что-то я раскомандовалась, но Муромцев ни слова против не говорит, молча заходит следом.

— Расстегните воротник, пожалуйста, — произношу как могу спокойно, расставляя на столе свои «инструменты». — Постараюсь замазать след, чтобы его не было заметно.

Поворачиваюсь с корректором в руке и торможу. Мужчина, глядя прямо на меня, медленно расстёгивает верхнюю пуговицу, следом за ней ещё одну, затем ещё. Расширившимися глазами смотрю на показавшуюся смуглую гладкую кожу груди. Вот это да! Вроде и видно всего-ничего, а такое ощущение, что мне тут полноценный стриптиз показывают! Так, стоп! Мне же в моём новом «статусе» не может это нравиться!

— Достаточно! — вырывается резко, и я нервно сглатываю.

— Вы в порядке, Марина? — шеф внимательно наблюдает за мной, и я киваю.

— Да, конечно.

Беру себя в руки и подхожу ближе, становясь немного сбоку. Приходится почти прижаться к Муромцеву, чтобы дотянуться до шеи. Слегка оттягиваю левой рукой воротник, а правой тем временем аккуратно гримирую синяк корректором. Затем тоналка — аккуратно, чтобы не было особенно заметно, ну и полирую пудрой сверху. Счастье, что я, как и шеф, не особенно белокожая, так что и средства не слишком светлые. А то бы косметика здорово выделялась на коже.

Отступаю на шаг, оценивая свою работу и замечаю, что начальник с трудом выдыхает воздух, как будто дыхание задерживал всё это время.

— Ну вот, Илья Сергеевич, — оглядываю босса со всех сторон, — при искусственном освещении почти не заметно! Солнца сегодня нет, так что никто не обратит внимания. Давайте я, а то смажете, и след на рубашке останется! — тянусь и аккуратно застёгиваю пуговицы одну за другой, поправляю мужчине галстук. — Отлично!

У Муромцева вид немного ошарашенный, как будто его по голове пыльным мешком стукнули.

— С-спасибо, Марина, — произносит немного неуверенно.

— Пожалуйста, — забираю весь свой скарб, — встреча где будет, здесь?

— Какая встреча?

Так, начальство, похоже, зависло.

— Вы сказали, что у вас сегодня важная встреча с партнёром фирмы, который за семейные ценности, — напоминаю шефу. — Она будет здесь, в офисе?

— А, — Илья Сергеевич выпадает из ступора и проходит к рабочему столу, — да, здесь. У меня. С утра, часов в десять.

— Хорошо, — киваю, — скажите, если что-то будет нужно приготовить заранее. Я могу идти?

Муромцев кивает, и я быстро выметаюсь из кабинета. Проглатываю остывший чай и

закапываюсь в документы. Начальство тоже приходит в себя и заваливает меня заданиями, так что сижу, не поднимая головы.

Незадолго до десяти шеф выходит из кабинета.

— Марина, проверьте, всё ли в порядке!

— Я подготовила договоры, которые вам были нужны... — начинаю собирать бумаги в стопку на столе.

— Нет, я не о том! Шею у меня проверьте, — Илья Сергеевич подходит к моему столу.

— Ой, — поднимаю голову, уставившись на начальство. — Ах, ну да! — быстро выхожу из-за рабочего места и осматриваю свою утреннюю работу.

— Всё нормально. Давайте я только пудрой пройдуся, — достаю из ящика стола коробочку, специально далеко убирать не стала. Два взмаха спонжем — и готово.

Муромцев уходит к себе, а я начинаю немного нервничать. Что ж это за партнёр такой, что мой шеф так переживает перед встречей? Слава богу, долго задумываться мне некогда.

Гости заявляются, естественно, в самый неудачный момент, когда я выуживаю с верхней полки шкафа внезапно потребовавшиеся Илье Сергеевичу акты двухлетней давности. Слышу, как открывается дверь, неловко разворачиваюсь, и папка с бумагами падает прямо мне на голову. Да что ж это такое! Кто бы мог подумать, что работа секретаря полна опасностей!

— Осторожнее! — произносит низкий мужской голос.

Обладателя я не вижу — зажмурилась от удара, но почему-то он кажется знакомым.

— Мари, девочка, неужто ты?

Распахиваю глаза и не могу удержаться от улыбки.

— Папа Миша!

Марина

— Мари, сколько же мы не виделись? — Михаил Александрович, улыбаясь, обнимает меня, потом отодвигается, придерживая за локти и внимательно вглядываясь мне в лицо.

— Наверное, лет восемь, — пожимаю плечами, разглядывая мужчину, который несколько лет был Анькиным отчимом.

Он всегда был очень импозантным, и сейчас, с лёгкой сединой на висках, стал ещё интереснее. Стелла, Анькина мать, всегда привлекала красивых мужчин. С Михаилом Александровичем, который стал её вторым мужем, она прожила, по-моему, дольше всего — лет пять. А так как мы, трое подружек, постоянно тусовались друг у друга, то, конечно, не могли его не знать. Да и он всегда с радостью возился с детьми — вот мы все постепенно и стали называть его папа Миша. Аня, помнится, очень расстроилась, когда они с её матерью развелись — Стелла быстро устала от быта и закрутила очередной роман, удивительно, как ещё продержалась столько лет. Вспоминаю, что Муромцев сказал про глубоко женатого партнёра фирмы — значит, у Михаила Александровича есть семья. Это здорово, что после Анькиной матери он нашёл своё счастье.

— Ты стала настоящей взрослой красавицей! — меня наконец отпускают.

— Да скажете уж, пап Миш! — машу рукой и тут же краснею. — Ой, простите, Михаил Александрович!

— Не вздумай так меня называть, — строго грозит пальцем и улыбается, — вы мне все были как дочки. Как живёшь, Мари? Как Алинка? Как мама?

— Мамы не стало несколько месяцев назад, — говорю тихо и тут же тороплюсь продолжить: — Алинка уже совсем большая! И у нас всё хорошо! Работаю вот...

Ни за что не хочу, чтобы папа Миша мне сочувствовал — не хватало ещё разреветься на работе. И он как будто чувствует, пожимает мне плечо, но ничего не говорит.

— А что Аня? — переводит тему, и я благодарна ему за это.

— Аня теперь хирург, — говорю с гордостью за подругу. — Честно говоря, я думала, вы в курсе и поддерживаете связь, — ляпаю и тут же корю себя за длинный язык, глядя, как погрустнел мужчина.

— Сначала поддерживали, а потом Стелла закатила скандал, что у неё-де новый муж, и Аня должна его воспринимать, как отца, ну и как-то так вышло, — Михаил Александрович неловко пожимает плечами. — Но я очень рад за неё! Никогда не сомневался, что эта девочка сама всего добьётся!

— Да, она боец, — киваю в ответ и тут замечаю, что из кабинета вышел мой начальник, который с удивлением прислушивается к разговору. — Простите, пап Миш, я вас заболтала, а вы ведь по делу!

— Да что там тех дел, — он с улыбкой машет рукой, — раз тут такая ответственная секретарь, я могу быть спокоен!

Он, конечно, шутит, но мне всё равно очень приятно. А вот босс мой слегка хмурится, так что я решаю не испытывать судьбу — быстро подбираю упавшую папку с актами, провожаю мужчин в кабинет и отправляюсь варить им кофе, клятвенно пообещав Михаилу Александровичу, что схожу с ним пообедать, раз уж он сегодня сюда приехал.

И в самом деле, после затянувшегося совещания мы идём вместе на обед. Папа Миша

отводит меня в какой-то ресторанчик с обратной стороны офисного здания и за едой немного рассказывает о своей семье — он женился на женщине с маленьким сыном, а теперь у него подрастают ещё и дочки-близняшки, расспрашивает подробно и про Аню с Маруськой, и про Алинку, и про маму... Я всё-таки не удержалась и слегка всплакнула, но совсем чуть-чуть, так что, когда мы заканчиваем и меня провожают обратно в офис, уже полностью прихожу в себя.

— Мари, я буду рад помочь вам, если что! — Михаил Александрович смотрит серьёзно. — Номер мой у тебя теперь есть, не стесняйся звонить и писать мне, ладно?

— Спасибо вам, пап Миш, — киваю, на сердце теплеет от заботы, — но вы не переживайте! У нас правда всё хорошо, и у Ани с Маруськой тоже, мы друг друга поддерживаем, и вообще...

Мужчина кивает и, обняв меня на прощанье, выходит. Ох, у меня даже в носу опять защипало немного, но быстро встряхиваюсь и сажусь за свой стол. Надо поторопиться с рабочими задачами, а то обед у меня затянулся! Но продуктивно поработать удаётся недолго — Муромцев вызывает к себе.

Илья

Марина сегодня раз за разом вгоняет меня в ступор. Сначала закрашивала след, который достался от стервы Миланы. Интересно, чего эта дура хотела добиться? Поставить на меня знак: «Не подходить, занят»? С какой бы стати временная любовница начала считать, что она может себе такое позволить? Или, по её мнению, горячая ночка с перебором половины поз Камасутры — достаточное основание?

Про себя я уже решил, что вчерашняя встреча у нас была последняя. Тем более что насыщения так и не произошло — пока Марина, почти прижавшись ко мне, обрабатывала чёртов засос, в голове бродило хрен знает что, и всё с маркировкой восемнадцать плюс.

А потом оказалось, что моя секретарь близко знакома с Михаилом Александровичем, которого, между прочим, побаивается большинство сотрудников фирмы — мужчина острый на язык, легко может поставить в неудобное положение, если заметит какую-нибудь глупость или дурацкую ошибку, а этого добра везде хватает.

Но к Мари, как он называл девушку, явно относится с симпатией. На секунду у меня даже мелькнула мысль воспользоваться этим, чтобы наладить контакт потеснее, но я тут же отказался от этой идеи. Марина, насколько мне удалось узнать, — человек искренний, добрый, за друзей горой стоит, так что не нужно пытаться втянуть её в какие-то интриги.

Дождавшись, когда секретарь вернётся с обеда, вызываю её к себе, чтобы надавать поручений. Марина моментально является в кабинет. Вот только...

— Что у вас с глазами? — смотрю внимательно.

Она что, плакала?!

— А что? — пугается девушка.

— У вас всё в порядке?

На её лице проступает понимание, а потом слабая улыбка.

— Да, Илья Сергеевич, это просто... воспоминания.

Всплывает в памяти сегодняшней услышанный мной разговор — у Марины недавно умерла мать. Да, это я понять могу.

— У меня тоже родителей уже нет в живых, — произношу внезапно и сам теряюсь от своей откровенности.

Девушка сочувственно кивает, и я осознаю, что даже говорить больше ничего не нужно

— словно между нами протянулась крепкая нить взаимопонимания. Ощущения... непривычные для меня.

— Илья Сергеевич, какие будут поручения? — Марина переводит разговор в рабочую плоскость, и я чувствую облегчение.

Дальше день проходит без эксцессов, вечером я отпускаю секретаря почти вовремя — всё-таки пятница — и сам отправляюсь домой. Погода отвратительная, продолжает моросить мелкий дождь, и я искренне надеюсь, что Николай, кинолог из нашего дома, уже сходил с Грэем на вечернюю прогулку — самому мне сегодня никуда уже не хочется.

Захожу в квартиру, но меня никто не встречает. Хм, странно — смотрю на часы, пса уже давно должны были привести домой. Вряд ли бы они стали гулять долго при такой погоде. Может, Николай сегодня задержался?

Набираю мужчину, но он вне зоны действия. Жду пятнадцать минут, затем подрываюсь и выхожу из дома. Что-то мне всё это не нравится! Спускаюсь на два этажа и звоню в нужную квартиру.

— Куда ты запропастился, я уже начала... — жена Николая, Катерина, открывшая мне дверь, запинается, замолкает и бледнеет на глазах.

— Давно ушёл? — спрашиваю быстро.

— Давно, — шепчет Катя, сглатывая, — уже часа полтора как, а может и все два.

Киваю и, развернувшись, бегу к себе. Если что-то случилось с ним и с Грэем... Не даю себе додумать, достаю зонт, но тут же откладываю и вместо него сую в карман фонарик, хватаю телефон, который тут же начинает вибрировать.

— Да?

— Илья Сергеевич, — раздаётся голос секретаря, — я хотела уточнить...

— Марина, не сейчас, — бросаю резко.

— Что случилось? — видимо, она понимает по тону, что что-то не так.

— Грэй пропал, — говорю в трубку, пока спускаюсь в лифте. — Кинолог с ним ушёл на прогулку, их до сих пор нет. Мужчина пожилой, мало ли что могло случиться.

Слышу, как девушка ахает, но тут же быстро произносит:

— Я буду через пятнадцать минут!

— Ещё не хватало! Куда вы собрались? — спрашиваю почти грубо.

— Помогу вам искать их!

Я не успеваю возразить, как в трубке слышится возня и гулкий перестук ног по ступенькам.

— Я ещё даже переодеться не успела, так что скоро буду! Встретимся возле парка, вход, где вы меня провожали — они наверняка в парке гуляют обычно? — девушка говорит, немного запыхавшись, видимо, уже бежит.

— Хорошо, — сдаюсь, её помощь и в самом деле может понадобиться. — Буду ждать вас там.

Илья

Ждать мне, собственно, почти не приходится. Марина подбегает к назначенному месту практически в одно время со мной. Девушка, как и я, в куртке с капюшоном, без зонта — в поисках он только помешает, парк в нашем районе больше похож на лес.

— Давно их нет? — спрашивает, восстанавливая дыхание.

— Жена Николая — это кинолог, — поясняю, видя, что она не понимает, — сказала, от полутора до двух часов. Так что нам надо поторопиться.

Достаю из кармана фонарик, который взял с собой, передаю его девушке.

— Идёмте! Вряд ли они бы пошли далеко, уж больно погода неподходящая. Начнём с центральной аллеи, а там посмотрим. Зовём Грэя — Николай может быть без сознания или ещё что, а пёс натренирован, на кличку отзовется.

Из-за моросящего дождя и низкого неба быстро сгущаются сумерки, плюс в парке темнее из-за деревьев. Освещение есть, но фонари стоят редко, народу никого. Мы с Мариной, время от времени зовя Грэя и прислушиваясь, быстро идём вперёд. Не проходит и десяти минут, как откуда-то сбоку на мой очередной крик доносится собачий лай. Переглядываемся и бежим в ту сторону, не прекращая звать собаку. В конце концов выскакиваем на полянку и видим Грэя, который стоит над лежащим на земле мужчиной.

Марина, ахнув, бросается к Николаю, щупает пульс, приподняв веко, светит фонариком в глаза. Надо же, как уверенно действует, явно навык есть. Я в это время распутываю поводок, который надет на запястье мужчины, осматриваю Грэя, но пёс в полном порядке, только шерсть вся сырая.

Звоню в скорую, объясняю ситуацию. Говорят, что машина скоро будет.

— Марина, — зову секретаря, — нужно отвести Грэя домой, он весь мокрый. Берите ключи, — протягиваю ей связку. — Сможете помыть ему лапы и вытереть как следует? Я останусь здесь, надо дожидаться скорую!

— Конечно, Илья Сергеевич, — девушка кивает, забирая у меня ключи. — Грэй, идём!

Пёс смотрит на меня, потом на Марину, и я подталкиваю его к ней.

— Давай, дружище, проводи Мари домой, — сам не замечаю, как использую короткое имя, но девушка реагирует нормально, и они с Грэем уходят.

Пока дожидаясь скорую и помогаю молоденькой докторше и шофёру загрузить Николая в машину, успеваю промокнуть и промёрзнуть до костей. Торопливо иду к выходу из парка, по дороге звоню Катерине, сообщая, в какую больницу отвезли её мужа, и, наконец, прихожу домой, где меня встречает встревоженная Марина и успевший подсохнуть Грэй.

— Илья Сергеевич, вам надо срочно согреться! Я чай приготовила, — девушка вопросительно смотрит на меня.

— Спасибо, — киваю, — я в душ, потом поплюю обязательно, — чувствую, что силы внезапно кончились.

— Тогда я, наверное, пойду, — Марина мнётся у входа.

— Подождите секунду, — достаю из шкафа запасную связку ключей, — возьмите на всякий случай. У Марго тоже были ключи, — поясняю, глядя на удивление на лице девушки.

— А-а, поняла, хорошо, — она забирает у меня связку.

— И вызовите такси! — вспоминаю, что не хотел, чтобы Мари ходила одна мимо парка.

— Да я и пешком... — начинает она, но тут же запинается, видя, что я нахмурился. —

Хорошо, Илья Сергеевич, сейчас вызову.

— Закроете за собой, — киваю девушке и отправляюсь стоять под горячим душем.

Спустя полчаса с трудом выползаю из ванны, проглатываю приготовленный Мариной чай, не чувствуя вкуса, и валюсь на постель, засыпая, кажется, ещё до того, как коснулся головой подушки.

Марина

Субботу я собираюсь провести в режиме тюленя. После вчерашнего нервного вечера делать ничего не хочется. Жую какое-то печенье вместо завтрака, включаю первую попавшуюся дурацкую комедию и валяюсь в кровати.

Алинка убежала куда-то с подружками, поэтому дома тихо, а мне только того и надо. Но долго потупить в экран не получается — звонит Маруська.

— Мари, — голос подруги отдаёт нездоровым любопытством, — я скоро лопну!

— Чего это?

— Как чего?! Подробности где? Я жажду подробности! Ты в курсе, что все наши бухгалтерские дамы шушукуются по углам о том, что Муромцеву кто-то пропихнул блатную девицу на тёпленькое место?

— Ну надо же, как я угадала, — тяну в трубку, пялясь в потолок. — А ты откуда знаешь?

— Я косяк в программе исправляла, вот и наслушалась, — на заднем плане раздаётся недовольное детское лопотание и сразу следом пронзительный крик.

Вздрагиваю, отнимая телефон от уха.

— Что там у тебя? — спрашиваю подругу, которая пытается урезонить сына.

— Я забрала у него ложку, — судя по возне в трубке и пыхтению, Маруся берёт Матвейку на руки.

— Зачем? — недоумеваю.

— Затем, что вся кухня уже в чёртовом кабачке и вонищей цветной капусте! — рывкает подруга, и я не могу сдержать смех.

— Смейся-смейся, — она хочет что-то сказать, но в трубке очередной раз раздаётся грохот, треск, и связь прерывается.

Кладу телефон рядом и откидываюсь на кровать. Маруся перезванивает через десять минут.

— Представляешь, он телефон у меня вытащил и швырнул на пол! Хорошо, не разбил!

— Давай забегу к вам после обеда? — вслушиваюсь в вопли Матвейки на заднем плане.

— Отлично, жду!

— Аньке не звонила?

— Она на сутках сегодня. Матвей, нет, положи сейчас же! Мари, мне пора, — торопливо произносит подруга и отключается.

Днём я выкарабкиваюсь из кровати и, одевшись потеплее, топаю к Марусе. Когда уже закончится этот холод?

Потом мы вдвоём возимся с Матвеем, который капризничает после дневного сна, выходим немного прогуляться, ужинаем вместе. Подруга пытается меня насчёт отношений с боссом, смеёмся, когда я рассказываю, как умудрилась пройти собеседование и как работала эту неделю. В общем, тихие, спокойные, семейные посиделки.

Время подходит к восьми часам, когда я, наконец, собираюсь домой. Пока иду,

соображаю, что дом подруги расположен примерно посередине между моим и тем, где живёт начальник. Интересно, как он сегодня? Вчера ведь вернулся мокрый, замёрзший... Не знаю, зачем, но я даже специально делаю небольшой крюк и заруливаю в парк. Тут же вспоминается, как вела вчера Грэй домой, мыла и вытирала. До чего умный пёс — сам лапы поднимал и подставлял!

Стоило подумать о нём, как из-за поворота показывается знакомая фигура с собакой на длинном поводке. Грэй подскакивает ко мне, виляя хвостом, и я треплю его за ушами.

— Добрый вечер, Илья Сергеевич, — поднимаю глаза на начальника, но улыбка тут же сползает с губ.

Мужчина бледен почти до синевы и не успевает поздороваться в ответ, как раздражается жутким и отлично мне знакомым лающим кашлем.

Марина

— Илья Сергеевич, вам нельзя гулять в таком состоянии! — я с сочувствием смотрю на заболевшего начальника.

— Грэя выгуливать теперь некому, Николай в больнице, — хрипло произносит шеф и морщится, потирая горло.

— Как он?

— Жить будет, Катерина звонила, благодарила, говорит, всё будет хорошо.

— Почему вы не позвонили мне? — чувствую, что начинаю сердиться, ну что за безобразие — ходить по холоду в таком состоянии. — В конце концов, я ваш личный помощник! Давайте я с Грэем пройдусь!

Муромцев с сомнением смотрит на меня, но я решительно тяну на себя поводок.

— Давайте-давайте, мы немного прогуляемся, ничего не случится — с таким-то защитником рядом, — с улыбкой смотрю на собаку, но тут же опять перевожу серьёзный взгляд на шефа. — А вы идите домой, я Грэя приведу через полчаса.

Начальство наконец вняло голосу разума в моём лице и отправилось в тепло, а мы с пёселем пошли в парк. Погуляли, побегали за палкой, нашли собачью площадку — правда, Грэй наотрез отказался идти на специальный собачий тренажёр — подниматься по ступенькам. Ещё и смотрел на меня с таким скептическим выражением на лице, то есть на морде, дескать, «с чего бы мне туда тащиться?»

В общем, я поняла, что не зря в детстве хотела собаку! Вот уж точно — с ним лучше, чем с человеком.

Возвращаемся к дому, завожу Грэя в квартиру и тут же иду с ним в ванную, мыть лапы. Муромцев в коридор не выходит, может, заснул? Стараясь делать всё тихо и быстро, отмываю и вытираю пса, а затем, поколебавшись, всё-таки иду проверить болеющего начальника.

Шеф обнаруживается в спальне, на кровати — одетый и под одеялом. Подхожу ближе и понимаю, что всё плохо.

— Илья Сергеевич, — зову его, — я привела Грэя.

— Спасибо, — голос хрипит и тут же срывается.

— Вам срочно нужен врач, — говорю встревоженно.

— Не выдумывайте, — он ещё спорит. — Это всего лишь простуда.

— Я же слышу, у вас сильные хрипы, — не отстаю от мужчины. — Это не простуда, можете мне поверить! Это как минимум бронхит! Можно? — протягиваю руку и касаюсь лба. — Да у вас же температура высоченная!

Пальцы и правда будто обжигает. Не меньше тридцати девяти, а то и выше!

— Я уже выпил таблетку, — Муромцев кивает на столик, где я вижу обычное всем известное жаропонижающее.

— Вам бы пить побольше, давайте, сделаю вам чай? — что-то я сомневаюсь, что таблетки ему помогут, и не хочу пока уходить.

Шеф только кивает, продолжая лежать с закрытыми глазами. На кухне я нахожу заварку, готовлю чай, прислушиваясь к кашлю, который то и дело доносится из комнаты.

Приношу в спальню чай, но начальник не торопится пить. Нет, нельзя его сейчас

бросать, как бы хуже не стало.

— Илья Сергеевич, давайте я скорую вызову, а? — говорю просительно.

— Не вздумайте!

— Да чего вы?..

— Уволю! — скрипит начальство, и я замолкаю.

Ухожу в соседнюю комнату, сажусь рядом с Грэем, который лежит на своей лежанке.

— Такой же упрямый, как и ты, — шепчу псу, поглаживая его по голове.

Спустя полчаса опять заглядываю к Муромцеву.

— Шеф? — зову тихонько. — Как вы себя чувствуете?

Мужчина не отвечает, и я подхожу поближе. Заснул что ли? Аккуратно щупаю лоб — такой же обжигающий, Муромцев вдруг, тихо застонав, дёргается, закашливается, но глаз не открывает.

— Илья Сергеевич? — испуганно повышаю голос.

Ноль реакции. Чёрт, неужели в бессознанке?! Слегка трясую его за плечо, зову опять, но мужчина по-прежнему не реагирует. Начинаю метаться по квартире, ломая руки. Что делать-то? Смотрю на часы — времени уже одиннадцать, хватаю телефон и набираю Аню. Маруся говорила, она сегодня на суточном дежурстве, но, может, мне повезёт?

Первый звонок — мимо. На второй раз, слава богу, в трубке щёлкает.

— Мари, мне некогда! — Аня говорит резко, но я не обижаюсь, она всегда такая, когда на работе.

— Анечка, у меня беда! — пытаюсь зацепить подругу, которая, естественно, сразу настораживается.

— Что случилось? С Алинкой что-то?

— Анют, у меня тут мужчина без сознания валяется! — говорю торопливо.

— Откуда у тебя мужчина взялся? — удивляется подруга. — Ещё и без сознания?

— Мой босс. Ань, похоже, у него сильный бронхит, температура высоченная, задыхается, а сейчас я его зову, а он не реагирует толком, как в забытии лежит.

— Вызывай скорую! — рубит подруга, и я понимаю, что она права, вот только...

— Ань, он пригрозил меня уволить, если скорую вызову, — говорю и понимаю, как глупо это звучит.

— Что за детский сад? — возмущается она и тут же произносит в сторону: — Я сейчас подойду!

— Анечка, миленькая, — отчаянно шепчу в трубку, — а если это пневмония?! Слушай, ты можешь вырваться и забежать хоть на минутку? Я оплачу такси!

— Спятила? — Аня, прикрыв трубку рукой, отдаёт кому-то какое-то поручение, и опять шипит, — я на суточном дежурстве! Меня Добрынин убьёт, если я куда-то уйду... И будет абсолютно прав, — ворчит недовольно.

Про Добрынина я в курсе — он главный хирург отделения и порядочная сволочь, по мнению самой Ани, но сейчас мне не до него.

— Анют, что мне делать-то?

— Не ерунди и вызови скорую, — припечатывает Аня.

— А если он меня и правда уволит?

— Если сдохнет, всё равно работу потеряешь, — подруга неумолима.

— Чёрт-чёрт-чёрт...

— Так, ладно, не причитай, — в трубке становится потише, видимо, Аня зашла в

кабинет, — у меня идея. Давай рысью домой, у тебя там куча лекарств ещё от мамы осталась. Звонишь мне, перечисляешь, что есть — может, найдём что-то подходящее.

Я мелко киваю, как китайский болванчик, забыв о том, что подруга меня не видит.

— Быстро только, поняла? — Аня рывкает так, что я вздрагиваю. — Я всю ночь на телефоне висеть не смогу!

— Да-да, Анют, я мигом!

Рванула в коридор, на бегу открывая приложение такси. Слава богу, машина находится быстро. Спустя пятнадцать минут водитель притормаживает у подъезда, и я птицей взлетаю на свой четвёртый этаж.

— Мари, ты где была? — в коридор выскакивает Алинка. — Позвонить не могла? На часы смотрела вообще? Уже двенадцатый час!

— Алин, прости, у меня форс-мажор, — я, не раздеваясь, кидаюсь на кухню, попутно набирая Аню. Выволакиваю из холодного шкафа под подоконником коробки с лекарствами.

— Что там у тебя? — подруга отвечает почти сразу. — Дышит, говоришь, хреново — вполне вероятно, бронхоспазм. Похоже на то, как Алинка задыхалась при аллергии?

— Да, вроде...

— Тогда ищи преднизолон, у тебя точно есть, я сама выписывала вам, чтобы на всякий случай дома был.

— Да, вот он, — быстро достаю знакомую пачку.

— Хорошо. Дальше. Смотри ампулы, а не таблетки, проглотить ты его всё равно сейчас ничего не заставишь, раз он в отключке валяется.

— Так, — я, прижав трубку плечом к уху, быстро перебираю лекарства, говоря ей вслух названия.

— Не то... Не то... Нет, это тоже не пойдёт...

— О, Ань, пенициллин есть! Четыре флакона! Откуда только взялся, даже не помню...

— Другого ничего получше нет? — Аня вздыхает, — Ну ладно. Срок годности проверь, нормальный?

— Да!

— Новокаин поищи тогда ещё! Должен быть, раз пенициллин есть.

— Зачем? — непонимающе хмурюсь.

— У него и так весь зад в желваках будет, — Аня хмыкает. — Новокаином лучше разводить, не так больно по крайней мере!

— Нашла! — выдыхаю облегчённо.

— Отлично! Уколешь преднизолон один раз. Пенициллин с новокаином разведёшь в нужной дозировке, — подруга называет цифры. — Колоть нужно будет каждые три-четыре часа. Сколько у тебя там, четыре ампулы? Вот четыре раза и сделаешь. Следи за дыханием и состоянием внимательно. Если хоть на секунду покажется, что хуже стало — даже не пытайся звонить мне с вопросами, скорую вызывай, поняла?

— Спасибо, Анечка! Я твоя должника!

— Ладно уж, — проворчала подруга, — утром напиши. Если всё нормально будет, с дежурства сменюсь и забегу, гляну его. Адрес только скинь.

— Хорошо! — сбрасываю звонок и скачу обратно в коридор.

— Марин, что случилось-то? — Алинка, прибежавшая за мной на кухню, сейчас идёт по пятам.

— Шеф заболел. Видимо, переохладился, когда мы с ним Грэя искали. От врачей

наотрез отказался, пригрозил уволить, если скорую вызову. И отключился, гад — такой сон, знаешь, больше на обморок похожий, — поспешно тыкаю в телефон, вызывая такси. — Весь горит, таблетку успел выпить, но температура не снижается, и дышит с трудом, вот почти как ты во время приступа. Я запаниковала, с Анюткой связалась, она подсказала, что сделать. Сейчас обратно к нему поеду. Прости, что не позвонила, Алин, у меня просто ум за разум заходит.

— Я-ясно, — тянет Алинка. — Слушай, может тогда ингалятор возьмёшь? Раз ему дышать тяжело?

— Точно! И как я сама не подумала? — смотрю в приложение, такси должно подъехать через минуту. — Тащи его сюда, и растворы для ингаляций тоже!

Сестра быстро приносит коробку. Запас нужных лекарств у нас всегда есть на случай её аллергии.

— Спасибо! Всё, я помчалась! Ночь там проведу, если что — звони! — я быстро захлопываю дверь и, прыгая через ступеньки, бегу к машине.

Врываюсь в квартиру и первым делом проверяю, как там босс. Лежит, тяжело дышит. Зову по имени — ноль реакции, на прикосновения тоже не реагирует.

Ладно, придётся действовать на свой страх и риск. С одной стороны, мне не привыкать, три года за лежачей мамой ухаживала, всё знаю — как перевернуть, помыть, постель перестелить, укол сделать. С другой — с мужчиной, конечно, тяжелее во всех смыслах. Интересно, не прибьёт меня Муромцев за самоуправство, если внезапно очнётся? С другой стороны, сам виноват, надо было на врача соглашаться.

Ворча себе тихонько под нос, с трудом перекаत्याю мужчину на живот. Ух и здоровенный он... Останавливаюсь, отдышавшись, проверяю, не очнулся ли — нет, всё по-прежнему. Готовлю всё для инъекций и в нерешительности замираю, но тут же заставляю себя сделать всё, что нужно — не время сейчас миндальничать. Шеф не просыпается, только слегка мычит, реагируя на иголку. Смотрю на часы — полночь.

Перекалдываю его обратно на спину, стараясь подтянуть повыше, в полусидячее положение, делаю раствор и включаю ингалятор, придерживая маску на лице мужчины. Он на секунду открывает глаза, но взгляд мутный, не соображающий, тут же закрывает обратно — я и испугаться не успела.

Сделала ингаляцию по схеме, как с Алинкой — все эти дозировки я наизусть знаю, и, выключив гудевший прибор, начинаю прислушиваться к дыханию. Теперь главное — не упустить момент, если ему вдруг станет хуже.

Но спустя полчаса понимаю, что я молодец! Муромцев дышит уже не так тяжело, хоть хрипы и есть — но всё значительно лучше, чем было! Ура!

Кладу руку на лоб, проверяя температуру, и обнаруживаю, что она тоже спала — мужчина лежит мокрый как мышь. А вот это не очень хорошо. Надо переодеть его и поменять постель.

Марина

В растерянности стою и смотрю на босса. Вот ведь зараза, что мне с ним делать? Ну, допустим, с постелью я справлюсь, там, в конце концов, ничего сложного, если умеючи. А вот переодевать мужчину... С другой стороны, оставить его так тоже нельзя.

— Так, ладно, Мари, — вот дурацкая привычка разговаривать с собой вслух, когда нервничаю, но меня успокаивает. — Ты просто начни! А там дальше само собой всё как-нибудь вырулит!

Смотрю на дверной проём и вижу стоящего там Грэя. Пёс слегка поскуливает и проходит внутрь, ко мне, усаживаясь возле ног.

— Надо помочь твоему хозяину, так ведь? — ну вот и собеседник появился.

Грэй смотрит на меня очень внимательно, и я почему-то уверена — он всё понимает и согласен.

— Ты прав, — киваю. — Твой хозяин меня взял на должность кого? Правильно, личного секретаря! Правда, такого рода помощь у нас с ним в договоре не прописана, но можно же попросить за это премию, так ведь? — улыбаюсь, понимая, что никогда в жизни так не сделаю.

Дурацкая болтовня помогает набраться уверенности, и я иду рыться в шкафах — искать смену постельного белья и какую-нибудь одежду для шефа. Нахожу всё что нужно, возвращаюсь и развиваю бурную деятельность. С трудом, но мне удаётся снять с мужчины насквозь сырую футболку, приношу горячее влажное полотенце, протираю ему шею, спускаюсь к груди.

Ух, вот это экземпляр, конечно! Аж саму в жар бросило! То и дело залипаю на мышцы, но стараюсь не отвлекаться — а то вот очнётся сейчас и не посмотрит, что я тут с ним вожусь, уволит к чёртовой матери.

Заканчиваю с торсом и, не снимая с бёдер простыни, стаскиваю с него штаны. Вот же чёрт! Нижнего белья мой начальник, видимо, не признаёт. Ну, туда я со своим полотенчиком не полезу! С трудом перекаत्याю мужчину на другую сторону кровати и сажусь отдышаться. Вдруг вспоминается мультик про какого-то богатыря, которого было не разбудить, пока рассвет не наступит. Фыркаю — вот и этот Илюша, блин, Муромец такой же.

Вздохнув, начинаю перестилать постель. Кровать у босса, конечно, будь здоров, приходится повозиться, но, наконец, заканчиваю, пыхтя как десять ёжиков. Теперь надо одеть его, и пусть себе дальше спит, во сне, говорят, выздоравливают.

Я уже почти справилась, когда в голову начинают лезть всякие неприличные мысли.

— Прекрати, — опять бурчу сама себе, — ну что ты, голых мужиков не видала? Нечего там разглядывать!

Вот знаю я про себя, что любопытство — мой главный порок! Всегда из-за этого вляпываюсь! Но пока еле-еле натягиваю на шефа домашние брюки, руки просто чешутся приподнять одеяло и посмотреть. И я бы справилась, но за меня решает Грэй, который всё это время внимательно наблюдал, что я делаю — он зачем-то хватает край одеяла и тянет на себя. Даже охнуть не успеваю, как всё сползает, и глаза у меня лезут на лоб.

— А-хре-неть, — шепчу по слогам, прижимая ладони к покрасневшим щекам.

Да уж, тут есть что разглядывать! Неудивительно, что на мою должность стояла очередь

из девиц с апгрейдом — они же все именно на это собирались претендовать. Ну, правда, и на кошелёк ещё. А та, которая ему засос поставила — понимаю тебя, подруга! Это ж как он, наверное... Становится жарко, и я начинаю обмахиваться ладошкой. Перевожу взгляд на собаку — Грэй с одеялом в зубах явно ждёт благодарности.

— Ах ты ж моя зайка, — поглаживаю пса, — догадался, что мне любопытно, да? Но теперь давай лучше мы его укроем!

Забираю у довольного Грэя одеяло, быстро одеваю шефа до конца — теперь-то уж чего — и, наконец, со вздохом облегчения падаю в кресло в углу комнаты.

Время подходит к двум часам ночи, но лечь спать я сейчас не могу: Аня говорила, что антибиотик надо колоть каждые четыре часа. Поэтому сворачиваюсь в кресле в неудобной позе, чтобы не заснуть крепко, и выставляю будильник.

В четыре часа, покачиваясь от недосыпа, ухитряюсь сделать второй укол, так и не разбудив мужчину. Вообще, Анька говорила, что у меня рука лёгкая, надеюсь, так и есть. Опять устраиваюсь в кресле и теперь уже проваливаюсь в глубокий сон.

Снится мне, надо сказать, сплошная порнография! Причём с Муромцевым в главной роли. И во сне мне совсем не неловко — наоборот, я бесстыже подставляюсь под поцелуи и всё остальное, сходя с ума от удовольствия. Вот только когда кажется, что до пика осталось совсем немного, он вдруг отстраняется, и я слышу:

— Марина? Мари-ина!

Открываю глаза и подпрыгиваю, оглядываясь. Сердце колотится то ли от испуга, то ли от возбуждения, которое ещё не утихло. Но тут же вспоминаю, где я, и торопливо подхожу к проснувшемуся наконец шефу. Протягиваю ему стоящий тут же на тумбочке стакан прохладной воды, который он, приподнявшись, на автомате берёт и выпивает.

— Как вы себя чувствуете, Илья Сергеевич? — спрашиваю, забирая пустой бокал.

— Что вы здесь делаете? — отвечает вопросом на вопрос мужчина и непонимающе хмурится.

— А вы не помните? — спрашиваю с надеждой.

— Н-нет, — произносит с запинкой, — а что я должен помнить?

На меня накатывает облегчение. Это хорошо, что он не помнит. Это просто прекрасно!

— Вам было плохо вчера. Температура, кашель — вы почти задохались. От врачей отказались, потом... — я мнусь, но продолжаю, — ну, не то чтобы потеряли сознание, но почти.

— Вы всё-таки вызвали скорую, — он говорит не с упрёком, а скорее просто констатируя факт.

— Нет, — я качаю головой, — вы мне увольнением пригрозили.

— Но я чувствовал... что-то, — он недоумённо скидывает на меня глаза.

— Не переживайте, я всё сделала сама.

— Что вы сделали?

— Эм-м, — мне неловко говорить, но представляю, насколько хуже ему, если он и правда ничего не помнит, — я ввела вам нужные лекарства, чтобы снять спазм в бронхах и сбить температуру.

— Откуда вы знали, что делать?

— У меня подруга врач, она проконсультировала, — что-то это уже напоминает допрос.

— А почему я... — Муромцев оглядывает себя, сдвигает вниз одеяло и смотрит на меня с подозрением.

— Температура спала, вы сильно вспотели... — стараюсь говорить максимально дипломатично.

— Вы... меня переодели?

— И сменила постель, — киваю.

Шеф прикрывает глаза и сжимает пальцами переносицу.

— Илья Сергеевич, вам плохо? — всполошившись, щупаю лоб. Нет, температуры вроде нет.

— Марина, помолчите сейчас, пожалуйста, я пытаюсь справиться с собой, — произносит мужчина тихо, и я, захлопнув рот, усаживаюсь обратно в кресло. Смотрю на часы — стрелка подходит к восьми, скоро следующую инъекцию делать. Решаю пока заварить чай, да и умыться не помешает — хоть в лицо водой поплескаться.

Приготовив всё, вхожу обратно в спальню, неся с собой плоское деревянное блюдо, которое обнаружила на кухне. Шеф лежит с закрытыми глазами, но услышав шаги, тут же поворачивает ко мне голову.

— Это ещё зачем? — нервно косится на поднос, где рядом с чашкой лежат ампулы и стоит спирт с ватой.

— Лекарство каждые четыре часа надо вводить, иначе опять плохо станет.

Приготовив раствор, схожу к кровати.

— А таблетку нельзя выпить? — Муромцев с несчастным видом смотрит на шприц в моей руке.

— На антибиотик в таблетках надо рецепт получить, а у меня нет. Вы же от врачей отказались. И ампулы-то чудом нашлись. Да не переживайте вы так, Илья Сергеевич, просто повернитесь, я быстренько всё сделаю, — чуть не ляпаю «я там уже всё разглядела», но вовремя прикусываю язык и умоляюще складываю брови домиком. — Ну вам что, болеть понравилось? Ещё хотите?

— Нет, не хочу, — тяжело вздыхает. — Ладно... — перекладывается ко мне спиной, откидывая одеяло.

— Вот и хорошо, вот и молодец, — приговариваю успокаивающе, сдвинув пониже край домашних брюк и протирая кожу ваткой со спиртом. — Медленно надо вводить, расслабьте мышцы и потерпите чуть-чуть.

Мужчина резко вдыхает и сжимает подушку, но молчит.

— Всё-всё, уже всё! — убираю шприц подальше, Муромцев быстро натягивает на себя одеяло и, морщась, поворачивается обратно. Честное слово, больные мужики — как дети.

— Потрите место укола, — снимаю чашку с подноса и ставлю поближе к постели, чтобы до неё можно было дотянуться. — И выпейте чаю.

Тихонько выхожу из комнаты, чтобы не смущать шефа ещё больше. Поздновато, конечно, задумываться об этом, но видно ведь, что ему неловко. Пойду лучше приготовлю что-нибудь поесть. Вряд ли он сейчас захочет, но чуть позже всё равно нужно будет. Особенно если Аня всё-таки забежит и выпишет ему нормальные антибиотики — не на пустой же желудок их пить. У неё смена заканчивается в восемь, но сразу она никогда не освобождается, только спустя несколько часов.

Зеваю и тру лицо руками — ночь почти без сна даёт о себе знать, но сейчас отдохнуть не выйдет. Ползу на кухню. За мной, помахивая хвостом, топают Грэй.

— Что, приятель, позавтракать хочешь? — треплю мохнатые уши и опять зеваю, чуть не вывихнув челюсть. — Сейчас покормлю. И прогулять тебя надо.

Пёс вываливает язык и смотрит на меня, наклонив голову. Вид у него до того потешный, что невольно улыбаюсь. Ночка была, конечно, абсолютно чумовой, но Илье Сергеевичу лучше, так что всё теперь будет хорошо.

Нахожу в морозилке тушку, в которой опознаю курицу, успеваю поставить вариться бульон, покормить Грэя и даже вывести его. Как хорошо, что он воспитанный. Такая туша если куда-нибудь намылится бежать, я следом за поводком улечу. Прохаживаемся с ним до парка, но далеко не уходим, не хочу оставлять начальника одного надолго.

Аня появляется спустя почти три часа. Я утром скинула ей адрес смской и попросила в дверь не стучать, а позвонить мне, я ей открою.

— Ну что, — подруга уставшая и в язвительном настроении, как и всегда после дежурства, время на пустые разговоры тратить явно не собирается, — как тут больной?

— Недоволен уколами, так что явно получше, — улыбаюсь в ответ.

— Сколько раз антибиотик колола?

— Три. Четвёртый не успела, по времени рановато, — гляжу на часы.

— А стоило бы вкатить! — ворчит Аня. — И без новокаина. Пусть бы помучился зараза. То же мне, Дон Кихот нашёлся, чем ему врачи не угодили?

— Дон Кихот-то тут причём? — прыскаю, не сдержавшись.

— Да я первое попавшееся имя назвала, — подруга зевает, — у меня после суточного мозги в отключке. Ладно, пойдём, послушаю этого твоего Илью.

— Он не мой!

— Да-да, ты ж у нас теперь по девушкам, — подруга ехидно косится на меня, — мне пора беспокоиться о своей нравственности?

— Иди ты со своей нравственностью, — бурчу, — можно подумать, она у тебя есть. Это у хирурга-то, ты ж каждый день голых людей режешь.

— Мы, хирурги, как раз очень высоконравственны, — подруга задирает нос и улыбается. — И не людей, а пациентов — есть, знаешь ли, разница! Давай, показывай, где можно руки помыть, и веди к больному.

— Туда, — я машу рукой, — пойдём, провожу.

Прохожу вперёд по коридору и заглядываю в спальню.

— Илья Сергеевич, это Анна, моя подруга, про которую я вам говорила. Она очень хороший врач.

Илья

Так хреново мне не было, наверное, никогда в жизни. Сознание уплывает, голова раскалывается, лёгкие горят... Да и вообще всё тело горит. Сначала я ещё смутно понимаю, что где-то поблизости находится Марина, которая привела Грэя, но потом впадаю в какое-то странное оцепенение, когда не понимаешь, на том ты свете или на этом.

Но это состояние не длится долго — что-то меняется. Сначала становится легче дышать. Потом уходит жар. Я смутно ощущаю, что перемещаюсь куда-то, но сил понять, куда, не хватает. В конце концов всё заканчивается, и мне удаётся заснуть.

Просыпаюсь по ощущениям рано утром. Всё тело ломит, но по сравнению с тем, что было вчера — это ерунда. Оглядываюсь и вижу свернувшуюся клубочком на кресле Марину! Откуда она здесь?

Секретарь подрывается на мой голос, и даёт воды — какая умница, не уверен, что смог бы нормально говорить, в горле пересохло. Вот только её ответы на мои расспросы...

Я говорил, что мне никогда не было так хреново? Беру свои слова назад. Такой неловкости в жизни не испытывал! Слава богу, девушка, похоже, понимает моё состояние, потому что уходит, оставляя меня одного, вот только быстро возвращается. Приходится вытерпеть ещё и унижительную процедуру. Не люблю врачей, но лучше уж вызвать терапевта, чтобы выписал какие-нибудь подходящие таблетки.

Вот только сегодня же... а какой сегодня вообще день? Наверное, воскресенье, вряд ли я сутки валялся без сознания. Мари бы сказала. При мысли о секретаре опять накатывает смущение. Внезапно в голову приходит мысль: а как она вообще со мной справилась? Такая девочка-цветочек, чуть не на две головы меня ниже. И укол поставила так, что я почти ничего не почувствовал, а ведь сначала даже занервничал немного. Интересные у неё... способности.

За размышлениями не замечаю, как проходит время. Марина регулярно приносит мне тёплый чай с лимоном, просит пить побольше, возится на кухне, выводит погулять Грэя. Я вдруг понимаю, что совершенно не против того, что она поблизости. Всегда считал себя одиночкой, не водил в свою квартиру девиц — нечего им было у меня делать, а теперь приятно, что кто-то хлопочет... Хотя почему кто-то, именно Мари. Вряд ли бы я захотел сейчас видеть рядом с собой ту же Милану.

Вдруг прислушиваюсь — в коридоре слышны голоса. Один — моего секретаря, и другой — тоже женский. Спустя пару минут в комнату заглядывает Марина и представляет врача — свою подругу... Хм, это подруга или?..

Секретарь деликатно удаляется, прикрыв дверь, а я смотрю на зашедшую в спальню невысокую шатенку. Я ей, похоже, сразу не понравился, на лице застыло недовольное выражение. Выглядит уставшей, но командует, как генерал новобранцами на плацу.

— Сядьте! Откройте рот, шире. Теперь футболку поднимите, — она вдевает в уши фонендоскоп и долго внимательно выслушивает лёгкие, — спиной повернитесь. Можете укрываться.

Я опускаю футболку и сползаю пониже. Сидеть всё-таки не очень комфортно.

Анна записывает что-то на листочке.

— Я предположила бы пневмонию, но Мари сказала, что у вас была высокая

температура. Так что вероятнее всего острый бронхит в сочетании с бактериальной инфекцией. Ингаляции, обильное питьё. Курс антибиотиков.

— Уколов не надо! — произношу торопливо.

В ответ достаиваюсь презрительного взгляда. Но лучше уж так... Хватит с меня сегодняшних унижений!

— Я выпишу таблетки, — могу поспорить, что эта гадина ухмыляется, как будто понимает моё состояние. — Неделю лежите дома, не пытайтесь выйти на работу раньше времени, иначе будет ухудшение. Понадобится больничный — к районному терапевту. До свидания.

Девушка встаёт и выходит из комнаты. Вот стерва!

Марина

— Ну что, Аня? — тревожно спрашиваю подругу — всё время, пока она была у шефа, я проторчала возле двери.

— Всё в порядке у твоего Ильи, — Аня с трудом сдерживает зевок, прикрывая рот ладонью. — Конкретный такой бронхит с обструкцией. Вероятно, бактериальный, без анализов, сама понимаешь, утверждать не возьмусь. Антибиотики, ингаляции — всё по стандартной схеме, ты её знаешь чуть не лучше меня, ну разве что дозировку увеличишь. Таблетки я выписала, от уколов их высочество попросил его избавить, — насмешливо фыркает, протягивая мне рецепт. — Фиг бы я пошла у него на поводу, так что это только ради тебя, дорогая подруга — кому ж, как не тебе пришлось бы колоть ему всё это. Не думаю, что ты горишь желанием? — смотрит на меня вопросительно.

— Спасибо, Анечка! — беру рецепт, облегчённо вздыхаю. — Ты права, совсем не горю. Хватило с меня сегодняшних плясок с бубном.

— Ну и отлично! — подруга опять зеваёт. — Пошла я, а то уже сплю на ходу!

Закрываю за ней дверь и захожу к шефу.

— Илья Сергеевич, я сбегала в аптеку, куплю лекарства, которые выписала Анна, — уже разворачиваюсь, но меня останавливают.

— Мари... — мужчина закашливается, и я терпеливо пережидаю приступ, — простите, я хотел сказать, Марина...

— Вы без проблем можете звать меня Мари, — пожимаю плечами и улыбаюсь.

Босс кивает, открывает рот, чтобы что-то сказать, но останавливается. Потом ещё раз — и опять молчание. Я тоже молчу, но почти с исследовательским интересом смотрю на постепенно заливающегося краской мужчину. Надеюсь, это у него не температура опять поднимается?

— Возьмите карту, которая лежит в верхнем ящике моего рабочего стола, расплачивайтесь ей, — наконец произносит Муромцев.

И почему мне кажется, что он не это собирался сказать?

Марина

Возвращаюсь из аптеки и сразу иду на кухню проверить бульон. А ничего, нормально получилось — прозрачный, ароматный, я запихнула туда все овощи, которые нашла у Муромцева в холодильнике, даже вялый стебель сельдерея — вот я ленюсь его покупать, а он в супе отличный аромат даёт! Удивительно, кстати, что у мужчины вообще обнаружилось что-то овощное, видимо, продукты домработница закупила как раз для готовки.

Теперь только процедить — и можно кормить шефа, а потом пусть лекарство пьёт. Мурлыча себе под нос, заканчиваю с приготовлениями, закладываю хлеб в тостер, ставлю дымящуюся тарелку на поднос и осторожно несу всё в спальню. Надеюсь, Илья Сергеевич там не заснул.

Нет, не заснул. Смотрит на меня, и я не могу понять — он доволен, или удивлён, или что? Прохожу в комнату и опускаю поднос на тумбочку возле кровати.

— Илья Сергеевич, я вам куриный бульон приготовила, поешьте? Антибиотик лучше пить не на голодный желудок.

— Откуда вы всё это знаете, Мари? — мужчина садится на кровати.

— Про антибиотик? — я аккуратно ставлю поднос ему на колени и, выпрямившись, улыбаюсь: — В инструкции написано.

— Да нет, я имею в виду, вообще, — на меня устремляется внимательный взгляд. — Вы очень ловко всё делаете, как будто всю жизнь за больными ухаживаете.

Улыбка сползает с моего лица. Не всю жизнь. Три года — три ужасных года моей жизни, которые не выкинуть из памяти.

— Простите, — он подмечает выражение моего лица, но я взмахиваю рукой и принуждённо улыбаюсь.

— Вам не за что извиняться. Я несколько лет ухаживала за лежачей после инсульта мамой. И сестра у меня аллергик — а это бронхиты и сопутствующие проблемы, — пожимаю плечами.

Муромцев кивает, смотрит на тарелку у себя на коленях, потом переводит взгляд на меня.

— А вы не едите?

— Эм-м, — я даже растерялась, — я же для вас сварила!

— И что, вам голодной сидеть? — он хмурится.

— Хорошо, я поем, — покладисто соглашаюсь, — чуть позже.

— Почему позже? Составьте мне компанию? Не хочу есть один.

Смешавшись, покорно иду, наливаю себе бульон и возвращаюсь к начальнику, присаживаясь на стул рядом с кроватью. Он довольно кивает и принимается за еду. Сама начинаю есть — и только тогда понимаю, как же на самом деле проголодалась. Да и неудивительно, последний раз ведь я нормально ела ещё у Маруси, а нагрузка у меня за последние несколько часов была будь здоров!

— Спасибо, Мари! — Илья Сергеевич справился с супом быстрее и с улыбкой смотрит, как я подбираю последние капли кусочком тоста. — Очень вкусно!

Мне почему-то неловко и приятно одновременно, нервно улыбаюсь ему в ответ и забираю поднос, составляя на него тарелки.

— Вышейте лекарство, — киваю на упаковку, которую я положила на тумбочку.

— Хорошо.

Отвожу от шефа глаза, ну прямо пай-мальчик. В голове вдруг нежданно-негаданно всплывает картинка, как Грэй стаскивает с мужчины одеяло, и щёки невольно вспыхивают. Да какой там мальчик...

— Мари, что-то не так? — от Муромцева не укрывается моё смущение.

Мотаю головой и кидаю взгляд на часы. Шеф улавливает это и слегка сдвигает брови.

— Вам нужно идти?

— Что? — смотрю на него и тут же спохватываюсь: — Нет, Илья Сергеевич, что вы! Сегодня ведь выходной!

— Именно поэтому я и спрашиваю, — прямо чувствую, как голос с каждым словом становится прохладнее. — Наверняка у вас были планы, которые я сорвал? — он закашливается.

— Планов не было, — отвечаю твёрдо, глядя мужчине прямо в глаза. — Я ведь знала о ненормированном графике, когда устраивалась к вам на работу.

— Ненормированном... ну да, конечно, работа, — Муромцев мрачнеет и кашляет ещё сильнее.

— Давайте-ка вы выпьете таблетку, а я приготовлю вам раствор для ингаляции, — тревожно смотрю на него. Всё-таки прошло ещё слишком мало времени, первые два-три дня при сильном бронхите всегда тяжёлые.

Мужчина откидывается на подушку и отводит взгляд, а я спешу на кухню. Что такое произошло, ничего не понимаю! Всё же было нормально!

Возвращаюсь, помогаю шефу сделать ингаляцию, спустя некоторое время приношу ему тёплый чай. Надо бы компот что ли сварить из сухофруктов, но такого у Муромцева дома не водится. Начальнику видимо становится хуже, он почти всё время молчит и хмурится.

Днём выхожу с Грэем на прогулку. Дождь, поливавший несколько дней, наконец прекратился, даже солнышко выглянуло, так что я с удовольствием вдыхаю прохладный вкусный воздух. Как же хорошо! Перевожу взгляд на довольного пса и улыбаюсь. Мне совершенно точно нужна собака! Когда я вообще столько гуляла? Правильно — никогда!

Возвращаемся с нагулявшимся Грэем к дому и на лавочке видим местный контингент — две бабульки тоже выползли на солнце погреться. Завидя меня, прекратили животрепещущее обсуждение «ужасной весны, ну вот никогда такой не было — да как никогда, а помните, лет десять назад», и с любопытством смотрят на меня. Вежливо здороваюсь.

— Здравствуй, милая, здравствуй, — отвечают вразнобой.

— А ты кто такая будешь? — спрашивает, по-видимому, наиболее бойкая и бдительная из «бабсовета».

— Я помощница, — отвечаю расплывчато, а то знаю я такие вопросы, потом из сплетен не вылезешь.

— И кому ж ты помогаешь?

— Илье Сергеевичу, — опять коротко и по существу.

— Ах, Илюше! — бабки многозначительно переглядываются.

Ох, лучше бы я молчала. Сейчас меня запишут либо в проститутки, либо в невесты — и плевать, что я с собакой. Быстро прощаюсь и тороплюсь к подъезду. Открывая дверь, вижу, как пожилые женщины склонились друг к другу и уже с упоением о чём-то судачат. Видимо, перетирают кости «Илюше» и мне заодно.

Зайдя в квартиру и приведя в порядок Грэя, прохожу в комнату к начальнику. Кажется, спит — вот только на скулах красные пятна, неужели опять температура? Стараясь двигаться бесшумно, подхожу и аккуратно прикасаюсь рукой ко лбу, но тут же отдёргиваю — он открывает глаза и смотрит на меня.

— Простите... — вот я дура, не надо было...

— Не убирайте, — вдруг просит тихо, — такая прохладная... приятно.

Тихонько присаживаюсь рядом и кладу руку мужчине обратно на лоб. Потом поворачиваю её тыльной стороной. Муромцев лежит с закрытыми глазами, и мне становится его жалко. Каждый, когда болеет, хочет, чтобы ему посочувствовали — неважно, маленький мальчик это или взрослый мужчина.

Следуя за своими мыслями, рассеянно меняю руку, а другой убираю со лба волосы, пропуская их между пальцами — и тут же замечаю изумлённый, даже немного растерянный взгляд. Так, с заботой я, кажется, переборщила!

Марина

От неловкости ситуации нас спасает внезапно зазвонивший телефон. Я подрываюсь и бегу в коридор — на время прогулки включала звук и забыла выключить.

— Хэй, систер, как ты там? — в трубке голос Алинки.

— Всё нормально... — кидаю взгляд на открытую дверь в спальню и слегка повышаю голос: — ...дорогая!

Сестра фыркает в трубку.

— Тебя домой-то ждать?

— Да, наверное, — тру лоб, понимая, что действительно надо забежать домой. Осматриваю себя и соображаю, что я ведь во вчерашней одежде, надо переодеться, да и душ принять было бы неплохо.

— Ладно, я так понимаю, начальство там рядом с тобой, так что не буду тебя мучить вопросами. Я к подруге пойду, вечером вернусь — не переживай, если меня не застанешь.

— Хорошо, я поняла.

Закончив разговор, иду обратно в спальню.

— Илья Сергеевич, я схожу домой — мне надо привести себя в порядок, — сразу перехожу к делу, чего тянуть. — Вам что-нибудь нужно купить или принести?

Шеф смотрит на меня как-то странно.

— Мари, вы живёте вместе с Анной? — спрашивает внезапно.

— Нет, почему? Анна живёт у себя, — морщу лоб, не сразу понимая, о чём он. — А почему вы спрашиваете?

— Просто мне показалось, она недовольна, что вы тут у меня, ну и... — немного неразборчиво произносит и топит остаток фразы в кашле.

— Да почему недовольна, она же... — и тут до меня, наконец, доходит. — А-а, нет-нет, Аня моя подруга, — мне становится смешно, но я старательно сдерживаю улыбку. Он всё никак не может успокоиться на тему моей «ориентации».

Муромцев смотрит на меня вопросительно, но я делаю вид, что не замечаю его надежды на продолжение разговора. Нет уж, сознательно врать и придумывать я не буду! Вот спросит прямо, мол, Мари, кто ваш сексуальный партнёр — чуть не фыркаю, но вовремя останавливаюсь — тогда и буду думать, что ответить. А взгляды к делу, как говорится, не пришьёшь!

— Так я пойду, — произношу утвердительно.

— Конечно.

С сомнением смотрю на мужчину. Да что с ним такое, чего он глаза прячет? Но тут же заставляю себя перестать за него переживать. Не ребёнок ведь, право слово, ничего с ним не случится!

— Но... вы сегодня ещё вернётесь? — спрашивает вдруг.

— Да, надо же с Грэем погулять, — киваю, попутно соображая, что нужно всё-таки купить что-то из еды. Бульона ему надолго не хватит, скоро аппетит вернётся, да и вообще, мужик ведь.

— С Грэем, да... — бормочет себе под нос.

Не обращая внимания на последние слова, снова киваю и выхожу из комнаты. Куплю-ка

я мясо и приготовлю котлеты. Если их не жарить, а запечь в духовке с небольшим количеством воды, получится почти на пару — вполне себе здоровое блюдо.

Спустя почти три с лишним часа вваливаюсь к шефу, нагруженная пакетами. Я не смогла вспомнить, видела ли у него на кухне мясорубку, так что сделала фарш у себя дома. Ну и пока приняла душ, пока переоделась и сбегала в магазин — в общем, чувствую себя старой калошей. Хотя не должна бы, в конце концов мне двадцать один, а не пятьдесят один. Но если учесть, что спала я в общей сложности чуть больше четырёх часов, а до этого жутко перенервничала и перенапряглась... в целом неудивительно.

Тихонько заглядываю к Илье Сергеевичу, убеждаюсь, что он спит, и разворачиваю бурную деятельность на кухне. Налепила котлет, засунула их в духовку, сделала картофельное пюре на воде пополам с молоком, чтоб было «подиетичнее», как выражается Аня. Всё-таки купила сухофрукты и сварила компот, короче, состряпала начальнику полноценный ужин.

Компанию мне составляет Грэй, который с любопытством следит за процессом готовки и получает от меня вкусняшки. Я на самом деле люблю время от времени повозиться с приготовлением разных блюд, хотя если бы у меня была большая семья, наверное, всё это мне быстро бы надоело. Но нам вдвоём с Алинкой много не надо, так что пока суечусь на кухне с удовольствием — надеюсь, этот форс-мажор с Муромцевым всё-таки будет исключением из правил, а не превратится в систему.

Напевая себе под нос, вытаскиваю готовые котлеты и перекладываю их в кастрюлю, чтобы подольше не остыли.

— Очень вкусно пахнет, — раздаётся вдруг за спиной, и я вздрагиваю, чуть не выронив лопатку, которой орудовала.

Оборачиваюсь и вижу начальство, стоящее в дверях.

— Илья Сергеевич, зачем вы встали! Вам же наверняка тяжело! — сдуваю с лица упавшую вперёд прядь.

— Надоело лежать, — морщится мужчина, но тут же устало опускается на ближайший стул.

— Вы проголодались? Я ужин приготовила! — перекладываю последнюю котлету и закрываю крышкой, а форму, в которой готовила, ставлю в посудомойку — как хорошо, что она здесь есть, девайс моей мечты — терпеть не могу мыть посуду!

— Не очень, но запах такой аппетитный, что немного поем, — улыбается мне в ответ.

— Вот и хорошо, — удовлетворённо киваю. — Кладите себе всё, что хотите, а я пойду прогуляю Грэя, и мне уже домой нужно бежать.

— А... мне казалось, вы...

— Да? — я тут же отвлекаюсь. — Пойдём, мой хороший! — хлопаю по бедру, подзывая собаку, и иду за поводком.

— Нет, ничего, — мужчина качает головой, встаёт и выходит следом за мной в коридор.

— Вы, пожалуйста, подумайте, нужно ли что-то мне на этой неделе дополнительно сделать на работе. Текучку всю я выполню, но, может быть, есть что-нибудь, до чего руки давно не доходили, а сделать надо, — торопливо произношу, прицепляя Грэю поводок и завязывая шнурки на кроссовках.

— На работе? Вы что, на работу собираетесь? — Муромцев непонимающе смотрит на меня и хмурится.

— Ну да, — киваю, кинув на босса недоумённый взгляд снизу вверх, — завтра же

понедельник!

— Но меня не будет.

— Конечно, вы на больничном, вот я всех и буду об этом предупреждать, а заодно заниматься ежедневной рутинной, — выпрямляюсь и улыбаюсь. — Ну, в общем, насчёт заданий вы подумайте сегодня-завтра, Илья Сергеевич — или позже, когда будете лучше себя чувствовать, и пришлите мне список на почту!

— А как же... Грэй?

— Я забегу погулять с ним пораньше с утра и вечером после работы — раз вас не будет в офисе, задерживаться мне не нужно, так что всё успею.

Мужчина кажется растерянным и не находит, что возразить, а я, потянув за собой Грэя, выскакиваю с ним за дверь. Быстро прохожу с псом по ближайшим парковым дорожкам, возвращаю мрачному как грозовая туча хозяину и убегаю домой.

В понедельник являюсь на работу как белый человек, к девяти. С утра уже успела погулять с собакой и вытерпеть недовольство Муромцева, которому почему-то не нравится идея, что его личный секретарь будет присутствовать на рабочем месте без начальственного присмотра. Пообещала, что закончу пораньше и сразу приеду. По-моему, шефу просто скучно без дела, вот он и мотает мне нервы.

День начался бойко — всем почему-то срочно потребовался мой босс. Я даже к генеральному успела смотаться, доложить обстановку, так сказать. Вот, называется, только соберись поболеть спокойно — как сразу всей компании разом понадобится. К середине дня меня завалили документами, на которых нужен автограф Ильи Сергеевича.

Оглядев весь этот бардак на своём рабочем столе, решаю смотаться к шефу домой — пусть всё подпишет, а я заодно с Грэем на пять минут выйду пройтись!

На подходе к дому вдруг думаю, что надо было предупредить о моём появлении. Звоню на мобильный, но он не отвечает. Пожимаю плечами, ну что ж, может, спит человек — болеет всё-таки. Хорошо, что ключи я захватила. В крайнем случае, оставлю документы у него, а завтра заберу подписанные.

Захожу в квартиру, закрываю за собой дверь и тут сразу происходит несколько событий. Ванная открывается, оттуда выходит Муромцев — и всё бы ничего, но на нём ничего нет, кроме полотенца, обёрнутого вокруг бёдер. Мужчина видит меня и застывает на полушаге. И тут же из комнаты выскакивает Грэй, который, радостно гавкнув, бросается в мою сторону, попутно пихнув хозяина.

Шеф, чуть не потеряв равновесие, одной рукой хватается за стену, а другой вцепляется в полотенце. Ну да, у него же ещё слабость, наверное...

Грэй же прыгает вокруг меня, а потом кидается обратно к начальнику и... хватается зубами за полотенце, пытаясь тянуть в мою сторону!

— Фу! Грэй, прекрати! — шеф отпускает стену, пытаясь отпихнуть собаку, но ничего не получается, и спустя какое-то мгновение полотенце-таки... остаётся в пасти пса, который тут же роняет его на пол и весело виляет хвостом!

Круглыми глазами смотрю на нарисовавшийся пейзаж. Вот вроде видела уже, а всё равно офигеваю в первую секунду. Спустя пару ударов сердца, которое бьётся, кажется, прямо у меня в ушах, наконец, соображаю, что пялиться на начальство в костюме Адама — идея так себе, и резко разворачиваюсь к нему спиной.

Воцаряется молчание, которое нарушает только пыхтение Грэя.

— Какого хрена вы здесь делаете, Марина? — рычит начальник.

— Приехала документы подписать, — произношу, глупо улыбаясь. Хорошо, что моего лица не видно. — Да не переживайте, Илья Сергеевич, чего я там не видела, — говорю первое, что вылезло на язык, и тут же хлопаю себя по лбу, мысленно застонав. Нашла, что ляпнуть!

Вот и начальство подавилось воздухом, кашляет теперь.

— Илья Сергеевич, вы в порядке? — дёргаюсь, чтобы обернуться, но тут же опять заставляю себя встать прямо.

— В полнейшем, — язвительно произносит мужчина, слегка отдышавшись, и тут же хлопает дверь спальни.

Оборачиваюсь и укоризненно смотрю на Грэя.

— Ты решил, что я не нагладелась с первого раза? — обращаюсь к довольному псу и вздыхаю.

Ну, если прямо быть честной, не так уж он и неправ...

Илья

Как быстро я привык, что дома со мной кто-то есть, сам от себя не ожидал! Последние несколько лет мне достаточно было компании Грэя — временные девицы не в счёт, с ними я время толком не проводил. И вот всего второй день вокруг меня суетится Марина — и мне уже кажется, что она была тут всегда!

Когда после разговора с какой-то там «дорогой» секретарь подрывается и убегает, я не нахожу себе места. Ничего не могу поделать — чувствую себя брошенным, и от этого злюсь на всех и всё подряд.

Правда, силы у меня пока не восстановились, поэтому, устав ждать возвращения эльфа, вырубаюсь.

Проснувшись, слышу звуки с кухни, тихо поднимаюсь и иду туда. Встаю немного под углом, не проходя вперёд — но отсюда прекрасно видно, что происходит. Мари что-то делает возле плиты, напевая и слегка пританцовывая. Зависаю, с жадностью разглядывая девушку — она в простых джинсах, футболке, и... босиком! Чувствую, как что-то дёргается в груди. Слегка отшатываюсь назад — моя помощница поворачивается к Грэю, сидящему тут же, и, наклонившись, протягивает ему что-то на ладони.

— Вот, дам тебе этот кусочек, видишь, какой? Специально для тебя!

Грэй слизывает лакомство и смотрит на девушку, изо всех сил метя хвостом по полу.

— Ты мой хороший мальчик! — треплет его по ушам, моет руки и склоняется к духовке.

С моей стороны открывается просто потрясающий вид! Джинсы туго обтягивают её бёдра, и я сглатываю. Муромцев, не о том думаешь! Не о том! Пока заставляю себя выбросить из головы всплывшие картинки, Мари достаёт форму и начинает перекладывать содержимое в кастрюлю.

Решив, что хватит уже прятаться, прохожу вперёд. Оказывается, помощница приготовила ужин. Вот только... есть мне придётся одному. Попутно выясняется, что и завтрашний день я тоже проведу в одиночестве, пока эльф будет на работе! Вообще-то, она — мой личный секретарь! А значит, должна всегда быть при мне! Вот только я не могу придумать, как объявить ей об этом без риска показаться собственником-самодуром.

На следующий день становится только хуже. Если бы не разрывающий лёгкие кашель и непроходящая слабость, точно бы потащился на работу за компанию с Мари, которая с утра прогуляла Грэя и проигнорировала все мои намёки на тему остаться с болеющим начальством и поработать из дома.

Спустя несколько часов мне уже стало наплевать на плохое самочувствие. Решаю съездить в офис хотя бы ненадолго — просто для того, чтобы убедиться, что всё в порядке, и иду в ванную. А после душа...

— Грэй, зараза! — залетаю к себе в комнату, хлопая дверью.

И Марина тоже... зараза! Одеваюсь, дёрганymi движениями натягивая на себя джинсы и футболку. Вот вроде понимаю, что ничего такого, ну в самом деле — мне, вообще-то, стесняться нечего, но...

— Марина? — кое-как справившись с собой, выхожу из спальни и зову секретаря. Надеюсь, она не сбежала?

Нет, обнаруживается в кабинете, раскладывает по стопкам бумаги на столе.

— Илья Сергеевич, вот документы на подпись — здесь надо срочно, — показывает на одну стопку, потом на другую. — А здесь терпит пару дней. Я пойду выведу Грэя минут на пятнадцать, вы как раз успеете срочные бумаги просмотреть и подписать.

— Можете забрать это всё сразу, на работе посмотрю и подпишу! — отрезаю мрачно.

— С какой это стати? — суживает глаза.

— В офис сейчас с вами поеду!

— Ну уж нет! — девушка встаёт в позу, уперев руки в бёдра. — Вы болеете!

— Ничего страшного! — с трудом сдерживаю кашель, хотя получается так себе.

— Вот, значит, как? То есть я не спала всю ночь, колола вам уколы, переворачивала и переодевала, делала ингаляции и сходила с ума от волнения, выдернула после дежурства к вам подругу, а вы тут демарши будете устраивать? В таком случае, без меня! — Марина сгребает в кучу контракты, акты и договоры, впихивает мне в руки и разворачивается к двери.

— Не понял... — с каждым её словом мне всё больше становится неловко, а теперь я совсем растерялся.

— Я ухожу! — секретарь выходит в коридор, и я иду следом.

— То есть как это уходите?

— Так это! — эльф превратился в злобную фурию. — Хотите гробить себя и своё здоровье — делайте это без моего участия!

— Вы... что... вы за меня беспокоитесь?

— Нет, я тут вокруг вас сутки скакала в надежде на премию и повышение! — она закатывает глаза, а у меня губы почему-то расползаются в улыбке.

Марина

Нет, вы посмотрите на него! Собрался он, в офис, с бронхитом! Забыл уже, как всего два дня назад валялся почти без сознания!

А этот гад ещё и улыбается такой улыбкой, что вся злость тает, и хочется улыбнуться ему в ответ! Насупливаю брови! Я не улыбнусь! Я злая! Злая, я сказала!

— Мари, не надо, — Муромцев откладывает документы на комод. — Хорошо, я останусь, никуда не пойду.

Смотрю на него со скепсисом. Мужчина поднимает руки, сдаваясь.

— Честное слово!

Вот ведь обаятельная сволочь... Невозможно долго сердиться!

— Подпишите документы, — хмуро киваю на бумаги на комод. — Я вернусь через пятнадцать минут, — хватаю Грэя за ошейник и поторапливаю на улицу.

— И почему мне кажется, что твой хозяин из меня верёвки вьёт? — мрачно спрашиваю у пса, когда мы с ним оказываемся на улице.

Грэю такие детали по барабану — он тащит меня к ближайшему столбику — я так понимаю, это местная «собачья газета», все местные четвероногие там отмечают. Вздыхаю и иду за собакой.

Возвращаюсь с прогулки уже повеселевшая. Но при виде улыбающегося начальства настроение опять падает. И чего это он такой радостный?

— Мари, я договорился с Антоном Ивановичем, пока я на больничном — вы можете работать полдня, остальное время будут занимать мои личные поручения.

— А-а... — так, я в шоке. Антон Иванович — это наш генеральный. То есть полдня я в офисе, а остальное время — здесь, с Муромцевым наедине?! Мама, роди меня обратно...

— Что-то не так? — шеф явно доволен.

— Да нет, всё в порядке, — отвечаю растерянно.

— Ну и отлично! Вот вам подписанные бумаги, отвозите в компанию, а потом возвращайтесь!

Кажется, я попала!

Нога за ногу тащусь в офис, разношу по нужным отделам подписанные документы, и усаживаюсь в уже родной приёмной. Ехать к Муромцеву что-то пока не хочется, не нравится мне, как я на него стала реагировать. Ну вот что ему в голову взбрело! А у меня в голове что? Я же так хотела эту работу! Придумала дурацкий ход со своей якобы ориентацией, а теперь от улыбки и тёплого взгляда растекаюсь лужицей!

Дверь в приёмную неожиданно распаивается, и я выпрямляюсь в кресле, натягивая на лицо приветливую улыбку. Впрочем, она сразу становится вполне искренней.

— Папа Миша, рада вас видеть! — улыбаюсь, но тут же в недоумении морщу лоб. — Разве у вас была назначена встреча? Илья Сергеевич на больничном!

— И я рад тебя видеть, девочка, — мужчина улыбается в ответ. — Нет, я к тебе.

— Ко мне? — искренне удивляюсь.

— Да! Мари, я сразу к делу — как ты знаешь, я руководитель фирмы-партнёра, мы ведём смежное направление бизнеса. У нас сейчас открылась неплохая вакансия, и я хочу предложить её тебе! — Михаил Александрович смотрит на меня, а я дара речи лишилась.

— Там, конечно, квалификация нужна повыше, — продолжает мужчина, — но ты девочка умная, справишься. На первых порах прикрепим тебя к более опытному сотруднику, введём в курс дела.

— Пап Миша, спасибо вам, но я... — начинаю смущённо, но меня тут же перебивают.

— Я знаю, что ты хочешь сразу отказаться, всегда была совестливой — и теперь наверняка думаешь, что не можешь бросить своего начальника и сбежать, — он кидает на меня пронизывающий взгляд.

Я краснею, потому что подумала именно это, слово в слово.

— Ну так вот, Мари, это не предательство, а забота о собственном будущем!

В голосе слышится жёсткость — решительность человека, управляющего немаленькой компанией и крепко держащего в руках бразды правления.

— Я... не могу... я... — начинаю взволнованно и замолкаю, не зная, что отвечать. Может быть, он прав?

— Мари, я сказал, ты услышала, — успокаивающе произносит Михаил Александрович. — Сама знаешь, я ничего плохого не хочу! Если решишь, нагружать тебя сильно не стану — восстановишься в университете, доучишься. Хорошие, крепкие специалисты везде нужны! Ну что?

Марина

— Я так сразу не могу ответить, пап Миш, — опускаю глаза, голову раздирают противоречивые мысли.

— Понимаю, девочка. Поразмысли над всем как следует, ладно? А, скажем, через неделю дашь ответ, хорошо? Боюсь, дольше держать вакансию открытой я не смогу.

— Спасибо, — киваю, смотрю на мужчину серьёзно, — я обязательно подумаю!

— Вот и отлично, — Михаил Александрович улыбается и встаёт. — Тогда на связи!

— Да, конечно, — тоже улыбаюсь, правда, улыбка получается немного картонной.

Он выходит из приёмной, а я подсакиваю и начинаю наматывать круги по небольшому пространству вокруг стола.

Что же делать? Бросать шефа сейчас будет подло, что бы там папа Миша ни говорил. Я ведь даже испытательный срок ещё не отработала! Вспоминаю, как Муромцев говорил мне, что я должна буду стать его тенью, и грустно фыркаю — да уж, такой близости я не ожидала! Осталось только с ним переспать, чтобы ещё предпочтения в постели выяснить — и стану идеальным личным секретарём. Ух, да что ж у меня мысли всё время в эту сторону сворачивают?

Тут, заставив вздрогнуть, звонит мобильный. Гляжу на экран — ну вот! Начальство явно соскучилось и хочет знать, почему я ещё не у него.

— Да, Илья Сергеевич? — беру трубку.

— Мари, когда вас ждать? — шеф кашляет, и я морщусь — всё-таки, он ещё совсем не здоров.

— Скоро буду, Илья Сергеевич, уже собираюсь выходить!

— Хорошо, — Муромцев отключается, а я и правда начинаю собираться.

По дороге, так ничего и не придумав, решаю, что эту неделю буду очень внимательно следить за тем, как ведёт себя шеф по отношению ко мне, и как я на него реагирую. Если пойму, что всё плохо... А что, собственно, считать «плохом»? На секунду притормаживаю, задумавшись, но встряхиваю головой — ладно, разберусь по ходу дела!

Вот только следующие несколько дней шеф, будто почувствовав что-то, предельно корректен. Никаких разговоров не по делу, никаких непонятных улыбок по отношению ко мне — ну и без всякой случайной обнажёнки! Хотя от последнего я бы не отказалась... Если уж потрогать нельзя, так хоть посмотреть, слюни тайком попускать... Так, Мари, фу!

Отвлекаюсь от собственных мыслей, и понимаю, что даю себе команды, как собаке. Это всё Грэй виноват! Вот, кстати, веский довод в пользу работы на моего шефа! Как я без Грэя-то? И так придётся привыкать, что не буду гулять с ним каждый день — в конце недели Муромцев уже выходит с собакой на улицу сам. Как я ни возражала, настаивая, что ему надо побережться, он не слушает. Хорошо хоть, курс антибиотиков до конца пропил.

— Мари, думаю, пора заканчивать, — вздрагиваю от выдернувших меня из напряжённых размышлений слов, поднимаю голову — на пороге комнаты стоит начальство.

Илья Сергеевич на несколько дней выделил мне кабинет, а сам сидел то со мной, то на кухне, то в гостиной. Киваю и, сложив рабочий ноутбук, поднимаюсь из-за стола. Сегодня пятница, в воскресенье мы договорились посидеть с девочками — Аня наконец-то не на дежурстве, а с понедельника — снова в офис. Странная была эта неделя. Я теперь

действительно знаю не только все рабочие процессы, но и большую часть основных привычек шефа. Ну и что, уходить после того, как со всем разобралась?

Мысли опять сворачивают на предложение папы Миши, поэтому я собираюсь немного рассеянно. Муромцев провожает меня до двери, и Грэй тоже тут, смотрит с любопытством. Зарываюсь собаке в шерсть пальцами, глажу, склоняюсь к уху и тихо шепчу:

— Я буду скучать!

Поднимаю голову — шеф смотрит с неподдельным любопытством. Но просвещать его не собираюсь.

— До понедельника, Илья Сергеевич!

Мужчина вдруг тянется к моей руке и подносит её к губам, чуть склонившись для поцелуя. Я теряюсь настолько, что просто смотрю на него молча, а он сжимает мою кисть и отпускает.

— Спасибо вам, Мари!

— Да не за что, то есть, всегда пожалуйста... — лепечу, пятясь к выходу. От лица сейчас прикуривать можно, так горит.

— До понедельника, — босс улыбается напоследок и закрывает за мной дверь, а я припускаю к лифту. Эт-то что сейчас такое было?

* * *

— Что-что, соблазнить он тебя решил, — рубит Аня.

Я, конечно, рассказала девчонкам всё, что произошло — мы собрались у Марульки, чтобы Матвея не таскать по гостям.

— Ань, у него принцип — на работе никакого интима! — Маруся качает головой. — Весь офис об этом знает!

— Всё бывает в первый раз, — философски замечает Аня.

— Он за всю неделю ни одного намёка не сделал, — поднимаю на них глаза.

— Ты как будто расстроена из-за этого, — Аня фыркает.

— Я... нет, не расстроена, но...

— И потом, он же считает, что ты «по девушкам».

Я вспоминаю наш самый первый разговор в машине и фыркаю:

— Думаю, он, как и большинство мужчин, считает, что у лесби просто не было хорошего любовника мужского пола!

— У большинства гетеро-женщин его тоже никогда не было! — отмахивается подруга, а Марулька прыскает в кулак. — Чего смеёшься? Статистика не врёт! У нас у всех хроническое отсутствие качественного секса!

— Ну ты ещё выступи на тему, что все женщины злюки просто от недотра... — я закрываю рот рукой, потому что из детской доносится писк.

— Наверное, Матвей проснулся, — подрывается Маруся.

— Нет, Мари, конечно, дело не в этом, — Аня взмахивает рукой. — Так могут думать только одноклеточные, которые считают, что у женщин две проблемы — ПМС и недотрах.

— Похоже, у тебя есть на примете такой одноклеточный, раз так злишься? — я внимательно смотрю на неё.

Но подруга только качает головой. Вижу, что рассказывать она не хочет, поэтому не лезу, погружаясь в свои мысли. Про предложение папы Миши я девочкам не рассказала — решать всё равно мне, помочь они не могут, такой выбор я должна сделать самостоятельно.

Маруся выходит из детской с Матвеем на руках — и понятно, что нормально поговорить

мы уже не можем, разговор переходит на лёгкие темы.

А на следующий день я тащусь в офис. К восьми, проклиная трудоголика Муромцева. Для меня утро проходит относительно спокойно, успеваю порадоваться и похвалить себя, что не запускала текучку — работы не так уж много. Зато к Илье Сергеевичу после больничного все хотят попасть на личный приём, поток не прекращается, так что вскоре после обеда уставший шеф, выглянув из кабинета, просит никого к нему не пускать.

— Конечно, — смотрю на него сочувственно. — Может быть, чай вам сделать? Давайте с травами заварю?

— Спасибо, Мари, не откажусь, — он кивает и уходит обратно к себе.

Иду готовить чай, добавляю туда шиповник и мяту — покупала, пока шеф болел, ему понравилось — но тут дверь в приёмную опять распахивается.

— Илья Сергеевич не принимает, — выхожу из кухонного закутка.

Зашедшая девица выглядит в лучших традициях насиликоненых красоток, которые штурмовали кабинет шефа в мой первый рабочий день. Ну разве что губы поменьше.

— Меня примет! — уверенно проходит вперёд, но я встаю между ней и дверью в начальственный кабинет.

— Вам назначено?

— Что вы себе позволяете?! — она и не думает останавливаться.

Ох, ну и противный голос.

— Если у вас не назначена встреча, я не имею права вас пустить.

— Да как ты смеешь?!

На последний вопль из кабинета выглядывает удивлённый Муромцев.

— Что у вас тут происходит, Мари? — останавливает взгляд на посетительнице и хмурится.

— У нас тут неопознанная девица, Илья Сергеевич. Рвётся вас увидеть!

— Я его девушка! — девица визжит так, что у меня чуть барабанные перепонки не лопаются. — Скажи ей, котик!

Девушка? Я скептически смотрю на это явление. «Котик» с несколько ошарашенным видом открывает рот, но явно не находится, что сказать. Становится понятно, что начальника надо спасать, а то эта бензопила никогда не заткнётся.

— Милая, да зачем он тебе, — вкрадчиво начинаю я, — эти мужланы ничего не понимают в том, как доставлять настоящее удовольствие!

Я явно сбила ей заводские настройки — девица прекращает верещать и, вытаращив глаза, смотрит на меня, открыв рот.

— Ну подумай сама, что у них есть такого, чего нет у нас, м-м? Та штучка, которой они даже толком управлять не умеют и от которой сами зависят? Ну и что, страдать по этим двенадцати сантиметрам? И это в лучшем случае! — я раздвигаю губы в насмешливой ухмылке. — Да в любом магазине «для взрослых» можно найти прибор в два раза длиннее! Причём всегда рабочий и не зависящий от чьего-то настроения — если что, батарейку сменила и вперёд!

Блондинка краснеет, потом бледнеет и бросает испуганный взгляд на застывшего сбоку Муромцева. Я тоже кошусь краем глаза на начальника. Он сложил руки на груди и с интересом следит за разворачивающимися событиями.

— А ты мне нравишься! — захотелось добавить «когда молчишь». — Предлагаю после работы встретиться в каком-нибудь ресторане, а потом снять номер! Я же вижу, что тебе

этого хочется! Вот скажи, неужели тебе в голову ни разу не приходила мысль, что только женщина сможет по-настоящему понять другую женщину? Ну, приходила ведь, правда?

Подозреваю, что мыслительный процесс сей деве в принципе несвойственен, но на волне вдохновения меня несёт.

— Можем, конечно, и его с собой взять! — взмахом руки указываю на шефа, тот давится и закашливается. Ладно, авось до смерти не поперхнётся. — Но я точно могу сказать, тебе со мной так понравится, что ты забудешь про этих неотёсанных, вечно торопящихся созданий!

Девушка уже просто малиновая, как переспелый помидор, я даже начинаю немного нервничать. Но наконец её прорывает:

— Извращенцы!!!

Вопль такой силы, что меня чуть не сносит звуковой волной. Во даёт!

— Да вы!!! Да я!... — она продолжает что-то эмоционально выкрикивать, но я не вслушиваюсь в невнятные междометия. Выбираю крошечную паузу, когда дева набирает воздуха в грудь для очередного крика, и вставляю:

— Отказываешься?! — громко всхлипываю. — О боже, нет! Нет! Я должна тебя убедить! Пойдём!

Хватаю растерявшуюся мадам за руку и тяну к выходу из приёмной.

— Куда-а? — визжит на ультразвуке, и я морщусь. — А ну, отпусти меня, извращенка!

— За что? — всхлипываю ещё громче. — Я же с самыми лучшими намерениями!

— Видала я твои намерения в... — и тут этот цветочек раздражается фразой, которую не от всякого строителя услышишь.

Икаю от неожиданности, отпускаю её руку, и девушка выскакивает за дверь.

Ух, тишина! Счастье-то какое! Выдыхаю, начиная обмахиваться ладошкой, разворачиваюсь — и натываюсь взглядом на босса, который стоит в дверях кабинета, прислонившись боком к косяку.

— Мда, — произносит, возводя глаза к потолку, — не ожидал, — проходит обратно в кабинет.

— Чего именно? — иду за ним, что-то мне очень хочется огрызнуться.

— Что вы будете так пылать энтузиазмом в области... м-м... сексуального просвещения.

— Энтузиазмом? — фыркаю и смеряю его взглядом. — Мне вот интересно, откуда вы брали энтузиазм, когда встречались с этой рыбой-пилой?

— Ну почему с рыбой, — оскорбляется мужчина.

— А, то есть пила у вас возражений не вызывает? — насмешливо смотрю на босса. — Или у неё есть какие-то особенные, — выделяю слово, — умения?

— Её зовут Милана, — невпопад отвечает босс.

— Это, конечно, сильно меняет дело, — киваю серьёзно.

— Марина, вы... вы... — так, его заклинило.

— Я, — опять киваю, — на вашем месте выбирала бы более... м-м... благозвучных девиц.

— Это вы мне говорите как большой специалист по девицам? — начальство начинает злиться.

— Я значительно более разборчива в своих связях! — гордо выпрямляюсь.

— Кто-то только что предложил тройничок!

— А кто-то обещал, что со своими любовницами будет разбираться самостоятельно!

Муромцев открывает рот, чтобы что-то возразить, но, видимо не придумав ничего подходящего, закрывает. Я удовлетворённо киваю, довольная тем, что последнее слово осталось за мной, и, развернувшись, иду на выход.

— И у меня не двенадцать сантиметров, — бурчит начальник себе под нос. Тихо так говорит, но я слышу. И не могу удержаться:

— Я знаю.

— Мар-р-рина! — рычит Муромцев, но я решаю не дожидаться, пока его хватит удар, и выскакиваю из кабинета, крикнув в закрывающуюся дверь:

— Илья Сергеич, я доделаю чай!

Ага, успокоительный!

Илья

Дверь за мелкой заразой захлопывается, и я падаю в кресло. Уф-ф, ну вот обязательно она должна была напоминать про это, язва... Уши горят, а воротник опять сдавил шею. Дёргаю за него, отрывая верхнюю пуговицу с корнем, и мрачно думаю, что с появлением этой пигалицы в моей жизни никаких пуговиц на рубашки не напасёшься. Она несколькими словами ухитряется довести меня до белого каления и... заботится, и... дьявол!

Неделя на больничном с Мари под боком пролетела незаметно. После неожиданного всплеска симпатии я старательно пытался дистанцироваться от своего секретаря. Вот только выходило хреново — причём по моей же вине. Сам себе яму вырыл, когда договорился с генеральным о частичной работе из дома. Я уже забыл это ощущение, когда знаешь, что кто-то переживает, как ты и что с тобой, а теперь, когда вспомнил...

А тут ещё эта сцена с дурой Миланой, которая непонятно какого хрена припёрлась... И очень яркое напоминание, что Марину я как мужчина не интересую. Опускаю голову и пару раз как следует прикладываюсь лбом о стол. Пора признать, что я сам не заметил, как по уши влюбился в чёртову зеленоглазую эльфийку.

— Ты идиот, Муромцев, — говорю вслух сам себе, — полный кретин! Нашёл в кого! Нужен ты ей, как... как... как Грэю пятая нога, вот!

Еле удерживаюсь, чтобы не застонать от отчаяния, и вцепляюсь руками себе в волосы. Ну почему не мог выбрать кого-то более доступного? Эту ведь даже не соблазнишь! Но тут мне приходит в голову идея. А, собственно, почему не соблазнишь? Она же говорила, что была когда-то с мужчиной! А не понравилось — так, значит, просто мудака какой-нибудь попался! Надо выяснить, что ей нравится и не нравится, подготовиться и очаровать! И показать, что с мужчиной в постели тоже может быть хорошо! Что я, в самом деле, не в состоянии девушку обаять?

Выпрямляюсь в кресле. Как, она говорила, зовут ту подругу, которая посоветовала ей сюда устроиться? Мне срочно нужен источник информации!

Марина

Момент, когда я должна ответить папе Мише на его предложение, приближается, а я всё никак не могу ни на что решиться. В плюсах — возможно, более интересная работа, перспектива роста, шанс доучиться в университете. Про зарплату я, кстати, не знаю. Вообще, надо сказать, я мало что знаю о той вакансии, которую мне предложили. И это... ну, настораживает! С другой стороны, мне кажется, что от папы Миши подлянки ждать точно не стоит. Кстати, надо перестать его так называть — если он глава фирмы, где я буду работать, то только Михаил Александрович, и никак иначе.

Минусы... А что в минусах? Там я точно стану тем, кем меня считают здесь — девицей, устроенной на тёплое местечко по протекции начальства. И это — самый жирный недостаток. Всегда терпеть не могла тех, кто беззастенчиво пользуется личными связями, а теперь буду одной из них.

Ну и Муромцев. Его отсутствие в моей жизни — это минус или плюс? Шеф иногда ведёт себя очень странно по отношению ко мне, но мы всё равно здорово сблизились за время его болезни.

Нет, не могу я его бросить! Это нечестно!

Вздрагиваю и подрываюсь от звонка мобильного. Беру телефон дрожащей рукой — это Михаил Александрович звонит. Наверное, хорошо, что придётся ответить ему по телефону! Отказать в лицо было бы сложнее. Или нет?.. Ох, Мари, да хватит уже, бери трубку!

— Здравствуйте, пап... Михаил Александрович! — поправляюсь, а потом думаю, что зря.

— Добрый день, девочка! — по голосу слышу, что мужчина улыбается. — Что же ты так официально? Ну, что надумала?

Делаю глубокий вдох, пытаюсь унять трясущиеся руки.

— Папа Миша, вы простите меня, но я не могу.

Ну вот. Сказала. В трубке тишина, и я продолжаю, пытаюсь заполнить неловкую паузу.

— Я вам очень благодарна! Что вы про меня вспомнили и предложили такую возможность, — голос тоже дрожит, до чего же сложно отказывать человеку, который и в самом деле хочет тебе только хорошего.

— Мари, не надо так переживать, — вдруг успокаивающе произносит Михаил Александрович. — Это нормально! Ты решила — и это твоё решение. Ведь твоё?

— Да, моё, — произношу уже чуть спокойнее.

— Ты молодец, — говорит внезапно, — есть в тебе стержень!

— Спасибо, — я даже растерялась от неожиданной похвалы, думала, что он наоборот будет недоволен.

— Если выучишься, отличный из тебя выйдет специалист со временем, — продолжает папа Миша, — так что не переживай, что отказалась. На моё отношение к тебе это никак не повлияет. Да и не последний это шанс в твоей жизни!

— Ох, — мне и вправду становится легко, я радостно улыбаюсь впервые за последнее время.

— А за твоим начальником я сам пригляжу, чтобы он тебя не обижал, — неожиданно говорит мой собеседник. — Не обижает пока?

— Нет, что вы! — я чуть не подавилась. — Конечно, не обижает!

— Ну, за ним вроде ничего такого и не замечено, но если что — говори, поняла?

— Эм-м, конечно, — бормочу растерянно.

— Ладно, девочка, иди работай! До связи!

— До свидания, пап Миш, — кладу трубку и мотаю головой.

Ну ничего себе, защитник у меня появился! Пока я разговаривала, отошла в кухонный закуток. Надо шефу принести чай, наверняка уже заварился — улыбаюсь, разворачиваюсь к столу и застываю. В проходе между шкафами стоит мрачный Муромцев. У меня мороз идёт по коже — неужели он успел услышать разговор?

Илья

Мари испуганно смотрит на меня, пока я пытаюсь решить — как мне реагировать. Судя по обрывкам телефонной беседы, которую я застал, партнёр фирмы что-то предложил моему секретарю. Что-то выгодное. Неужели под меня копает, старый хрен?

А она отказалась. Во всяком случае, я так понял. Правда вот это вот «не обижает» — это про что вообще было? С подозрением смотрю на девушку. На меня глядят огромные растерянные зелёные глаза в крапинку, и я, пусть не сразу, но отбрасываю дурацкие мысли. Нет, не может она быть «засланной» ко мне специально. Слишком искренняя, слишком честная, слишком... Мари.

— Как там чай? — всё-таки решаю спустить ситуацию на тормозах.

— Всё готово, Илья Сергеевич, — Мари наливает мне ароматный напиток, — извините, задержалась.

— Ничего, — мне до смешного приятно брать чашку у неё из рук.

Отпиваю и вспоминаю, зачем вышел.

— Мари, вы говорили, что устроиться сюда вам посоветовала?.. — смотрю вопросительно.

— Подруга, — она кивает. — Маруся... ой, то есть Мария Кравцова, она из IT отдела. А что?

— Почему-то вспомнил об этом, а имя выпало из памяти, — пожимаю плечами, — вот и решил уточнить.

— Что-то не так? — девушка опять начинает нервничать.

— Всё в порядке, не переживайте, — говорю успокаивающе и перехожу ко второй части своего плана. — Мари, попрошу вас об одолжении — съездите, выведите погулять Грэя. У меня скоро очередная встреча, времени на это совсем нет.

Секретарь кидает удивлённый взгляд на календарь на столе и хмурится. Ну да, там встреч пока не отмечено.

— С генеральным, — нагло вру, потому что это единственный человек, который может позвонить мне лично, не тратя время на согласование визита через посредников.

— А-а, понимаю, — она кивает. — Да, конечно, я съезжу!

— Вот и отлично! — отправляюсь в свой кабинет.

Так, где у меня телефон айтишников?

Спустя пять минут, когда приёмная пустеет, я быстро вызываю нужный отдел и прошу срочно явиться ко мне Марию Кравцову. Надеюсь, она тот человек, который мне нужен.

Девушка приходит быстро. Невысокая симпатичная блондинка — удивительно, что такой типаж работает в IT. С другой стороны, непрофессионалов у нас не держат, значит,

мозги у неё на месте.

— Вызывали, Илья Сергеевич? — спрашивает спокойно.

— Да, Мария, спасибо, что пришли. Я... хотел бы поговорить с вами, и надеюсь, что наш разговор будет конфиденциальным.

— О чём поговорить? — поднимает брови, смотрит внимательно.

— О моём секретаре.

Чёрт, я неудачно начал — девушка делает каменное лицо. Явно будет стоять за подругу горой.

— Не думайте сразу плохое, — произношу быстро. — Я просто... Мари очень помогла мне за последнюю неделю. Я хотел бы как-то её отблагодарить.

— Подарите цветы, — пожимает плечами Мария, не торопясь расслабляться от моих слов.

— Это банально и просто, — качаю головой. — И совершенно не соответствует тому, что она сделала.

— Я знаю, — усмехается девушка, но тут же возвращает на лицо маску вежливости, а я с трудом удерживаюсь, чтобы не ругнуться. Надеюсь, Мари не всё рассказала своим подругам?

— Не переживайте, Мари не болтушка, — непонятно как, но Мария отвечает на мой невысказанный вопрос. — Я в курсе просто в общих чертах.

— Тогда вы понимаете, почему я хочу её порадовать. Вы можете подсказать мне, что сделать? Что ей нравится? Что она любит?

— Она была рядом с вами всю неделю, думаю, вы и сами уже должны быть в курсе.

Вот же... что за круговая порука у них, а? Девушка напрочь отказывается отвечать на мои вопросы. Я пробую ещё раз, и ещё, но она вертится, как уж на сковородке. В конце концов, замолкаю и думаю: может, просто правду ей выложить? Поднимаю глаза.

— Я прошу вас помочь!

— Илья Сергеевич, — она поднимает бровь, — вы мне тут много чего сказали, но я пока не услышала причины, с какой стати я должна вам помогать.

— Послушайте, Мария, — мне придётся подключать тяжёлую артиллерию. Я делаю глубокий вздох и говорю: — Мари мне нравится. Очень нравится! Меньше всего на свете я хочу причинить ей неприятности.

Девушка смотрит на меня, прищурившись, и молчит — понять по её лицу я ничего не могу.

— Я... — нет, я не смогу произнести вслух, что влюбился. Запинаюсь, но тут же восстанавливаю контроль над голосом. — Я её никогда не обижу. Но мне не справиться одному — с ней, с её... взглядами.

— Какими ещё... а-а, — тянет она, кивая, и поднимает глаза к потолку, постукивая по губам пальцем.

Засомневалась! Подаюсь вперёд и как могу убедительно произношу:

— Мария, мне очень нужна ваша помощь!

Илья

— Допустим, я соглашусь, — Мария смотрит на меня, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не поёжиться под препарирующим взглядом. — Чего вы хотите добиться?

Вот это вопрос. А чего я хочу? Задумываюсь. Мари в своей постели? Безусловно, но, во-первых, если я ляпну сейчас это её подруге, то могу сразу подыскивать себе место на кладбище, а во-вторых... это желание совершенно точно стоит не на первом месте.

— Я хочу... хотел бы... — начинаю неуверенно, — чтобы Мари думала обо мне, не только как о начальнике. Она, я так понимаю, не слишком высокого мнения о мужчинах в целом?

На губах моей собеседницы появляется странная улыбка. Что я такого сказал?

— Очень точная формулировка, — смотрит на меня, склонив голову. — Ну ладно! — вздыхает, — надеюсь, я об этом не пожалею!

Внутри меня как будто медленно отпускается туго скрученная пружина.

— Но должна предупредить, — Мария упирается ладонями в стол, — вы можете рассчитывать на мою помощь и молчание — но до первой вашей ошибки! Один серьёзный косяк, от которого ей станет плохо — и я тут же рассказываю Мари всё в подробностях.

Ну что ж, выбора всё равно нет, а с помощью Марии вероятность успеха всё-таки будет повыше, чем без неё. Так что протягиваю ей руку, и она, секунду помедлив, крепко её пожимает.

Марина

Прогуляв и помыв Грэя, который, похоже, задался целью залезть в каждую лужу, оставшуюся после очередного дождя, бегу обратно на работу. Надеюсь, шеф не рассердится — что-то я задержалась.

Подхожу к приёмной, но, услышав голоса, останавливаюсь. С кем это он?

— Я понял, Мария, — Илья Сергеевич вроде говорит спокойно, но я слышу напряжение — научилась уже определять оттенки эмоций в его речи.

— Никогда не будет лишним повторить! — произносит девичий голос, и я застываю на секунду.

Это же Маруся!

Подруга действительно открывает дверь приёмной и выходит, следом за ней мой начальник. Оба видят меня, и Маруся улыбается, а шеф... как-то странно дёргается и выглядит тоже... подозрительно, но сосредоточиться на нём не получается.

— Мари! — подруга подскакивает ближе. — Хорошо, что я тебя застала! Пойдём перекусим? Вы же не против, Илья Сергеевич? — поворачивается к моему боссу, и тот, помешкав, кивает.

— Мари, если хотите, можете идти, в ближайшие полчаса вы мне не понадобится, — разворачивается и быстро проходит обратно в кабинет, я даже сообразить ничего не успеваю.

— Что происходит? — шепчу Марусе, проследив за закрывающейся дверью.

— Да ничего, — она проходит вперёд, — идём, в столовую сходим, ты же ещё там не бывала? Здесь недалеко.

Подруга показывает мне симпатичный зал на первом этаже, где сотрудники компании

могут перекусить. Вся еда выглядит вполне аппетитно, да и цены приемлемые, поэтому, набрав по подносу, мы устраиваемся за столиком в уголке.

— Марусь, что ты делала у Муромцева? — спрашиваю сразу и в лоб.

— Ревнуешь? — хитро смотрит на меня подруга.

— Не говори ты глупостей! — я машу рукой. — Просто удивилась!

— Не переживай, ничего такого, — Маруся улыбается и начинает есть суп, — у него проблемы были с одной программой, заявка ко мне упала, я и поправила.

— Я думала, ты код пишешь, а не косяки в программах исправляешь, — смотрю на неё с подозрением.

— Да почему, всякое бывает! — пожимает плечами. — Ты-то сама куда убегала?

— Ходила с Грэм погулять, — отвечаю рассеянно и тоже пробую суп. А ничего, вкусно!..

— Я смотрю, Муромцев здорово тебя с этим запряг! — подруга смотрит внимательно.

— Мне в радость, — улыбаюсь, вспомнив, как Грэй сегодня прыгнул в лужу, напугав пару ворон, споривших поблизости из-за корки хлеба.

— Точно?

Перевожу на Марусю взгляд.

— Да, Марусь! Я... сегодня отказалась от предложения о работе, — ковыряю в тарелке ложкой. — Мне хорошо здесь, не хочу никуда уходить.

— Я рада, Мари! — в голосе подруги слышится тепло.

Мы спокойно заканчиваем обед и расходимся. Я в отличном настроении поднимаюсь к себе в приёмную и, плюхнувшись за стол, начинаю разгребать почту. Пару раз меня вызывает Илья Сергеевич, но задания даёт несложные, так что справляюсь быстро.

К концу рабочего дня, уставшая, заглядываю к начальству на очередной вызов.

— Мари, — шеф тоже выглядит уставшим, — последнее на сегодня — подготовьте, пожалуйста, акты по фирме-партнёру за этот месяц, и можете идти, — морщится и потирает шею.

Я обращаю внимание, что вижу это уже не в первый раз. Мужчина склоняет голову к одному плечу, потом к другому, пытаюсь размять мышцы, и откидывается на спинку кресла.

— Илья Сергеевич, что-то не так? — спрашиваю, поколебавшись.

— Шея побаливает, — отвечает неохотно, через паузу, и опять морщится, — в голову немного отдаёт.

— Давайте, помогу? — произношу и тут же хочется шлёпнуть себя по лбу.

Мари, ну вот какого хрена тебе надо? Что ты как в каждой бочке затычка? Может, он откажется?..

— Я был бы очень благодарен, — Муромцев с признательностью смотрит на меня, и я сглатываю, но подхожу поближе. Ладно, сама предложила, нечего теперь... сейчас разомну ему плечи немного и побегу домой.

Шеф встаёт и, глядя мне в глаза, снимает пиджак. Потом тянется к пуговицам, медленно расстёгивает одну, другую, третью... Чувствую, как начинаю краснеть. Так, стоп! Он тут что, раздеться решил?!

— Мари, всё в порядке? — голос спокойный, он уже сел обратно и внимательно смотрит на меня. Похоже, я себе понапридумывала всякой ерунды.

— Да, конечно, — радуюсь, что хоть с голосом у меня всё нормально, подхожу к боссу и, положив подрагивающие ладони ему на плечи, начинаю аккуратно массировать.

Постепенно увлекаюсь и отвлекаюсь от ситуации. Массаж мне делать всегда нравилось, я даже в своё время проходила курс из нескольких занятий, чтобы хоть чуть-чуть понимать, что и как нужно делать. И сейчас, вспоминая, чему училась, применяю все знания на практике, разминаю мужчине плечи — они у него и правда как каменные, видимо, устал сегодня.

Сдвигаю расстёгнутый воротник рубашки, провожу сжатыми пальцами от шеи вниз, повторяю несколько раз, спускаюсь к плечам, пытаюсь глубоко размять напряжённые мышцы, и слышу тихий стон.

— Илья Сергеевич, вам не больно? — спрашиваю испуганно.

— Нет-нет, — с запинкой произносит он, — не останавливайтесь...

— Я уже почти закончила.

Заканчивать надо мягкими движениями, и я нежно поглаживаю гладкую кожу. Время как будто останавливается. Ощущения под пальцами до того приятные, что прекращать не хочется, и я бездумно провожу тёплыми руками по плечам, шее, слегка забираясь в волосы, и обратно.

Только спустя пару минут понимаю, что что-то не то. Мужчина тяжело дышит, пальцы вцепились в подлокотники кресла. Ой, мамочки, что ж я делаю-то?!

Марина

Замираю, держа руки на плечах шефа. И продолжать нельзя, и убрать не могу — страшно непонятно из-за чего. То есть, очень даже понятно, из-за чего — он же нормальный мужчина, а я, идиотка, его провоцирую... Кто меня за язык тянул с этим массажем? Так, Мари, бери себя в руки — и эти же самые руки в дальнейшем держи при себе!

— Илья Сергеевич, я закончила, — голос подрагивает и позорно срывается в конце фразы.

Быстро обхожу застывшую в кресле фигуру. Валить отсюда! Бегом!

— Мари, подождите секунду... — слышу сзади голос.

Надо обернуться, не может же он с моей спиной разговаривать. С трудом поворачиваюсь к начальнику, но тут, на моё счастье, у него звонит телефон! Господи, неизвестный абонент, как ты вовремя! Шеф берёт трубку, а я шустро сбегаяю в приёмную.

Так, чего там от меня просили? Акты за последний месяц? Торопливо перебираю папки, откладывая нужные документы. Перелистываю стопку дрожащими пальцами. Всё? Да, вроде всё! Скорее, пока шеф не вышел! Накидываю курточку, чтобы было видно, что я уже собралась, и подхватываю бумаги — сейчас быстро отдам и убегу! А завтра всё забудется!

Но я не успеваю даже шагнуть в сторону кабинета, как дверь распахивается, и оттуда быстро выходит Муромцев. Находит меня взглядом и хмурится.

— Мари, как хорошо, что вы ещё здесь, — начальник собран и явно сосредоточен на работе, так что потихоньку выдыхаю. — Вы понадобится мне сегодня вечером. Мы едем на встречу!

— Сейчас? — смотрю на часы, времени шесть.

— Да, это потенциальный партнёр, компания планирует наладить через него некоторые поставки. Встреча будет в ресторане, поэтому я сейчас вас быстро подвезу домой, вы переоденетесь во что-нибудь, и поедем!

— Зачем переодеваться? — с недоумением оглядываю себя, на мне привычная белая блуза и брючная пара, следы от сырника с пиджака удалось вывести.

— Вам нужно что-то другое, подходящее для ресторана — подойдёт какое-нибудь полуформальное платье, — начальник оттягивает рукав над часами и идёт к двери.

Мне становится стыдно, но сказать надо.

— Илья Сергеевич, я не смогу пойти, у меня... ничего такого нет, — произношу тихо, пряча глаза.

Шеф останавливается и, видимо, смотрит на меня — не могу поднять взгляд от смущения, поэтому точно не знаю. Наверное, сейчас думает, что от такого секретаря ему одни сплошные проблемы...

— Ничего страшного, — слышу вдруг спокойный голос, — пойдёмте!

— Куда? Я же сказала, что...

— А я сказал, что ничего страшного, — Муромцев приоткрывает для меня дверь, пропуская вперёд. Быстро проскальзываю на выход и спускаюсь вслед за мужчиной на стоянку. Ну, раз боссу всё равно, то и мне нервничать не стоит. Я, в конце концов, секретарь, а не спутница на вечер.

Начальник подъезжает к огромному торговому комплексу, совмещённому с бизнес-центром. Это здесь будет встреча? Задумываюсь, что за партнёр такой, и спокойно иду следом за мужчиной, даже не глядя по сторонам. Прихожу в себя только, когда шеф останавливается.

— Этой девушке нужно полуформальное платье и туфли под него.

Чего?!

Оглядываюсь и понимаю, что прохлопала ушами — начальник завёл меня в какой-то магазин.

— Не нужно, — испуганно пячусь назад.

— Мари, у вас полчаса! Не тратьте их зря! — Илья Сергеевич опять смотрит на часы, а потом переводит взгляд на молоденькую продавщицу, которая ест его взглядом.

Хмуро гляжу на неё. Эй, это мой шеф! Слюнями не закапай! Глубоко вздыхаю и прохожу вперёд.

— Что-нибудь чёрное есть? — спрашиваю у продавщицы, и она, наконец, обращает на меня внимание.

— Ну конечно! Пойдёмте!

Меня быстро заталкивают в примерочную и приносят несколько платьев. Натягиваю одно, потом меняю на второе, но залипаю на третьем. Спереди обычное приталенное платье-футляр, которое даже ключицы не открывает, зато сзади у него глубокий треугольный вырез, доходящий чуть не до талии! Под вырезом есть внутренний слой тонкого чёрного кружева, но оно тоже едва доходит до середины спины. То есть бельё под этот наряд не предусмотрено!

Кручусь перед зеркалом. Интересно, это не будет слишком уж?..

— Вам очень хорошо! — другая продавщица, чуть постарше той, которая пускала пузыри на шефа, смотрит на меня доброжелательно. — И фигурку подчёркивает, и открывает всё, что надо — но без перебора! Вот, туфли наденьте и посмотрите, как будет смотреться с каблуком!

Сначала приходится натянуть чулки, колготок в этом магазине почему-то нет. Напяливаю классические лодочки на высоченной тонкой шпильке — ну, может и не такие прям высокие, но для меня — очень даже, я такое не ношу. Вздыхаю и смотрю на девушку в зеркале. Да, очень круто. Только собранные волосы сюда не подходят. Стягиваю резинку со своих кудрей, и они сразу начинают топорщиться в разные стороны.

— Сейчас! — продавщица убегает и спустя минуту возвращается с каким-то средством для укладки. — Вот, давайте я на руки вам побрызгаю, а вы пальцами немножко уложите! Не причёска из парикмахерской, конечно, но тоже хорошо будет!

Следую совету, и девушка быстро помогает мне привести локоны в более-менее приличный вид.

— Ну вот! — продавщица довольно оглядывает меня. — По-моему, вы выглядите отлично! Под стать своему спутнику!

— Спасибо вам! — смотрю на неё с улыбкой, и она улыбается мне в ответ, а затем, понизив голос и хитро сверкнув глазами, говорит: — Накиньте куртку здесь! Будет вашему мужчине сюрприз, когда снимете!

— Он не мой... — начинаю было спорить, но она машет рукой, на которой я замечаю обручальное кольцо.

— Может, пока и не ваш, но скоро будет!

Невольно краснею в ответ, и девушка, пряча весёлую улыбку, протягивает мне мою верхнюю одежду.

— Илья Сергеевич, я готова, — выхожу к шефу в куртке, и он удивлённо приподнимает бровь. — Решила уж сразу одеться, чтобы время сэкономить, — отвечаю на незаданный вопрос. — Нам ведь пора?

— Да, идёмте.

Босс расплачивается за платье и туфли, мою одежду складывают в пакет. С грустью думаю, что магазин недешёвый, и эту сумму скорее всего вычтут из моей будущей зарплаты — я хоть и планировала купить себе что-то из одежды, но нашла бы что-нибудь подемократичнее, а теперь не выйdet. Ну ладно, до следующего месяца потерплю. Это платье в офис всё-таки не поносишь!

Подъехав к ресторану, в котором должна состояться встреча, Муромцев просит меня оставаться в машине, а пока я недоуменно хлопаю глазами, обходит её и, открыв мне дверь, протягивает руку. В ступоре смотрю на ладонь, потом спохватываюсь и, приняв помощь, выхожу наружу.

— Такие каблуки травмоопасны, — произносит с улыбкой, глядя на меня.

— Спасибо, — я смущённо поправляю волосы, убрав с одной стороны прядь за ухо.

Мужчина предлагает мне локоть, за который я цепляюсь — на шпильках и правда чувствую себя не слишком уверенно. Мы проходим внутрь, к гардеробу, я расстёгиваю молнию, собираясь снять верхнюю одежду, но начальник меня опережает.

— Позвольте? — тянется и помогает снять с плеч курточку.

Спину обдаёт прохладой, и в ту же секунду я слышу рваный вздох. Увидел!

Илья

Сегодняшний день стал испытанием на прочность... в основном для моих брюк. Сначала массаж, который как бы расслабляющий, да вот только другие части тела от него нехило напряглись. Потом, когда увидел в чеке, который мне отдали в магазине, чулки, у меня просто в глазах потемнело. Женщина в чулках — для меня это просто настоящий пунтик, срывающий крышу под ноль. За рулём чуть не заработал расходящееся косоглазие — один глаз на дороге, а второй на обтянутых тончайшей тканью ножках, обладательница которых сидела на соседнем месте. Как только не врезался ни в кого.

А в ресторане контрольный в голову... Какого хрена я потащил её в магазин? Лучше бы она оставалась в своём костюме! Кто вообще придумал этот дресс-код?

Я замечаю на обнажённой коже спины маленькую родинку возле лопатки и с трудом останавливаю себя, чтобы не качнуться вперёд и не прижаться к ней губами. Муромцев, ты грёбаный извращенец! Перебираю все ругательства, которые могу припомнить, пытаюсь отвлечься от зрелища перед глазами.

Мари поворачивается ко мне, и глаза тут же спускаются ей на грудь. Интересно, она в каком-то белье, которое просто открывает спину? Или без всего? Бл... Мысленно отвечаю себе оплеуху и перевожу взгляд на какую-то идиотскую картину с претензией на искусство, которая висит на стене. Дыши, Илья, дыши! Делу не поможет, если ты сейчас схватишь девушку в охапку и утащишь... куда-нибудь.

— Илья Сергеевич? — раздаётся вопросительный голос. — Всё в порядке?

Ты даже не представляешь, насколько, малышка!

— Да, конечно, — каким-то чудом мне удаётся удержать голос, — идёмте.

Проходим в зал и следуем за метрдотелем в небольшой отдельный кабинет. Там нас уже ждёт Михаил, посредник, с которым фирма предполагает сотрудничать. У него налажены контакты с поставками кое-каких групп товаров, в которых у нас проседает логистика, вот и решили встретиться, обсудить возможные точки соприкосновения.

Михаил тоже с помощницей — однако грудастая девица хорошим специалистом не выглядит, скорее многостаночницей, которая днём в кабинете — вечером в койке. Мари держится у меня за спиной, пока я здороваюсь с посредником, и проходит вперёд, только когда приветствия завершены. Наверное, поэтому я сразу замечаю кое-что, что мне категорически не нравится.

Михаил смотрит на моего секретаря сначала удивлённо, а потом губы расползаются в неприятной улыбке, девушка же бледнеет настолько, что мне вдруг кажется — она вот-вот упадёт в обморок. Придерживаю её за локоть, отодвигая стул, но Мари справляется с собой и, нейтрально поздоровавшись, садится за стол, я располагаюсь рядом со ней.

Дальше всё идёт как будто своим чередом — посредник разливается соловьём, рассказывая об интересующих меня деталях, но чем дальше, тем больше я понимаю, что не хочу иметь с ним дело. Что-то чересчур он нахваливает сам себя. Впрочем, показывать Михаилу своё отношение не собираюсь, спокойно веду разговор, но для себя я фактически уже всё решил. Прямого отказа не будет, расстанемся со стандартными вежливыми фразами, чтобы никогда больше не встретиться.

Мой секретарь в разговоре не участвует, молчит весь вечер, но больше всего меня

беспокоит, что она ничего не ест. Заказала только салат, в котором едва поковырялась. Может, плохо себя чувствует?

Михаил время от времени кидает на неё странные взгляды, чем бесит меня всё больше и больше, но так как ничего лишнего он себе не позволяет, то я пока молчу. В конце концов, никто не виноват, что я с ума схожу, глядя на своего эльфа — в первую очередь хочется натянуть на неё какой-нибудь балахон, чтобы никто, кроме меня, никогда не увидел этого выреза и кружева на белоснежной гладкой коже.

Обозвав себя мысленно ревнивым придурком, прошу счёт, заканчиваю разговор и поднимаюсь. Мари тут же встаёт следом за мной. Михаил, видимо, поняв, что ему ничего не светит, тоже выходит из-за стола, скривившись — вижу недовольную гримасу краем глаза и понимаю, что принял верное решение. С таким человеком нормальной работы не выйдет.

— Тогда до связи, Илья Сергеевич, — произносит уверенно, хотя по лицу видно, что никакой уверенности он не чувствует.

— До свидания, Михаил, — киваю неопределённо — это не обещание. — Мари? — поворачиваюсь к девушке, протягивая ей локоть. Каблучищи у неё уж больно высокие, видно, что она устала, ну и день был длинный, конечно.

Она с благодарностью опускает ладонь мне на стиб руки, неуверенно и натянуто улыбаясь — будто у неё лицевые мышцы свело. Что с ней всё-таки происходит?

Отвожу девушку в гардероб и прошу подождать меня. Вроде отлучился на минуту, но, возвращаясь, вижу возле неё Михаила. Вот не показалось мне — они совершенно точно знакомы. И знакомство это явно неприятное — у Мари даже губы побелели, и выглядит она так, будто её вот-вот стошнит.

— Подумай о том, что я сказал, — слышу последнюю фразу посредника, который тут же оборачивается, видит меня и расплывается в фальшивой улыбке. Так, отвалил от неё нахрен, быстро!

— Михаил, для рабочих дел у вас есть свой секретарь, — произношу, с трудом сдерживая бешенство, — пользуйтесь её услугами!

— Всенепременно, — он кивает на прощанье, посылает ещё один взгляд Мари и уходит.

— Мари, в машину! — фраза звучит резко, не получается сдерживать гнев, хотя злюсь я вовсе не на неё.

Она вздрагивает и покорно следует за мной, усаживается, пристёгивается, и опускает взгляд на свои сжатые пальцы. Кошусь на неё и вздыхаю.

— Мари, вы в порядке? — стараюсь произнести ласково, чтобы не напугать девушку.

— Да, конечно, Илья Сергеевич, — тихий ответ, эльф ещё ниже опускает голову.

Ну и что с ней делать? Обнять бы, так ведь оттолкнёт... Или нет?

Марина

Весь вечер, который превратился для меня в непрекращающийся кошмар, я с трудом сдерживала тошноту. Кто же знал, что потенциальным партнёром фирмы окажется Михаил — мой бывший, от которого я убежала, роняя тапки, и которого надеялась никогда больше не увидеть. Как и то ли Эльвину, то ли Эльвиру, которую в свой последний визит в клуб я застала прыгающей у Михаила на коленях прямо на диване в кабинете. Фу-у, ну вот опять — каким отбеливателем промыть мозг, чтобы избавиться от этой картинки?

Вообще, не думала, что у Миши есть какие-то контакты и связи с серьёзными поставщиками. Как по мне, так он просто пыль в глаза пускал. И Муромцев это, кстати, отлично понял. Надеюсь, я не ошиблась, расшифровывая выражение лица шефа, и никакой совместной работы с бывшим у нас не будет.

Мы уже вышли из зала ресторана, собираясь уходить, и я почти расслабилась — но, как оказалось, рано.

— Что ж ты весь вечер молчала, куколка? — раздаётся голос за спиной.

Я даже не поворачиваюсь, застёгивая куртку возле зеркала.

— И теперь молчишь, — цокает укоризненно Михаил, — нельзя быть такой невежливой, Мари, никогда не знаешь, чья дружба может понадобиться в определённый момент.

— Без некоторых друзей воздух чище, — произношу спокойно и вижу в зеркале, как мужчина прищуривается, зло глядя на меня.

— Не стоит пренебрегать нашими дружескими отношениями, куколка, — говорит этот козёл многозначительно. — Как, кстати, дела у твоей сестры? Ты же теперь её опекун?

У меня холодеет в груди. Ещё не хватало, чтобы эта сволочь сделала какую-нибудь гадость Алинке!

— Это не твоё дело, — поворачиваюсь к Мише, гляжу ему прямо в глаза.

— Я ведь просто спросил, — поднимает руки. — Ты же знаешь, у меня знакомств много, если что — обращайся! Друзья должны помогать друг другу!

— Друзей я здесь не вижу, — я даже губ не чувствую, когда говорю, волнами накатывает отвращение.

— Ну-ну, не стоит так торопиться. Подумай о том, что я сказал, — подмигивает Михаил и тут же оборачивается к подошедшему шефу.

Что-то начальник какой-то злой. Отбривает собеседника, мне командует, прямо как Грэю. В кои-то веки решаю не спорить, а послушно сажусь в машину и замираю. Илья Сергеевич долго возится, глядя то на меня, то на дорогу впереди, но в конце концов мы трогаясь с места.

По пути домой попадаем в какую-то жуткую пробку — даже странно, в такое-то время, наверное, авария какая-нибудь. Я перенервничала, глаза слипаются, но старательно таращусь в окно, пытаюсь не заснуть. Впрочем, долго бороться с усталостью у меня не получается, и я постепенно погружаюсь в странное состояние полудрёмы-полуреальности. Правда, это не мешает мне увидеть сон!

Снятся мне... поцелуи! Мягкие, почти невесомые, лёгкие-лёгкие. Как будто пёрышком по коже гладят. И губы... господи, вот это губы — они как будто сладкие и одновременно

терпкие, как виноградное вино, которое я однажды пробовала у Ани — папа Миша нам всем наливал по капельке. Смутное детское воспоминание становится вдруг ярким, и я погружаюсь в тот солнечный день — даже чувствую тёплый ветерок, который ласково касается моих волос, приглаживает их, а на губах одновременно с мягким прикосновением опять появляется пряный вкус вина, которое я всё пью и никак не могу напиться. Слышу чей-то вздох и пытаюсь тянуться вперёд, но уставшее тело не слушается.

— Марина, — зовёт тихий, смутно знакомый голос, и я с трудом выныриваю из сна — хочется подольше остаться там, в тех странных и приятных ощущениях.

Открываю глаза и дёргаюсь на сиденье. Мы уже приехали, из кондиционера на меня поддувает поток тёплого воздуха — вот, значит, откуда взялся приснившийся мне ветер. Перевожу взгляд на шефа.

— Простите, Илья Сергеевич, я задремала, — произношу быстро и выпрямляюсь.

Что у него с руками? Лежат на руле, но сжаты так, будто спазм какой-то, аж костяшки побелели.

— Ничего страшного, — мужчина как будто немного расслабляется. — Мари, вы за весь вечер почти ничего не съели, не заболели случайно?

Есть у меня действительно не получалось — кусок в горло не лез напротив Миши с его помощницей. Я невольно прижимаю руку к животу и краснею, слыша урчание.

— У меня просто аппетита не было, — произношу смущённо.

— Похоже, сейчас появился, — вдруг весело говорит начальник, — Пойдёмте перекусим нормально? Мне в том ресторане тоже еда не понравилась!

— Поздно ведь уже, Илья Сергеевич!

— Ну и что? — он поднимает бровь. — Вы ведь голодны! Поехали! Давайте что-нибудь по-быстрому перехватим!

— А давайте! — соглашаюсь внезапно, неожиданно для себя самой, и улыбаюсь. — Вы какую вредную еду любите?

— Жареную курицу, — фыркает шеф.

— Я тоже, — прыскаю тихонько. — Поехали за жареной курицей!

И вот спустя пятнадцать минут мы сидим за уличным столиком и уплетаем куриное филе в панировке. Кто бы мог подумать, что начальник ест такой «мусорный» фастфуд!

— Нас с сестрой в детстве мама водила сюда, — я макаю в соус последний кусочек и смотрю на улицу. — Правда, о-очень редко.

— Следила, чтобы не ели много вредного? — Илья Сергеевич смотрит на меня с улыбкой.

— И это тоже, но в основном, потому что денег всегда не хватало, — говорю, не думая, и тут же соображаю, что такие подробности обо мне начальству знать вообще-то не обязательно.

— А мои родители были помешаны на здоровом питании, так что мне это всё было запрещено, — вдруг отвечает откровенностью на откровенность шеф.

— Но вы всё равно тайком покупали? — спрашиваю с улыбкой.

— Конечно, — мужчина весело улыбается в ответ, но тут же замирает и тянется ко мне. — У вас остался соус... вот здесь.

Аккуратно касается уголка губ, не сразу убирает руку, а я автоматически облизываюсь, случайно задев языком его палец, и вижу, как моментально расширяются зрачки глаз, в упор смотрящих на меня.

Марина

Мужчина судорожно сглатывает, я вижу, как дёргается кадык на шее. Сама резко подаюсь назад, разрывая контакт. Чёрт, как же неловко получилось!

— Мари, я хочу... кое о чём спросить вас, — произносит вдруг шеф, — можно?

Я чувствую, как по позвоночнику пробегает холодок. А если он спросит что-нибудь про меня... про мои отношения или ещё про что-нибудь такое же скользкое... Что мне ему ответить? Врать, глядя в лицо? Не успев решить, что же делать, отвечаю:

— Можно, — губы как после заморозки у зубного врача, еле двигаются.

Но Муромцев задаёт вопрос совсем не о том, чего я успела испугаться.

— Вам знаком мужчина, с которым мы сегодня встречались, — он не спрашивает, он утверждает, но я всё равно киваю, подтверждая, что это правда. — Откуда?

— Михаил — мой бывший, — ляпаю, не подумав, вижу, как округляются глаза собеседника, и только тут соображаю, что сказала. — Работодатель! — исправляюсь торопливо. — Он мой работодатель! Бывший! Я у него работала, последнее место работы — секретарь у владельца клуба, помните, я вам говорила, когда устраивалась на работу, — усилием воли заставляю себя заткнуться, а то слово «работа» повторила, наверное, уже раз пять.

— Вот оно что, — задумчиво говорит Муромцев. — Мне не показалось, что у вас сохранились хорошие отношения, — кидает на меня изучающий взгляд.

— Вы очень догадливы, — хотелось сказать с сарказмом, но получается почему-то почти жалобно.

Вздыхаю. Илья Сергеевич вообще-то ни в чём не виноват, надо бы ему рассказать, предупредить про этого... слизня! Бе-е, гадость! Вот только придётся тогда упоминать некоторые темы, которых лучше бы не касаться. Как же поступить?

В итоге решаю сделать, как и всегда: главное начать, а там — как кривая вывезет.

— Я работала в клубе уже почти год, — задумываюсь, когда же всё произошло. — Да, даже чуть больше. У меня тогда были отношения с одной... — хочется сказать «тварью», но я продолжаю: — одним человеком.

— Мари, вам необязательно рассказывать, — сочувственно произносит вдруг шеф.

— Я просто хочу, чтобы вы знали, что с Михаилом не стоит иметь никаких дел, — делаю глубокий вдох и выпаливаю: — Он хотел, чтобы я... чтобы... ну, в общем, проводила время с постоянными посетителями. Вы понимаете, о чём я?

В тот день, когда мне «посчастливилось» застать Мишу с той девицей на коленях, я ворвалась в его кабинет, ища защиты. Вот только оказалось, что не к тому за помощью прибежала. Слава богу, что мне удалось без потерь уйти из клуба в тот день. Помог охранник, с которым у меня были вполне дружеские отношения и который как раз планировал увольняться. «Клиент», которому меня собирались подсунуть, был слишком пьян и ничего потом не вспомнил... Ну, я надеюсь на это. А Михаил тогда крикнул вслед, что я должна быть ему благодарна за возможность подзаработать и вообще ещё приползу, когда пойму, что ни на что больше не гожусь.

Мне страшно взглянуть на Муромцева, и я сижу, опустив глаза. А если он подумает, что я просто преследую какие-нибудь свои цели, а на самом деле прожжённая шлюха? Не

должен, но... что я вообще понимаю в мужчинах? Судя по своему печальному опыту — нихрена я не понимаю.

— Мари, — голос шефа звучит странно, и я вся сжимаюсь. — Посмотрите на меня, пожалуйста.

Заставляю себя поднять голову.

— Мари, вы ведь знаете, что я вас никогда не обижу? — фраза звучит как-то знакомо, но я настолько не ожидала это услышать, что у меня рот открывается от удивления. Вот только Илья Сергеевич смотрит очень внимательно и совсем не шутит, и... явно ждёт моего ответа!

— Да, знаю, — наконец произношу тихо и слабо улыбаюсь. — У вас для этого было множество возможностей, но вы ими ни разу не воспользовались.

— Каких ещё возможностей? — невероятно, но мужчина отвёл глаза и заёрзал на стуле.

— Ну как же! — удивляюсь. — Я с вами всю неделю наедине работала, у вас дома! А сегодня? Заснула у вас в машине!

— А-а, ну да, действительно, — что ему за шлея под хвост попала, что никак на месте не сидится?

Шеф и правда вскакивает из-за стола, как будто его там поджаривают снизу.

— Может быть, пойдём? Уже поздно, — ерошит волосы, — и Грэй надо покормить, погулять с ним.

— Вы что, его оставили без прогулки и без еды? — ахаю, — Да вы что, ведь времени уже... — подскакиваю, забыв, что на мне неудобные каблуки, тут же теряю равновесие, но Муромцев успевает подскочить ко мне и ловит меня в объятия.

Стоим. Молчим. Шеф не отпускает, прижимает к себе. А уютненько с ним вот так, хорошо, и пахнет от него вкусно, мне ещё в первый день этот парфюм понравился. Горьковатый такой запах, мужской. Чёрт, Мари, о чём ты думаешь?

— Я договорился с женой Николая, она его кормит и выводит ненадолго, — вдруг шепчет мужчина мне на ухо.

— А... Ага... — осторожно отстраняюсь, впрочем, из рук меня не выпускают, только слегка ослабляют хватку. Пытаюсь утвердиться на ногах, и одна из них тут же опять подкашивается. Каблук в ямку попал, чтоб его... Не успеваю и пискнуть, как начальник наклоняется и подхватывает меня на руки!

— И-Илья Сергеевич, вы чего? — от испуга вцепляюсь ему в шею.

— Я ведь говорил, что эти каблуки травмоопасны!

— Зато туфли на шпильке сексуально смотрятся, — выдаю внезапно и тут же зажмуриваюсь. Кто бы мне язык укоротил, а?

Начальство издаёт странный звук и начинает целеустремлённо двигаться к стоянке, где стоит автомобиль.

— Я же тяжёлая! Поставьте, я сама пойду!

— Тяжёлая? — мужчина фыркает мне в волосы. — Да Грэй весит столько же!

— С чего вы взяли? — бурчу недовольно. — И когда это вы его таскали на руках?

— Не ворчите, — у кого-то подозрительно хорошее настроение.

Муромцев подносит меня к машине и аккуратно опускает на переднее сиденье.

— Снимайте эти сексуальные туфли, — а чего это голос у него так охрип? — и впредь надевайте что-нибудь менее... провокационное!

Эй, это он о чём?

Не успеваю спросить — шеф садится рядом, блокирует двери, но мотор не заводит, и поворачивается ко мне.

— Мари, вы ведь помните, что я вас не обижу? — я еле сдерживаюсь, чтобы не поёжится, и киваю. — Тогда ещё один вопрос! Как давно вы сменили ориентацию?

Всё, я попала!

Марина

— Почему вы решили, что я её сменила? Может, она у меня всегда была... неправильная, — я отчаянно соображаю, что сказать, чтобы это выглядело естественно. Вот нельзя мне врать! Нельзя! Или надо как следует продумывать легенду! А я с какого-то перепугу решила, что раз Муромцев вопросов особо не задаёт, значит, так и дальше будет! И расслабилась... идиотка!

— Вы же сами говорили мне, что бывали с мужчиной.

Точно, говорила. Молчу и смотрю вперёд сквозь лобовое стекло, не видя ничего перед собой. Может, он самостоятельно какую-нибудь версию придумает? А я подтвержу... подтвердю... короче, соглашусь!

— Давно, — наконец выдавливаю из себя.

— Давно что?

— Давно сменила.

Ну хватит, пожалуйста, замолчи!

— Давно — это сколько по времени? — шеф не отстаёт.

— Ну, знаете, время — понятие относительное... — тяну медленно. — Года три назад, наверное...

— Мари, — Муромцев подаётся ближе ко мне, а я вжимаюсь в сиденье. — Вы ведь врётё сейчас. Интересно, почему?

Почему-почему! Тоже мне, нашёлся любопытный.

— А почему вы спрашиваете? — произношу, просто чтобы что-нибудь сказать.

— Хочу понять, у меня есть хоть какой-то шанс?

— Шанс на что? — круглыми глазами смотрю на начальника.

— На то, чтобы вы увидели во мне мужчину.

— Спасибо, мужчину в вас я и так уже видела!.. Ой, я не то хотела сказать! — я закрываю лицо руками. Тишина пугает, поэтому медленно раздвигаю пальцы, выглядывая между них.

Муромцев держится руками за руль, и вид у него такой, как будто он головой о баранку хочет побиться.

— Илья Сергеевич, вы простите, пожалуйста, — несмело протягиваю руку и касаюсь его рукава, — я когда нервничаю, всякую чушь несу.

— Вы меня боитесь? — он разжимает руки, снимает их с руля.

— Н-нет, то есть, не вас, я... в целом...

— Мужчин боитесь?

— Ну... — неловко пожимаю плечами, — опыт у меня не то чтобы удачный, сами понимаете.

— Я вам неприятен? — теперь он смотрит прямо мне в лицо.

— Нет, совсем нет, — говорю тихо.

Ага, и это я ещё преуменьшила. Знал бы он, как я на него облизывалась... Чисто эстетически, конечно! Ох, врать сама себе я тоже та ещё мастерица.

— Ну что ж, — Муромцев заводит машину и трогается с места, — пока мне достаточно и этого.

То есть как это достаточно?

Илья

Господи, ну и любовь мне досталась... с такими тараканами, что впору дустом обсыпаться, или чем там их травят.

Весь день я сомневался, но всё же последовал совету Маруси, как она попросила её называть. Девушка сказала, что лучше всего с Мари сработает откровенность и честность. Сама она врать абсолютно не умеет, у неё всё на лице написано, вот и с ней надо так же. В любви признаваться, естественно, не собирался, это бы её только напугало — но, скажем так, намерения обозначил. Хотя Мари, конечно, в своём репертуаре...

После моего финального заявления девушка притихает, и я не решаюсь нарушить молчание. Вот любопытно, что у неё в голове сейчас происходит? Как она вообще восприняла мои слова? И не спросишь, не поторопишь, придётся в час по чайной ложке двигаться, чтобы не спугнуть.

Довожу своего эльфа до дома, торможу перед самым подъездом. В сотый, наверное, раз кошусь на её ноги и вздыхаю. Донести бы её до квартиры... и там с ней и остаться. А ещё лучше заблокировать опять к чертям двери и увезти её к себе...

Не даю себе додумать, что было бы дальше, а то передвигаться не смогу. Встряхиваюсь, нужно помочь ей дойти до подъезда — как бы на этих шпильках она себе ногу не сломала.

— Мари, давайте я вам помогу...

— Зачем?

Она отстёгивает ремень, скидывает с ног туфли, становится на сиденье коленками и тянется назад.

Из головы моментально улетучиваются все более-менее разумные мысли. Да она... она... издевается надо мной! В ступоре смотрю на маленькие ступни, ползу вверх взглядом и в небольшом разрезе сзади вижу кусочек кружевной кромки чулка. Меня накрывает в ту же секунду — ощущение такое, как будто дали под дых и одновременно по голове. А эта зараза как ни в чём не бывало разворачивается, держа в руках свою обувь. С трудом соображаю, что на заднем сиденье действительно лежал пакет, в который в магазине сложили её офисную одежду.

Мари, пыхтя, натягивает ботинки и довольно смотрит на меня. Правда, выражение на лице тут же сменяется на встревоженное.

— Илья Сергеевич, что с вами?

Она ещё спрашивает... Со мной самый грандиозный стояк, который когда-либо случался в моей жизни. Остаётся только надеяться, что за полами пиджака не заметно.

— Вам плохо?

Нет-нет, только не это! Она тянется вперёд, но я перехватываю её руку, не позволяя ей меня коснуться. Уж не знаю, что она собиралась сделать — лоб пощупать, наверное, но я и так с трудом сдерживаюсь.

— Со мной всё в порядке, — выталкиваю хрипло из пересохшего горла.

— Точно? — смотрит на меня скептически.

Подробности лучше не уточнять. Поэтому просто киваю.

— Илья Сергеевич, по поводу того, что вы сказали, — девушка мнётся, но всё же говорит: — Когда я устраивалась к вам на работу, мне важно было, чтобы ко мне... чтобы меня не трогали. Поэтому, когда Маруся сказала, что у вас принцип — никакого интима на работе, я очень обрадовалась.

— Маруся сказала? — я даже немного отвлекаюсь от собственного дискомфорта.

— Все в компании знают, — Мари пожимает плечами. — Мне не раз об этом сообщили.

Надо же, не думал, что у меня такая репутация. Пока соображаю, что ответить, слышу, как у девушки вибрирует телефон.

— Да, дорогая, я через минуту буду дома, — Мари отвечает на звонок, глядя мне в глаза, и на меня словно обрушивается ведро ледяной воды.

Опять эта «дорогая»!

— Я пойду, Илья Сергеевич. Спасибо, что подвезли, — она открывает дверь.

— Вы её любите? — спрашиваю внезапно.

— Она самое ценное, что у меня есть в жизни, — не задумываясь, отвечает Мари.

И как мне быть? С мужчиной-соперником хотя бы действовать можно на равных, а что делать с женщиной? Вот я влип...

Марина

Медленно захожу в квартиру, кладу пакет с одеждой, ставлю туфли, которые несла, подцепив за каблуки.

— Хэй, систер! Ты чего так долго? — раздаётся голос Алинки, перевожу на неё глаза — она смотрит на меня с удивлением. — Ого! — распахивает глаза, когда я снимаю куртку. — Вот это да! Откуда такое шикарное платье?

— Для работы нужно было, — устало приваливаюсь к стене.

— Тоже такую работу хочу! — сестра улыбается.

— Твоя работа сейчас — учиться хорошо! — строго гляжу на неё, а она машет рукой и закатывает глаза.

— Не читайте мне нотаций, маменька, без вас знаю. Но всё же, что случилось?

— Случилось, Алин, что я, похоже, круглая идиотка, — произношу тоскливо.

— Это давно не новость, — наглая девчонка отмахивается, а я хмыкаю и, отлипнув от стены, иду на кухню. — А поподробнее?

— Мне кажется, я влюбилась.

— Да, это действительно вершина идиотизма, — нарочито понимающе соглашается Алина. — В шефа?

— Догадливая.

— Ну а то ж, есть в кого, — сестра присаживается напротив меня за столом. — Мари, ты и правда чокнулась. Как говорится, никогда такого не было — и вот опять! Только-только вылезла из ситуации с этим твоим козлом... — Алина в курсе того, что произошло между мной и Михаилом, но он ей в принципе никогда не нравился, и теперь я готова признать, что вполне справедливо.

— Я его встретила сегодня.

— Кого? — сестра смотрит, нахмутив брови.

— Козла. То есть, Мишу, — утыкаюсь лбом в сложенные ладони.

— Где?

— Муромцев с ним на переговоры ездил.

— Надеюсь, твой шеф не настолько кретин, чтобы сотрудничать с этой мразью? — Алинка кривит губы в отвращении.

— Что за выражения? — вздыхаю. — Нет. Я ему всё рассказала.

— В смысле всё? Совсем всё? — у нас сегодня день круглых глаз.

— Да нет, конечно! В общих чертах, без подробностей, — поднимаю взгляд на сестру. — И про меня он не знает, хоть и думает, что я ему вру.

— Ничего не понимаю, — Алинка мотает головой.

Опять вздыхаю и пересказываю ей наш разговор в машине. Сестра задумывается, а потом выдаёт:

— Не такая уж ты и идиотка.

— Ну спасибо! — мой голос сочится сарказмом. — Вот это комплимент! Прямо выше меня никто ещё не оценивал!

— Да я не о том, — Алина машет рукой. — Ты же ему нравишься! То есть ваши чувства взаимны.

— Ох, Алин, что-то не верится, — качая головой. — Как по мне, он просто меня в постель затащить хочет. Ну, знаешь, вызов его мужественности, запретный плод сладок и всё такое.

— Так, комплимент беру обратно, — сестра закатывает глаза и поднимается. — Охота из себя дурочку строить — пожалуйста. И вообще, у вас там страсти, а у меня завтра контрольная по алгебре, так что пошла я спать!

— Спокойной ночи, — говорю рассеянно, а сама остаюсь сидеть на кухне, пить чай и думать.

Итогом ночных размышлений становится революционная мысль, что вообще-то, от постели я бы и сама не отказалась. Ну блин, такой экземпляр! Будет хоть, что вспомнить — а то, как в том анекдоте: «О каждом пожалеешь, о каждом!»

Вот только я же себя знаю — влюблюсь как кошка, а потом опять останусь у разбитого корыта! Эх, жизнь — боль...

С утра я, естественно, невыспавшаяся и хмурая, прямо как небо в тучах. Достала эта весна! Лето хочу! Бурча про себя, недовольная всем на свете, выползаю на улицу и застываю — у подъезда знакомая машина, возле неё, прислонившись к капоту, стоит шеф, что-то делает в планшете. Поднимает на меня взгляд и смотрит так серьёзно. Божечки-кошечки, он просто ходячий секс, я сейчас прямо здесь упаду...

— Доброе утро, Мари, садитесь, — кивает на машину.

— Доброе утро, Илья Сергеевич, я что-то пропустила? — подхожу ближе, повторяя про себя, как мантру: «Не пялься на него, не пялься!»

— Не понял? — мужчина уже открыл дверь и глядит на меня, подняв брови.

— Мы с вами о чём-то договаривались, а я забыла? — морщу лоб. Вчера, конечно, много чего случилось, но такое я бы запомнила...

— Нет, — Муромцев вдруг улыбается, — но у меня была причина за вами заехать. Садитесь в машину, холодно.

Забираюсь внутрь и внимательно смотрю на начальника.

— Мари, мне нужно будет уехать на несколько дней, срочная командировка, — шеф выезжает на основную трассу и встраивается в утренний поток машин.

— А... я с вами не поеду? — не понимаю, что я по этому поводу чувствую.

Мужчина бросает на меня взгляд, но тут же возвращает внимание на дорогу.

— Вы пока новый сотрудник в компании, только-только испытательный срок закончился, так что с этим внеплановым мероприятием я справлюсь сам. Не переживайте, вам тоже будет, чем заняться, кое-что можно делать удалённо.

— Хорошо.

— Я сейчас сразу в аэропорт, только вас завезу в офис.

— Я поняла, — лишних вопросов не задаю, чтобы не отвлекать от дороги — всё равно указания все будут, так чего переживать.

И только спустя некоторое время до меня вдруг доходит.

— А почему вы мне по телефону не сообщили? Или на почту можно было написать?

— Я же говорил, что у меня была причина, — Муромцев заезжает на парковку возле офиса, останавливается, глушит мотор и разворачивается ко мне.

Сглатываю — до чего хорош, гад!

— Мы с вами до конца недели не увидимся, — начинает шеф и делает паузу.

— Я поняла, — киваю, — а что за причина?

— Я её уже назвал, — мужчина улыбается, берёт мою руку и подносит её к губам.

Дыхание перехватывает, а в голове стремительно пустеет. С трудом мелкими плотками вдыхаю через рот, воздуха катастрофически не хватает. Что же он делает?..

— Я надеюсь, — шеф поглаживает мне пальцы, не отпуская кисть, — что после моего возвращения мы продолжим наш разговор, — ещё один поцелуй.

— Х-хорошо, Илья Сергеевич, — получается не слишком внятно из-за стиснутых зубов. — Мне, наверное, надо идти.

— Мгм? — его губы поглаживают запястье, и я изо всех сил сжимаю ноги, потому что... потому что!

Никогда ещё я не заводилась вот так, с пол-оборота!

— Я же... опоздаю...

О, господи, вот этот хриплый кошмар — мой голос?

Марина

— Илья... Сергеевич? — шепчу, потому что ещё немного — и я не знаю, что я сделаю!

— Конечно, идите, — мою руку наконец отпускают, но запястье продолжает гореть, и я невольно сжимаю пальцы в кулак.

— До свидания.

— До встречи, Мари, — он опять улыбается.

Так жарко, что удивляюсь, как у нас тут окна не запотели. С трудом выкарабкиваюсь из машины и на подгибающихся ногах ползу в здание. Не успеваю подняться в кабинет, как звонит мобильный. Шеф!

— Да, Илья Сергеевич? — прокашливаюсь, чтобы убрать хрипотцу.

— Мари, мы отвлеклись, и я забыл вам сказать, — я даже по голосу слышу, как мужчина улыбается, и прислоняюсь к стене, потому что коленки трясутся. — Одной из ваших обязанностей будет выгуливать Грэя. Вы с ним подружились, он без вас скучает. На вас — утро и вечер после работы, днём его Катерина будет выводить. Если что, она подстрахует, я скину вам её номер. Надеюсь, вы мне с этим поможете?

— Конечно, я с радостью, — мне становится чуть полегче, и я улыбаюсь.

— Ну и отлично, — начальник молчит пару секунд и добавляет: — Скоро увидимся, Мари.

— Д-да, — его слова звучат ну таким обещанием, что у меня окончательно пересыхает в горле.

Шеф отключается, а я иду в кабинет и залпом выпиваю стакан холодной воды. Ещё бы парочку на голову вылить...

Сосредоточиться на работе у меня не получается от слова совсем. Всё утро в голове вертятся картинки сегодняшнего диалога и... поцелуев, так что мне то и дело приходится унимать трясущиеся руки. Когда в приёмную заглядывает Маруся, я уже в отчаянии думаю, что, может, и правда пойти голову под холодную воду подставить. Останавливает только боязнь простудиться.

— Ну что тут у тебя? — подруга, улыбаясь, усаживается в кресло для посетителей.

— Ох, Маруся, — я бросаю пытаться делать вид, что работаю, и запускаю пальцы в волосы, нещадно растрёпывая кудри.

— Мари, что стряслось? — голос звучит до того напряжённо, что я с недоумением смотрю на подругу.

— Ты чего так испугалась, ничего у меня не случилось!

— Ну ладно, — Маруся облегчённо выдыхает. — Не обижает тебя наш Илюша-богатырь?

— Да что вы все, сговорились, что ли? — вырывается у меня стон. — Папа Миша спрашивает, ты спрашиваешь, сам Муромцев обещает... — захлопываю рот, но слишком поздно.

Глаза подруги загораются любопытством.

— Что обещает?

— Эм-м, ничего, — бурчу себе под нос.

— Мари-и?

Вздыхаю и сдаюсь:

— Он спрашивал, понимаю ли я, что он никогда меня не обидит.

— Надо же, прыткий какой, — бормочет подруга непонятную фразу.

— В смысле?

— Да это я так, — машет рукой и тут же впяляется в меня взглядом. — А ты что?

— Я... — сглатываю и не знаю, что сказать.

— Он тебе нравится? Да? — Маруся смотрит с улыбкой.

— Очень, — шепчу, пряча лицо в ладонях.

— Ну и прекрасно! — вдруг бодро заявляет она. — Пойдём пообедаем!

— Что значит прекрасно, Маруся? Это же ты мне говорила, что у него принципы и чёрт знает что ещё! Он мой босс, в конце-то концов!

— Мари, да ты не нервничай, — подруга смотрит на меня сочувственно, — всё разрешится, так или иначе.

— Ага, рано или поздно, — говорю уныло. — Знаешь, я что-то не хочу есть.

— Ну пойдём, хоть чаю выпьешь за компанию! Давай-давай, хватит киснуть тут в приёмной!

Маруся всё-таки вытаскивает меня в столовую, и, поддавшись её уговорам, я покупаю и съедаю сладкую булочку. Мне даже удаётся поработать — ближе к вечеру шеф присылает на почту кучу заданий. Что-то я делаю сразу, что-то откладываю на потом — придётся поковыряться, дел хватит на пару дней. Вечером гуляю с Грэем и сижу с ним полчаса у Муромцева на кухне. Собаке скучно, и мне не хочется его оставлять — хотя находиться без шефа в его квартире как-то неловко.

На следующий день знакомлюсь с домработницей начальника — приятная такая женщина лет под шестьдесят. Оказывается, она уезжала к дочке и внукам на пару недель, вот я раньше её и не встречала, а обычно приходит к Илье Сергеевичу два-три раза в неделю, убирает, иногда готовит, если он её об этом просит заранее. Раз сейчас шеф в командировке, от неё ничего такого не требуется, и мы договорились, что в следующий раз она придёт уже на следующей неделе — какой смысл убирать пустую квартиру?

Так в относительно спокойной рутине проходит время, приближается конец недели. Мне уже не терпится, чтобы начальник вернулся — стыдно признаться даже самой себе, но я по нему соскучилась, а ещё всё время возвращаюсь мыслями к его обещанию продолжить разговор. Каждый раз, как вспоминаю голос и эти его поцелуи, низ живота начинает тянуть. Я просто в озабоченную кошку какую-то превратилась! И сны снятся такие, что просыпаюсь вся в испарине — из-за этого ещё и не высыпаюсь совершенно, брожу, как сонная муха.

Шеф должен вернуться поздним вечером в пятницу, и я решаю приготовить ему что-нибудь, раз отпустила домработницу. Успею всё сделать и уйти, оставлю на столе записку — а то приедет уставший, пусть хоть перекусит немного. После прогулки с Грэем, подумав, покупаю хороший кусок свинины, мариную мясо в вине, специях, мёде и имбире. Ещё взяла замороженную бруснику, сделаю соус.

Всё готовится, мясо стоять в духовке ещё час, и на меня нападает жуткая зевота. Смотрю на время — только-только семь вечера, а Илья Сергеевич писал, что у него самолёт в восемь. Ну и ладно, ничего не случится, если я подремлю на диване. Выставляю будильник, чтобы не упустить мясо, и моментально засыпаю.

Илья

— Да! Хорошо, я понял! Буду! — кладу трубку и шиплю ругательства себе под нос.

Михаил, мать его, Александрович хочет непременно встретиться сегодня вечером, а то, видите ли, в выходные он улетает с семьёй в отпуск и будет недоступен. Приходится срочно менять билеты — благо нашёлся более ранний рейс — и сразу из аэропорта ехать в офис.

В приёмной я никого не обнаруживаю, но это и неудивительно — сам разрешил Мари уйти в пятницу пораньше, ей ведь ещё с Грэем гулять. Вот только не готов был к ощущению пустоты, которое на меня навалилось, когда вошёл в тёмное помещение. Раньше никогда такого не было — есть секретарь, нет секретаря — какая, в сущности, разница. Впрочем, до Мари в моей жизни много каких ощущений не было.

В задумчивости задерживаюсь возле её стола и вздрагиваю, когда за спиной раздаётся голос Михаила Александровича:

— Илья Сергеевич, добрый вечер, хорошо, что вы уже на месте.

Оборачиваюсь к партнёру и изображаю на лице улыбку. Всё равно он меня напрягает. То ли из-за того, что к Мари подкатывал с какими-то странными предложениями, то ли ещё почему-то... А может, я завидую ему — просто потому, что он был знаком с моим эльфом до меня.

— Пройдёмте в кабинет, — первый прохожу к себе, включаю свет.

— Я вас надолго не задержу.

Киваю в ответ, и мы быстро обсуждаем все срочные дела, которые нужно решить до его отпуска. Слава богу, много времени на это и правда не понадобилось.

Пока я собираю бумаги, Михаил Александрович поднимается и смотрит в приоткрытую дверь на пустой стол моего секретаря.

— Как вам Мари? — вдруг поворачивается ко мне с вопросом.

— Отлично, — помедлив, отвечаю осторожно. — Она хорошо справляется.

— Не сомневаюсь, — Михаил Александрович смотрит на меня внимательно, — она девушка способная, всё схватывает на лету.

Внезапно в голове ярко вспыхивает картинка — коленки на сиденье машины и кружево чулка. Видимо, партнёр что-то успеваешь заметить на моём лице, потому что холодно прищуривается.

— Ей непросто пришлось последние годы. Девочка очень одинока, единственный родной и самый дорогой в её жизни человек — это сестра.

В мозгу шевелится какое-то трудноуловимое воспоминание, почти дежавю. Я от кого-то слышал совсем недавно похожую фразу, но голос собеседника не даёт сосредоточиться. А Михаил Александрович продолжает:

— В таком состоянии девушки легко поддаются уговорам, им хочется найти крепкое плечо, защиту или хотя бы поддержку. Но не стоит думать, что у Мари нет друзей, которые не заступятся за неё в случае чего, — он посылает мне многозначительный взгляд.

— Я думал, Мари живёт с... подругой? — отвечаю ему таким же многозначительным взглядом, но собеседник непонимающе поднимает брови.

— Они живут вдвоём с сестрой, — хмурится, — впрочем, это не имеет отношения к делу.

— Я с большим уважением отношусь к Мари и не собираюсь причинять ей неприятности, — решительно сворачиваю категорически не нравящийся мне разговор и прохожу к выходу.

— Отлично. Думаю, мы поняли друг друга, — Михаил Александрович протягивает мне руку, и я, мгновение поколебавшись, сжимаю её крепче. Грозить он мне вздумал. Сам про

неё ничего толком не знает, а туда же! Мы с Мари без посторонних разберёмся!

Уставший, приезжаю домой. Поднимаясь в квартиру, впервые не радуюсь, что меня сейчас встретит только Грэй. Я бы не отказался, чтобы ко мне в коридор выбежала моя эльфиечка. Вдохнув, открываю дверь и сразу понимаю — что-то не так. Нет, Грэй-то выскакивает в прихожую и виляет всей задней частью вместе с хвостом, но... Принюхиваюсь к приятным запахам, быстро снимаю обувь и, не скинув даже куртки, прохожу в квартиру.

На кухне никого не обнаруживаю, хотя духовка работает — аромат оттуда такой, что рот тут же наполняется слюной. Следом захожу в гостиную, где горит приглушённый свет, и замираю, видя свернувшуюся на диване клубочком фигурку.

Мари крепко спит, подложив ладонь себе под щеку. Тихо подхожу ближе, тянусь убрать прядь волос, упавшую на глаза, но останавливаюсь, боясь её разбудить. В груди разливается тепло — как же я соскучился!

На полу вдруг что-то вибрирует, и я вижу телефон — наверное, уронила, когда заснула. Поднимаю и на экране высвечивается: «Дорогая». Это что, та самая?.. Не успев подумать, что делаю, смахиваю звонок с экрана, но, видимо, неудачно — и из динамика раздаётся голос:

— Хэй, систер, я помню про твоего ненаглядного шефа с собакой, но мне нужно тебя спросить! Можешь отвлечься?

Илья

— Алло? Алло, Мари? Ну, блин, ещё и звука нет, — звонок прерывается, и я в ступоре смотрю на погасший экран.

В голове крутятся, складываясь в единую картинку, кусочки головоломки. Так, значит, Михаил Александрович не ошибся, когда сказал, что они живут вдвоём с сестрой... И сама Мари — фраза, показавшаяся мне сегодня такой знакомой, про самого ценного в её жизни человека — она говорила это о сестре! И сестру называла «дорогая», а я-то думал, что...

На секунду начинаю сердиться, что меня всё это время водили за нос, но потом разом всплывают другие воспоминания — слова, обмолвки, молчание в нужных местах. Она же не обманывала... просто умалчивала, позволяла думать не о том, не опровергала моих предположений — но ведь я их и не высказывал!

Кстати, ну, допустим, партнёра у неё действительно нет. Точнее, партнёрши. А как насчёт её ориентации? Если больше она ни в чём не соврала, может быть, это тоже правда?

Пытаюсь анализировать то, что мне вспоминается из наших разговоров, но прийти к какому-то определённом выводу не могу. Косвенным свидетельством выступают слова её подруги — Мария вроде как подтвердила, что Мари действительно не интересуется противоположным полом, вот только... Я видел её реакцию на меня! Даже если она придумала себе, что мужчины ей не нужны, её тело совершенно точно откликается! А значит, мой план по приручению эльфа остаётся в силе! И приступаю я к нему прямо сейчас!

Улыбаюсь, глядя на спящую девушку. Ну, милая, теперь тебе точно не отвертеться! Если раньше меня ещё как-то тормозило наличие у тебя отношений, с которыми я не понимал, что делать, то теперь держись!

Аккуратно кладу обратно на пол телефон и тихо возвращаюсь в прихожую, чтобы снять куртку.

Марина

Я просыпаюсь под звон будильника и, нашарив рукой на полу телефон, выключаю противный писк. Сажусь на диване, зевая и потягиваясь — сейчас достану мясо из духовки, быстренько сварганю соус, и можно будет идти домой! Смотрю на экран и морщу лоб — пропущенный от Алинки, совсем недавно звонила. Ладно, через пять минут перезвоню.

Выхожу в коридор и хмурюсь. Что?.. В ванной шумит душ, на вешалке куртка, сумка брошена... Начальник вернулся! И я... тут... Ой, мамочки! Рысью несусь на кухню, достаю мясо. Чёрт, его же надо открыть из фольги и под гриль поставить минут на десять, чтобы корочка поджарилась! А может, хрен с ней, с корочкой? Но тут же заставляю себя выдохнуть и успокоиться.

Шанс на то, что он меня не заметил и сразу пошёл в душ — ноль целых ноль десятых. Ну хорошо, может, одна десятая. Он же не идиот — наверняка увидел свет и работающую духовку, просто пожалел меня и решил не будить. Так что спокойно доделываю всё, что надо доделать, вежливо здороваюсь — и тут же прощаюсь! Да!

Придя к такому решению, замешиваю соус на мясном соке, который слила из противня, и ставлю его на плиту. Пусть слегка выкипит, останется только горсть ягод в конце добавить. Уже поджарившееся мясо заворачиваю обратно в фольгу, ему надо постоять. Короче, механически выполняю всё, что нужно, но прислушиваюсь только к одному звуку —

шуму воды. Надеюсь, он там подольше пробудет.

И всё-таки я упустила момент, когда выключился душ. Разворачиваюсь взять ягоды со стола и чуть не падаю.

На пороге кухни стоит Муромцев. В полотенце на бёдрах! На мощной груди и прессе поблёскивают капельки воды, мокрые волосы взъерошены, и выглядит он так, как будто только что сошёл с подиума, где рекламировал какое-нибудь мужское бельё премиум-класса.

— Добрый вечер, Мари, — это... чудо улыбается и продолжает как ни в чём не бывало: — Запахи просто потрясающие!

— З-здра — ик! — сьте, — еле произношу, не в силах оторвать взгляд от обнажённого мужского торса.

Одна сверкающая капля соскальзывает с ключицы по груди, животу и впитывается в край полотенца. Мари, куда ты смотришь?! Я отважно поднимаю глаза до уровня подбородка мужчины.

— А-а... вам не холодно?

Просто шикарно, Мари! Молодец! Приз тебе за самый идиотский вопрос месяца!

— М-м, да нет, — по-моему, кто-то веселится за мой счёт. — А что, я вас смущаю? Мне показалось, что раз вы уже всё равно всё видели...

Уф-ф. Я сейчас сгорю. Непонятно только, от чего — от стыда или от желания.

— Ладно, пожалуй, вы правы — в полотенце есть не очень удобно. Пойду оденусь, — начальник скрывается с моих глаз в спальне, а я падаю на ближайший стул — ноги не держат.

Переждав, пока сердце перестанет колотиться как сумасшедшее, бросаю в соус ягоды и сразу его выключаю. Всё готово! Пора бежать отсюда! Церемонию прощания, пожалуй, опустим.

Вот только не успеваю я выскочить в прихожую, как вокруг меня начинает юлой крутиться Грэй.

— Я же с тобой уже гуляла! Грэй! Фу! Да отпусти ты меня! — пытаюсь отодвинуть собаку, но такую тушу с места фиг сдвинешь, а тут и дверь спальни открывается.

Осторожно поднимаю глаза на шефа. Одет, слава богу! Джинсы сидят на бёдрах, сверху потёртая футболка, обтягивающая грудь... Блин, ну почему он даже в такой затрапезной одежде выглядит, как... как... я просто не знаю, как!

— Мари, куда же вы собрались? — Муромцев поднимает бровь.

— Мне... домой пора. Меня ждут!

— Кстати, да, позвоните сестре.

— Что? — шепчу непослушными губами. Откуда он?..

— Вам сестра звонила, перезвоните ей, — мужчина стоит между мной и входной дверью и уходит явно не собирается.

Ватными пальцами поднимаю телефон, нахожу последний контакт — специально записала Алинку «дорогая», чтобы легенду поддерживать. Сердце уходит в пятки — один звонок отвеченный, второй пропущенный. Неужели шеф брал трубку? И что она ему сказала?

Нажимаю на вызов и жду, плаваясь под внимательным взглядом начальника.

— Хэй, что у тебя с телефоном? — Алинка отвечает почти сразу.

— Всё нормально, а что?

— Я тебе звонила, сначала звука не было, а потом ты не ответила?

— Я... заснула, — сглатываю, пытаюсь смочить слюной пересохшее горло. — Наверное,

случайно во сне нажала.

— А-а, ну ясно. Ладно, я чего звонила-то, мы тут с девочками решили собраться, отметить последнюю контрольную семестра, и мне срочно нужно твоё согласие!

— На что? — ничего не понимаю.

— На вечеринку, Мари, ну не тупи ты! Что, рядом с боссом все мозги расплавились? Он приехал, кстати?

— Приехал, — отвечаю автоматически и смущённо отвожу глаза, видя улыбку на лице Муромцева.

— Ну и отлично! Так что, можно, мы с девочками соберёмся?

— Сегодня? Что, на всю ночь?

— Да-да, прямо сейчас!

— Шуметь не будете?

— Ну если только совсем чуть-чуть, — фыркает сестра, но тут же исправляется, — да не будем-не будем, не переживай.

— Хорошо, — выдыхаю обречённо, — я не против.

— Ура! Спасибо, систер, ты лучшая! — Алинка вдруг хихикает. — Сама можешь домой не торопиться!

Ах, она, маленькая...

— Ну всё, пока! — в трубке щёлкает, и я медленно опускаю телефон.

— Я так понимаю, дома вас не ждут? — шеф расплывается в улыбке чеширского кота.

Марина

— Ну и отлично! Составите мне компанию за ужином? — мужчина делает шаг ко мне, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не попятиться.

— Я... э-э-э...

— Мари, я не прощу себе, если отпущу вас сейчас! У вас там вечеринка, а вы устали, нужно отдохнуть! И потом, так старались, готовили — всё наверняка очень вкусно.

— Откуда вы знаете, вы ещё не пробовали, — произношу нервно.

— Уверен! Запах такой, что слюнки текут, — он подходит ещё ближе и втягивает ноздрями воздух почти рядом с моими волосами.

О, да... у меня тоже сейчас слюнки потекут... и не только слюнки... и совсем не на еду! Слегка мотаю головой, надеясь, что оттуда вылетят пошлые мысли.

— Ну, идёмте! — шеф мягко берёт меня за локоть и разворачивает в направлении кухни.

Не успеваю ничего сообразить, как уже стою возле разделочного стола, на который поставила завернутое мясо и соус, перелитый в соусник.

— Что нужно сделать? Давайте, я вам помогу! — сзади, как чёрт из бутылки, возникает начальник, и я чуть не роняю нож, который лежит тут же.

— Осторожнее, Мари, — мою руку накрывает мужская, аккуратно высвобождает из ослабевших пальцев рукоятку ножа. — Я порежу.

Отодвигаюсь от стола и пытаюсь привести мозги в порядок.

— Илья Сергеевич, на гарнир ничего нет, — сообщаю внезапно.

— Не страшно, — шеф кладёт нож и, вытерев руки о полотенце, берёт телефон. — Вы что предпочитаете?

— Да всё, что угодно, — пожимаю плечами, — уже вечер, так что лучше что-то лёгкое.

Начальник тут же звонит куда-то и делает заказ на доставку — запечённый картофель, овощи на гриле, салат. Довольный, кладёт трубку.

— Это небольшой ресторан в соседнем доме, минут через двадцать уже всё принесут, — поясняет мне и смотрит на мясо, затем переводит взгляд на меня: — Давайте подождём немного, не хочется, чтобы главное блюдо остыло.

Киваю и прикрываю тарелку фольгой.

— Вина? — шеф подходит к узкому шкафу в углу кухни, выдвигает, и я вижу несколько бутылок, лежащих на боку. Подумав, достаёт одну, быстро открывает каким-то специальным штопором — не обычной спиралькой, которую я не раз видела. Дотягивается и вытаскивает из верхнего шкафчика бокалы на высокой ножке, наливает в первый немного, пробует, кивает, наполняет оба наполовину. Я, как замороженная, смотрю на этот ритуал, а Муромцев подходит ко мне и протягивает один из бокалов.

— Не пейте сразу много, — он говорит тихо и слегка подаётся вперёд, — вино нужно подышать.

Кто бы мне подышать дал! Подрагивающей рукой принимаю тонкую ножку и медленно смачиваю губы, даже не делая глоток. На языке расцветает знакомый терпко-сладкий вкус.

— Ну как? — мужчина смотрит на меня внимательно, слегка улыбаясь.

— Вкусно, — произношу хрипло и облизываю губы.

Улыбка тут же пропадает с его лица, зрачки слегка расширяются, но он быстро отходит

подальше. Сажусь за стол, сдвинув колени, ставлю бокал перед собой, смотрю на руки — они судорожно сжаты.

— Мари, вы устали? Неделя была для вас тяжёлой? — босс расположился напротив меня, прислонившись бедром к кухонному уголку возле плиты.

— Нет, что вы, Илья Сергеевич! — говорю торопливо. — Всё в порядке!

— Вы очень напряжены, расслабьтесь немного, — он внезапно ставит бокал рядом с моим, заходит мне за спину, и я чувствую его руки у себя на плечах.

— Что вы?.. — задохнувшись, не могу договорить.

— Не переживайте так, вы ведь помогали мне, теперь я помогу вам, — раздаётся сверху голос, а руки начинают движение, мягко поглаживая и растирая шею и плечи. — Мари, это не дело, — говорит шеф обеспокоенно спустя несколько ударов моего сердца, которое бьётся, кажется, прямо в ушах, — у вас плечи зажаты, как в спазме! Вам бы курс массажа пройти!

— А-ха, — с трудом произношу что-то, отдалённо напоминающее согласие, а начальник продолжает своё чёрное... точнее, благородное дело.

Разминает мне мышцы, то слегка спускается к спине, то поднимается к шее, нежно поглаживает ключицы... А я таю под этими руками, сходя с ума от ярких ощущений. Низ живота наливается тяжестью, хочется поёрзать на стуле, чтобы плотнее прижаться к сиденью. Меня же скоро просто начнёт трясти, он ведь почувствует, надо взять себя в... О, да!

Его пальцы как-то особенно глубоко сминают плечи, из груди вырывается стон. Я сама пугаюсь этого звука, руки на секунду замирают у меня на шее, но тут же возобновляют движение, продолжают мягко растирать кожу, кругами спускаясь всё ниже и ниже.

Не знаю, что бы произошло дальше, но тут раздаётся звонок в дверь.

— Доставка, — через паузу хрипло произносит Муромцев. — Я открою.

Ощущение мужского тела за спиной пропадает, и я прижимаю холодные пальцы к пылающему лбу. Интересно, кто из нас сошёл с ума, я или он?

Илья

Дёргаными движениями открываю, сую курьеру чаевые, забираю у него пакет и захлопываю дверь. Поставив упаковку из ресторана на полку тут же, делаю пару глубоких вдохов. Интересно, а от перевозбуждения можно умереть? Смотрю вниз, где уже всё болит, стиснутое джинсами.

Опять поднимаю голову и продолжаю дышать с паузами. Вдох. Муромцев, на неё нельзя давить! Ты не знаешь, с какими мудаками ей приходилось иметь дело! Выдох. Если она тебя сейчас испугается, то сбежит, и хрен ты её поймаешь! Вдох. Дай ей свободу и уверенность, что всё будет только так, как захочет она сама! Выдох.

Прочистив мозги кислородом, иду обратно на кухню. Мари пугливо оглядывается от стола — всё-таки порезала мясо уже. Ну, хорошо хоть не порезалась.

— Выглядит потрясающе, — улыбаюсь, стараясь говорить спокойно, и девушка отвечает мне нервной улыбкой.

Не хочу такого! Хочу, чтобы она улыбалась так, как улыбаются сытые и довольные женщины после классного секса!

Раскладываю по тарелкам гарнир, Мари кладёт мясо, поливая его соусом. Не утерпев, подхватываю кусочек, закидываю его в рот. М-м!

— Мари, офигеть, как вкусно!

Девушка удивлённо смотрит на меня, но тут же улыбается — значительно более спокойно.

— Я рада, — смущённо поправляет волосы.

— Где вы научились так готовить? — специально завожу разговор на отвлечённую тему, чтобы дать ей расслабиться.

— Да я не училась специально, — мы садимся за стол и приступаем к ужину. — Просто пробовала то одно, то другое.

Мы болтаем всё время, пока не пустеют тарелки и бокалы. Мари рассказывает мне, как они собирались завести собаку и почему ей сразу так понравился Грэй. Я тоже рассказываю ей парочку историй из своего детства. Девушка размякла от еды и вина, улыбается, смеётся, и я, глядя на неё, понимаю, что именно так хочу проводить все свои вечера — год за годом, вместе с ней. Сам пугаюсь своих мыслей, но не пытаюсь выбросить их из головы. Никогда и ни с кем мне не было так хорошо.

Наконец она с неохотой поднимается из-за стола.

— Поздно уже, Илья Сергеевич, — тянется к тарелкам.

Я быстро встаю следом.

— Оставьте, я сам сейчас уберу.

— Мне... идти нужно, — произносит тихо.

Смотрю на часы и хмурюсь.

— Мари, уже почти двенадцать! Ну куда вы на ночь глядя пойдёте? Тем более там у вас сестра с подружками гуляет! Переночуйте спокойно здесь, завтра вернётесь.

Она шарахается назад, и я торопливо поднимаю руки вверх.

— Только не надо пугаться! Ляжете в гостиной, ничего не случится! — говорю и стараюсь не думать о том, на какую пытку себя обрекаю. — Пожалуйста, Мари!

— Хорошо, — наконец произносит девушка.

— Спасибо, что не стали спорить, — облегчённо выдыхаю. — Пойдёмте, достану вам постельное бельё.

— Не надо, я знаю, где оно лежит, — слабо улыбается, и я вспоминаю, как именно она помогала мне во время болезни. Друг в штанах тут же начинает шевелиться, но воли ему стараюсь не давать — всё равно нам с ним ничего не светит. Уж точно не сегодня ночью.

Мари и правда быстро достаёт простыню и наволочку, застилает диван и в растерянности смотрит на себя, потом на меня. Щёки вспыхивают.

— Мне... не во что переодеться.

Судорожно сглатываю, резко разворачиваюсь и иду к себе в спальню. Достая из шкафа футболку, возвращаюсь, молча протягиваю девушке — говорить сейчас я не в состоянии.

— Спасибо, — шепчет и сбегает от меня в ванную.

Нет, это невыносимо! Постучавшись головой о косяк, прохожу в спальню, оставляя дверь открытой. Распахиваю окно, высовываюсь в него чуть не по пояс, жадно вдыхаю холодный воздух.

— Вы с ума сошли! — раздаётся громкий голос за спиной, и я в недоумении оборачиваюсь. — Заболеете! — Мари проскальзывает мимо и закрывает створку. — Ну прямо как ребёнок, ей-богу! — отчитывает меня, а я не могу отвести глаз от кудрявого эльфа в моей футболке, которая доходит ей почти до колен.

Малышка, пожалуйста, уходи! А то я за себя не ручаюсь!

Илья

Держусь из последних сил, но... Мари, вдруг замолчав, поднимает на меня свои зелёные в золотистую крапинку глазщи, и у меня окончательно срывает крышу. Шагнув вперёд, прижимаю к себе тонкую фигурку и ловлю раскрывшиеся в удивлении губы, впиваясь в них своими. Где-то на краю сознания остатки разума пытаются достучаться до мозга, крича, что я сейчас разрушу всё, чего с таким трудом добился, но просто не могу... не могу отпустить её!

Чувствую, как в грудь упираются руки. Бл. ть, Муромцев, прекращай думать членом! Быстро! Ну!!!

Отдираю свои руки от неё и отшатываюсь назад, дыша, как будто марафон пробежал. Мари остаётся стоять на месте, глядя на меня расширенными глазами. Пока ещё не убегает, но до этого явно недалеко — видимо, она просто в шоке. Ну и чем я лучше тех мудаков, которые...

— Мари, — не успев отдышаться, умоляюще смотрю на девушку, — пожалуйста, прости! Я не должен был... Я... — не знаю, что сказать, и ерошу рукой волосы.

Она просто стоит и смотрит. И под этим взглядом я теряюсь окончательно, устало опускаюсь на край кровати и, тяжело уперевшись локтями в колени, утыкаюсь лбом в ладони. После всего, что обещал ей и себе, всё-таки позволил инстинктам взять верх. Ну не идиот ли?.. Слышу лёгкие шаги и понимаю, что всё. Ушла.

Внезапно чувствую лёгкое прикосновение и резко вскидываю голову. Мари... не убегает! Наоборот, подходит ближе, потянувшись, опять проводит по волосам, пропуская их сквозь пальцы, ведёт тыльной стороной кисти по щеке и, слегка склонившись, мягко касается моих губ своими.

— Я что, всё-таки умер? — спрашиваю растерянно и чувствую улыбку возле своих губ.

— От чего? — девушка немного отодвигается и смотрит мне прямо в глаза.

— Не знаю... Инфаркт от перевозбуждения? — аккуратно обхватываю ладонями её талию, но она не отстраняется.

— Надеюсь, это тебе не грозит в ближайшие лет тридцать, — шепчет мне прямо в губы и углубляет поцелуй.

Отвечаю ей, но в голове полный кавардак. Она опять отодвигается.

— Что не так?

— Ты... не боишься? — смотрю на неё внимательно.

— Конечно, боюсь, — слегка улыбается, — но волков бояться, как известно...

— Я не хочу, чтобы ты боялась, — перебиваю её. — Не хочу заставлять, не хочу, чтобы ты хоть на секунду думала, что делаешь что-то не то.

— То есть я должна делать только то, что хочу?

— Ты не должна — ты можешь делать только то, что хочешь, — поправляю её, — а можешь не делать.

— Какая свобода, — она хитро улыбается, — Такого у меня ещё не было. Тут определённо есть, над чем подумать. Может быть, для начала ты разденешься?

Дыхание, едва восстановившись, тут же сбивается.

Марина

Илья, глядя мне в глаза, медленно поднимается. Я отступаю на шаг и смотрю на него, склонив голову. Мужчина одним слитным, гибким движением стягивает с себя футболку, и у меня во рту опять скапливается слюна. Всё-таки это невозможно, какие у него мышцы. Прикасаюсь кончиками пальцев к груди, веду вниз, к животу, потом обратно к плечу. Обхожу его со спины, проводя ладонью вдоль позвоночника, и возвращаюсь, становясь с ним лицом к лицу.

— Наклонись, пожалуйста, — тянусь к нему наверх, вставая на носочки, — ты такой высокий.

— Это плюс или минус? — он склоняется, обнимая меня за талию, пока я прикасаюсь к его губам. Отодвигаюсь на секунду.

— У тебя всё — плюс, — прижимаюсь бёдрами к его паху и ощущаю ещё один крупный... положительный знак. О-очень даже крупный. Мужчина рвано выдыхает, но ничего не предпринимает.

Смотрю на него внимательно — он и правда хочет, чтобы я всё делала сама! Хм, есть определённое преимущество в моей фиктивной «ориентации» — Илья явно переживает, что может меня испугать. Ну что ж, поиграем в трепетную лань, которая должна будет нападать на сурового охотника.

Тянусь пальчиками к пуговице на джинсах, расстёгиваю и поднимаю взгляд на мужчину. Он стягивает их с себя и остаётся в одних боксёрах, которые нисколько не скрывают его желания. Задумываюсь, глядя на него. Чёрт, я совершенно не привыкла вести в сексе!

— Илья Сергеевич, я тут подумала кое о чём, — протягиваю руку и поглаживаю натянутую ткань, отчего всё под ней дёргается, а мужчина издаёт какой-то полузадушенный звук.

— Мари, какой я тебе... нахрен... Сергеевич... Ты издеваешься? — он дышит через приоткрытый рот, глаза сумасшедшие.

— М-да... Ну, я просто хотела сказать, что опыта у меня не так чтобы много, может быть, вы мне можете?

— Ты... поможешь!

— Я помогу? — в недоумении нахмуриваюсь, продолжая двигать рукой.

— Ты... а не вы... О-о, ч-чё-ёрт!

Он подхватывает меня под бёдра, но тут же, явно сдерживаясь, осторожно опускает на кровать, а сам, не ложась сверху, впивается в губы поцелуем. Я с энтузиазмом отвечаю, обхватывая его за талию, глажу по спине, по груди, спускаюсь к животу и ниже.

— Иди сюда, — зову, задыхаясь, хочется ощутить всю его тяжесть на мне, но мужчина медлит.

— Тебе... не будет некомфортно?

— Илья, ну какого... — выпаливаю, не в силах терпеть, но тут же сбавляю тон. — Мне будет очень комфортно, пожалуйста!

Когда он придавливает меня к постели, расположившись между раскинутых ног, я не сдерживаю блаженного стона. Только спустя пару минут сумасшедших поцелуев понимаю, что до сих пор в футболке, а хочу быть с ним кожа к коже. Тяну за подол, Илья помогает и, сняв с меня лишнюю тряпку, отбрасывает её в сторону, а сам касается моей груди, поглаживает, нежно сжимает, обхватывает губами сосок, отчего между ног сразу сладко дёргает.

— Какая же ты... — произносит, слегка запыхавшись.

— Пусть небольшая, зато своя, — вспоминаю всех девиц с апгрейдом, боровшихся за его внимание.

— Идеальная, — выдыхает и опять опускает голову, сжимая губами напряжённую горошину, выбивая из меня очередной стон.

— Я... хочу тебя, — шепчу, вцепившись пальцами в его волосы, тяну к себе, целую и повторяю: — Хочу тебя... внутри!

Мужчина стонет мне в губы и, отстранившись, судорожно стягивает с себя боксёры, помогает мне избавиться от кружевных трусиков — какое счастье, что сегодня я надела именно их. Опустившись обратно, вжимается в меня горячим, желанным...

— Ну же! — сгибаю ноги в коленях, приподнимая, и он, наконец, медленно входит, заполняя до предела. Мы оба стонем в унисон — и срываемся в какую-то безумную пропасть, где есть только движение в такт, ускоряющееся и усиливающееся с каждым толчком, с каждым биением сердца. Он запускает пальцы мне в волосы, удерживая голову, я обхватываю его ягодицы, мы целуемся и кусаемся, как ненормальные, стонем, рычим, и приходим к финалу — почти одновременно, сходя с ума от невозможной, невероятной, ошеломительной близости.

Илья прижимает меня к себе, не отпуская, и шепчет что-то на ухо, но я ничего не понимаю, слышу только дыхание, с шумом вырывающееся из горла, и колотящееся сердце... два сердца — его и своё.

— Мари, ты... — слегка отдышавшись, он всё-таки размыкает объятия, но продолжает лежать сверху, поглаживая меня по бедру. — Никогда так... за всю мою жизнь... — прижимается своим лбом к моему и закрывает глаза.

Я нежно обхватываю его лицо. И у меня никогда — думаю про себя, но тут же соображаю кое-что, от чего всё внутри замирает.

— Илья! — зову в панике, и мужчина быстро отстраняется, с испугом глядя на меня. — Защита!

Марина

— Как я могла быть такой дурой! — натягиваю на себя подобранную с пола футболку, одновременно судорожно пытаюсь припомнить, а какой, собственно, у меня сейчас день цикла. — А ты чем думал?! — смотрю на Илью, который, перекинув через бёдра простыню, сидит на краю кровати. — Хотя можешь не отвечать! И так знаю, чем!

— Солнышко, пожалуйста, успокойся, — примирительно говорит мужчина, но я почти впадаю в панику.

— Успокойся?! Это не тебе потом, если что, рожать ребёнка! — ноги подкашиваются, и я плюхаюсь на пол, чуть не разрыдавшись. Илья тут же подрывается и подхватывает меня на руки, прижимая к груди.

— Не надо! Только не плачь! Ну, чего ты испугалась? — он садится обратно на постель и укачивает меня, как маленькую. — Во-первых, с одного раза далеко не всегда получается. Во-вторых, ты что думаешь, я тебя одну оставлю с ребёнком? Понимаю, о мужчинах у тебя мнение невысокое, но неужели я не заслужил хоть чуть-чуть доверия?

— Чем, интересно? — шмыгаю носом, но тут же понимаю, что не стоило так говорить. — Извини. Ты прав. Я психанула.

— Я понимаю, не извиняйся. Мне надо было подумать об этом самому, но... с тобой у меня просто мозги отключились подчистую. Прости, — Илья поднимает моё лицо за подбородок, нежно целует, и я отвечаю.

После крышесносного секса и адреналинового всплеска понимаю, что я тряпочка. Ничего не хочу — только спать. Делаю попытку выпутаться из объятий, но меня удерживают.

— Куда собралась?

— Спать, — зеваю в ответ.

— Ну так ложись! — Илья перекладывает меня на постель, ложится рядом и накидывает на нас одеяло. Улыбаюсь, глядя на него.

— Я хотел увидеть на твоём лице такую улыбку, — он целует меня в кончик носа и притягивает к себе, прижимаясь сильнее. — Спи!

Я хочу спросить, чем эта улыбка отличается от остальных, но не успеваю — вырубаясь за секунду.

Утром просыпаюсь раньше Ильи и, осторожно выбравшись из постели, ковыляю умываться. Никогда не понимала вот этого вот в фильмах — только проснулись, и сразу обниматься-целоваться. А зубы почистить? Да и душ принять неплохо бы...

Вот только на выходе из спальни меня сразу встречает скулящий Грэй.

— Ой, прости, хороший мой, — гляжу на часы, за окно — там уже утро в самом разгаре! Быстро собираюсь, беру поводок, Грэй вертится вокруг.

— Проспали и совсем про тебя забыли! Идём, погуляем!

Вывожу собаку, заодно забегаю в магазин, который есть на первом этаже — надо же завтрак приготовить. Не думая долго, покупаю творог — приготовлю сырники, пусть Илья попробует.

Вернувшись, кормлю Грэя и, наконец, залезаю в душ. Только под горячей водой понимаю, как же у меня всё болит! Вроде и не секс-марафон был, а всё равно... Губы

расползаются в довольной улыбке. О, да! Одновременно чувствую, что каждая клеточка тела просто поёт от удовлетворения!

Заранее достала ещё одну чистую футболку из шкафа, натягиваю на голое тело после душа — трусики пришлось постирать, но, надеюсь, скоро высохнут — и иду готовить. Прогулка с утра на свежем воздухе добавила бодрости, мышцы разогрелись, так что пританцовываю, бодро замешивая творожную массу.

Отвлекаюсь и не успеваю среагировать, когда меня обхватывают руками и нежно целуют в шею, прокладывая дорожку от волос к спине. По коже сразу бегут мурашки, волоски встают дыбом — я разворачиваюсь в кольце рук, и губы тут же попадают в сладкий плен. Ох, как же Илья целуется! То нежно, как будто губами малину с куста срывает, а то как путник, утоляющий жажду в пустыне.

Сама прихожу в растерянность от своего романтического настроения, напрягаюсь. Мужчина тут же замечает это и отпускает меня, правда, придерживает за предплечья, поглаживая.

— Ты уже что-то готовишь? — произносит с улыбкой.

— Сырники, — отвечаю и тоже улыбаюсь. — Ты любишь?

— Твои — люблю! — произносит уверенно.

— Прогиб засчитан, — фыркаю и отворачиваюсь к плите.

— Я же искренне! — в голосе слышно возмущение пополам с обидой.

— Я знаю, — отвечаю успокаивающе, поворачиваюсь и опять обнимаю его за шею. Не стоит ему, наверное, пока говорить, что придётся привыкать к постоянному сарказму и шуточкам. Подруги меня не зря язвой называют.

— Ты мой эльф... Мари-эльчка, — внезапно произносит Илья, уткнувшись носом в мои кудряшки, и я удивлённо приподнимаю брови. Так меня ещё не называли!

— Почему эльф? — отстранившись, смотрю на мужчину с любопытством.

— Не знаю, — он пожимает плечами, — просто как в первый раз тебя увидел, так сразу и подумал, что это за эльф тут стоит, — опять тянется за поцелуем, но я уворачиваюсь, отвернувшись к столу — а то никогда завтрак не приготовлю, есть же хочется!

— Давай я закончу готовить.

— Мари, ты... в порядке? — Илья ласково гладит меня по плечам, но в голосе слышится лёгкая неуверенность.

— Да, — смотрю на него внимательно, повернув голову к плечу. — А ты?

— Эта ночь была невероятной, — он кивает серьёзно, глаза стремительно темнеют, — удивительной... — тянет меня на себя, прижимаясь сзади, — грандиозной...

Понимаю, что не такая уж я и голодная... в плане еды!

Илья

Когда я проснулся и не обнаружил никого рядом, на какое-то мгновение чуть сердце не остановилось — неужели сбежала?! Но подскочив, как ужаленный, тут же услышал возню на кухне и выдохнул. И теперь ни словом не вру Мари, когда говорю о прошедшей ночи. Но как же мне мало!

Притискиваюсь к её попке, и все мысли улечиваются из головы. Она без белья! И опять в моей футболке, что окончательно сводит с ума — на ней смешивается её и мой запах, от этого махровый собственник где-то на окраине моего мозга ловит непередаваемый кайф.

— Илюша, — она выдыхает и слегка прогибается в талии, снося мне крышу. Дёргаю за

замок джинсов, которые натянул впопыхах, снять их до конца терпения не хватает, комкаю в руках подол футболки, задирая его выше, и одним толчком оказываюсь внутри.

— Какая же ты охеренно сладкая! — шепчу ей на ухо, и она стонет в ответ, сжимаясь вокруг меня, чуть не заставив кончить в ту же секунду.

С трудом сдержавшись, медленно начинаю двигаться, хотя хочется вбиваться в податливое тело изо всех сил. Но не нужно пугать её таким напором, поэтому нежно... плавно...

— Сильнее! — вдруг стонет эта... бестия.

О, господи!..

— Хочу видеть твоё лицо, — я разворачиваю девушку к себе, стягиваю с неё мешающуюся футболку и, приподняв ей ножку, вхожу опять. Вид закатившихся в удовольствии зелёных глаз напрочь срывает мне тормоза, и мы — по-другому и не скажешь — просто трахаемся как сумасшедшие, прямо на столе, сотрясая его дикими толчками. Последней каплей для меня становится её оргазм — маленькая морщинка между бровей, закусенные губы и длинный стон, прошивающий мне позвоночник насквозь. Еле успеваю выйти из неё и чуть не до крови прикусываю губу, прижимая член к нежному животику, украшая его липкими потёками.

Колени подкашиваются, и я, подхватив Мари, падаю на небольшой диванчик рядом с пережившим конкретную встряску столом — как только не сломался? Девушка сидит сверху на мне, мы оба задыхаемся, но продолжаем сжимать друг друга в плотном кольце рук. Утыкаюсь лбом ей в плечо, пытаюсь отдышаться, и в опустевшей голове стучит одна-единственная мысль: «Я люблю её».

И что мне теперь с этим делать?

Марина

Я не могу понять взгляды, которые Илья то и дело кидает на меня, пока мы завтракаем. Вроде бы всё нормально, но... что-тостораживает.

Секс на столе был просто умопомрачительный, аппетит у нас обоих зверский, поэтому мои сырники, которые я всё-таки приготовила, сметаем в мгновение ока, а потом Илья ещё и делает омлет — очень вкусно, кстати!

— Ты, оказывается, и сам прекрасно готовишь, — я слегка осоловела после еды, двигаться не хочется — хочется лежать в обнимку на диване, что мы, собственно, и делаем сейчас.

Илья фыркает:

— Только яйца.

Я устраиваюсь у него на груди, сплетя пальцы и опустив подбородок на руки. Рассматриваю мужчину, а он под моим взглядом начинает ёрзать.

— Почему ты так смотришь?

— Думаю, какой же ты красивый, — улыбаюсь, глядя на смущение, которое отчётливо проступает на его лице. — Впрочем, я тебе об этом уже говорила.

— Когда это? — хмурит брови.

— Когда устраивалась к тебе на работу, — мне внезапно становится не по себе, я выпрямляюсь и отодвигаюсь.

— Что не так? — Илья тут же садится, смотрит на меня внимательно.

— Я вспомнила, что, на секундочку, ты мой босс, — закрываю лицо руками. — Ну что за... опять на те же грабли, — шепчу тихо, забывшись, и он, конечно, всё слышит.

— Та-ак, вот с этого места поподробнее, пожалуйста!

— Илья Сергеевич...

— Мари, ты сдурела? — повышает голос... шеф.

— Ладно, Илюш, не кипятись, — примиряюще кладу руки ему на грудь, поглаживаю. — Но ты должен понимать, что на работе ничего не изменится!

— То есть? — одна бровь взлетает вверх, и у меня дух захватывает — ну просто картинка из журнала, блин!

— Что «то есть»? Я твой секретарь, ты мой начальник. Сплетни мне не нужны, — смотрю на него внимательно, — да и тебе тоже, так ведь?

Мужчина неохотно кивает.

— Вот и отлично, — поднимаюсь, потягиваюсь и оглядываюсь в поисках своей одежды.

— Ты куда? Что ты ищешь? — Илья смотрит на меня хмуро.

— Свою... а, вот она, — нахожу стопку, которую принесла вчера из ванной, когда переодевалась.

— Зачем тебе?..

— Меня ждет сестра и домашние дела, — подхватываю одежду и иду в ванную — надеюсь, постиранное бельё уже высохло. — Да и тебе наверняка есть, чем заняться! — оглядываюсь на мужчину, который уже открыл было рот, чтобы что-то сказать, но, подумав, закрывает и мрачнеет на глазах.

Мне очень хочется подойти к нему, обнять и сказать, что я останусь, если он хочет, но...

Нет. Я и так не знаю, как дальше справляться с ситуацией, в которой мы оказались — не стоит её усугублять.

Выхожу одетая и смотрю на мужчину, который ждёт меня, прислонившись плечом к дверному косяку и сложив руки на груди. Появляется какая-то неловкость, от которой я не могу избавиться.

— Ну... я пойду, — киваю Илье и подхожу взять обувь.

Не успеваю наклониться, как меня хватают в охапку, прижимая так, что рёбра начинают трещать.

— Останься! — горячий шёпот на ухо, а потом такой поцелуй, что все мысли, как стайка воробьёв с куста, разлетаются в разные стороны.

— Ну, Илья... — произношу со стоном, когда, наконец, получается сделать вдох.

— Уже много лет Илья... Оставайся, а? — мужчина смотрит на меня так, что сомнения появляются сами собой. — Сходим вместе погуляем с Грэм, он будет рад. Пообедаем. Я не собираюсь заставлять тебя стоять у плиты! — добавляет торопливо. — Закажем что-нибудь! Или в ресторан сходим, хочешь?

Хочу. Очень хочу — так, что внутри всё сводит, в тугий узел закручивается. Вот только...

Ещё один поцелуй, и у меня подкашиваются колени.

— Я сейчас оденусь, возьмём Грэя и пойдём вместе в сторону твоего дома! Будет у тебя время решить, хорошо? — меня осторожно отпускают, и я хватаюсь рукой за стену — ноги как ватные. — Только не уходи! — мужчина не отрывает от меня взгляда, отступая спиной в сторону спальни. — Слышишь? Дождись меня, я быстро!

Слабо киваю, и он, развернувшись, заходит в комнату. Сглатываю и перевожу взгляд на Грэя, который сидит тут же и внимательно смотрит, помахивая хвостом. Протягиваю к нему руку, пёс встаёт и, подойдя, утыкается в неё лохматой головой. Присев, поглаживаю собаку:

— Что мне делать с твоим хозяином, а, дружок? — тихо-тихо шепчу ему на ухо. — Угораздило же меня так влю...влипнуть!

— Что ты ему сказала? — вздрагиваю и смотрю на Илью, который, уже одетый, стоит на пороге комнаты и с любопытством смотрит на нас.

— Это наш с ним секрет, — улыбаюсь и поднимаюсь. — Грэй отличный слушатель, и тайны хранить умеет, да, хороший мой? — опускаю взгляд на собаку, но краешком глаза успеваю заметить какое-то... прямо почти ревнивое недовольство на лице мужчины.

Закатываю глаза и еле слышно фыркаю. Ничего, перетопчешься пока без признаний.

Илья

Мы прогулочным шагом идём в направлении дома Мари — я не теряю надежды, что удастся уговорить её провести выходные у меня. Грэй доволен, то убегает вперёд на длинном поводке, то возвращается к нам — я, поглядывая на него, вспоминаю неловкую сцену в коридоре. Это ж надо, к собаке ревновать, совсем уже крыша поехала. Перевожу взгляд на девушку, идущую рядом, и не могу сдержать улыбку.

Мари подставила лицо весеннему солнцу, жмурится от удовольствия, потом приставляет руку козырьком ко лбу, косится на меня — мы идём за руку — и переплетает свои пальцы с моими. В груди разливается тепло. Не помню, когда мне вообще было так хорошо?

Встряхиваю головой. Что за розовые сопли у меня вместо мозгов?

— Ой, я ведь даже телефон не проверяла, — спохватывается вдруг моя спутница,

отнимает руку и начинает копаться в сумке. — Надо хоть Алинке позвонить.

— Алинка — это сестра?

— Да... ну, в общем... — она вдруг розовеет и отводит взгляд.

— Ты специально молчала о ней? — спрашиваю вдруг. Не то чтобы я хотел припереть Мари к стенке и заставить мне всё выложить, но пусть хотя бы понимает, что на прямое враньё я уже не поведусь.

— Д-да, — произносит тихонько. — Мне казалось, что ориентации недостаточно, нужно дать понять, что я не свободна.

— Тебе удалось, — произношу ровно.

— Но я не врала! — она вдруг останавливается, смотрит на меня умоляюще. — Ну, напрямую не врала, — отводит глаза.

— Я знаю, — успокаивающе глажу её по щеке. — Я многое сам додумал без твоих слов, — опять беру её за руку.

Она таки достаёт телефон, включает и начинает перебирать сообщения. Одной рукой, наверное, неудобно, но мне не хочется её отпускать — поглаживаю кисть большим пальцем.

Открываю рот, чтобы задать последний вопрос — насчёт её ориентации. Понятно, что всё совершенно не так плохо, как мне казалось — наши ночь и утро тому доказательство, но...

— О, зарплата пришла, — Мари смотрит сообщение и поднимает на меня удивлённые глаза. — А почему так много?

— Много? — поворачивает ко мне мобильный, заглядываю в уведомление на экране. — Обычная ставка за две недели испытательного срока плюс... сколько там у тебя ещё дней получилось сверх?

— Но... я думала... А платье?

— Ты о чём? — ничего не понимаю.

— Платье, которое ты покупал мне перед встречей? Его стоимость не вычли из зарплаты?

— Это же я отвёз тебя в магазин, значит, сам и расплатился за платье, — непонимающе смотрю на сердитую мордашку своего эльфа.

Да что не так?

Марина

Гляжу на него внимательно и вижу — не понимает. Накатившие неприятные ощущения стихают.

— Илюша, — говорю ласково, и мужчина расплывается в улыбке, — я очень благодарна, правда. Спасибо. Но только я не люблю, когда мне делают такие дорогие подарки... без спроса. Чувствую себя, как будто меня покупают.

— Ну что за глупости, — выдыхает Илья и обнимает меня одной рукой. — Я вовсе не собирался...

— Я знаю, — улыбаюсь и тянусь к нему. Он тут же реагирует, и мы самозабвенно целуемся, не замечая ничего вокруг.

— Ой! — покачнувшись, чуть не теряю равновесие, цепляюсь за мужчину, который выдаёт эмоциональное ругательство. Пока мы тут занимались чёрте чем, Грэй, бегая кругами, обмотал поводок вокруг наших коленей.

Смеясь, выпутываемся и, переплетя пальцы, продолжаем гулять.

— Кстати, о том платье, — Илья вдруг хмурится. — Не надевай его больше!

— Почему? — я удивлённо смотрю на мужчину. — Я думала, тебе понравилось!

— Даже слишком, — бормочет в ответ. — Оно чересчур откровенное! И чулки ещё...

— Ничего не откровенное! Нормальное! И откуда, позволь спросить, ты знаешь про чулки?

— Я... в чеке видел, — ого, как мы смущаемся.

Смотрю на него, приподняв бровь, и он, обречённо вздохнув, продолжает:

— И в машине... когда ты за обувью потянулась... чуть не чокнулся тогда.

Хитро улыбаюсь. Кажется, я знаю, что надену на работу в понедельник!

За лёгкой болтовнёй мы не замечаем, как доходим до моего дома.

— Давай, мы сейчас поднимемся, ты забереешь зубную щётку, и вернёмся ко мне? — Илья обнимает меня, поглаживая за талию и чуть пониже. — Или пойдём, купим тебе щётку! Можешь даже расплатиться сама, раз у тебя зарплата пришла! — хитро улыбается, и я таю под его взглядом.

— Хорошо, — решаюсь наконец, — подожди меня здесь!

— Пригласить к себе не хочешь?

— Там наверняка бардак после сестриной вечеринки, — говорю смущённо, — но ещё, вообще-то, у Алинки аллергия на шерсть. Конечно, за десять минут ничего не случится, но...

— Конечно, не переживай, — Илья кивает. — Мы пока с Грэем тут прогуляемся. Иди! — быстро целует меня, и я, вырвавшись, взъерошенная бегу к подъезду.

В квартире действительно бардак, среди которого, позёвывая, бродит сестра.

— Привет, — лениво машет рукой, но тут же останавливается и начинает внимательно меня разглядывать.

Я краснею, и Алинка расплывается в насмешливой улыбке.

— Как хорошо, что мне ещё не восемнадцать! — выдаёт сестра внезапно. — Подробности я бы не пережила!

— Да ну тебя! — я смущённо отмахиваюсь, лицо горит.

— Ну ты хоть скажи, как оно тебе? — Алина смотрит с весёлым любопытством.

— Ох, Алин, — скидываю обувь и прохожу к себе в комнату, сестра топает за мной. — Это было... Вау!

— Вау — это хорошо, — она зевает и наблюдает за моими лихорадочными метаниями. — А чего ты суетишься, как мышь под метлой?

— Я... — оборачиваюсь и вдруг понимаю, что... — Ой, Алин! Илья ведь предложил мне вернуться сейчас к нему! А как же ты? То есть, ну, не могу же я тебя одну оставить!

— Чего это вдруг? — сестра улыбается. — Я своими делами займусь, ты своими, не переживай!

— Наверное, я всё-таки вернусь вечером, — говорю неуверенно.

— Как хочешь, — Алинка машет рукой. — Не волнуйся ты из-за меня, мне же уже четырнадцать, пятнадцать скоро!

— Тебе не уже, а всего четырнадцать, — поправляю её.

— Неважно, — сестра хитро улыбается. — Давай, собирайся и дуй к своему начальнику! Смотрите там племянников мне не наделайте раньше времени!

— Алина!!! — бросаю в неё подушкой, но сестра только уворачивается и, хохоча, убегает к себе в комнату.

Я быстро кидаю пару вещей в сумку, хватаю косметичку и кубарем скатываюсь вниз, где меня ждёт Илья.

Мы весь день проводим вместе. Дважды выходим прогуляться с Грэмем, обедаем дома, придя к общему решению, что ни в какой ресторан идти не хотим — и Илья заказывает доставку. Медленно, растягивая удовольствие, занимаемся любовью — приятное разнообразие по сравнению с бешеной страстью двух первых раз, хотя под конец, конечно, от медленности остаётся одно воспоминание.

Успокоившись и нацеловавшись, мы лениво лежим на диване перед телевизором с каким-то сериалом, когда у меня впервые за весь день звонит мобильный. Перегибаюсь через Илью, пытаюсь дотянуться до телефона на тумбочке, мужчина ловит меня и начинает щекотать под рёбрами.

— А ну прекрати! — хихикаю и, наконец, отвечаю на звонок. — Да?

— Мари, — в трубке слышится испуганный голос Алинки и какие-то голоса на заднем фоне. — Можешь вернуться домой в течение пятнадцати минут?

— Что случилось?! — подрываюсь, чуть не наступив Илье на живот и бегу за одеждой.

— Тут... из опеки пришли, — шепчет сестра. — Мари, пожалуйста, поторопись!

— Бегу! — бросаю трубку и впрыгиваю в джинсы.

— Что случилось? — Илья ловит меня на бегу.

— К нам домой пришла опека! — меня начинает потряхивать. — Алинка очень испугана. Мне надо туда сейчас же!

— Идём, я отвезу! — он быстро хватается за куртку с вешалки, и мы бегом спускаемся к машине.

Хорошо, что мне не пришлось вызывать такси, потратила бы значительно больше времени. Илья не гонит, но явно кое-где превышает скорость, и мы добираемся даже быстрее, чем я думала, хотя в машине каждая минута казалась мне вечностью. Сжимаю кулаки и выскакиваю, как только мужчина тормозит у подъезда.

— Я иду с тобой!

— С ума сошёл? — у меня нет времени на споры, но всё-таки объясняю: — В качестве кого ты там будешь? Моего начальника? Моего любовника? — мужчина поджимает губы и

хмурится, а я продолжаю: — Опеке не нужны сейчас свидетельства, что я — не слишком надежный человек для того, чтобы воспитывать сестру! Подожди меня здесь! — пытаюсь смягчить голос и прошу: — Пожалуйста!

— Хорошо, — Илья выдыхает. — Я буду ждать.

— Спасибо! — захлопываю дверь и бегу к подъезду.

Алинка тихо сидит на диване в своей комнате и бросается ко мне, когда я захожу, кроме неё в квартире действительно обнаруживаются две женщины. Здравуюсь со ними и прошу показать мне документы — предъявляют соответствующие корочки.

— Вас так поздно не было дома в выходной? — спрашивает одна из них, инспектор.

— У меня ненормированный график работы, иногда приходится выполнять поручения и в выходные, — отвечаю максимально спокойно, хотя внутри всё дрожит.

— Где вы работаете? — вставляет вторая.

— Я личный секретарь заместителя генерального директора, — называю компанию. —

Вы можете составить запрос на его имя, если вам нужна характеристика.

Женщины переглядываются и проходят к двери.

— Ну что ж, мы выяснили всё, что хотели, — вроде улыбаются.

Я немного расслабляюсь, но всё-таки спрашиваю:

— Можно узнать, по какой причине была проверка?

— Нам поступил анонимный сигнал о неблагополучной семье, — отвечает мне инспектор. — Мы составим акт обследования и пришлём вам копию в течение трёх дней.

— Хорошо, — произношу тихо и, закрыв дверь, прислоняюсь к ней лбом.

— Мари, — сзади неслышно подходит Алинка. — Мари, что это? Из-за чего?

— Кто-то позвонил им и сказал, что у нас неблагополучная семья, — говорю задумчиво. — Ты несовершеннолетняя, я твой опекун, родителей нет в живых, они обязаны отрабатывать такие сигналы. Вопрос в том, кто и почему?

Звонит мой мобильный, и мы обе вздрагиваем.

— Это, наверное, Илья, — смотрю на экран и хмурюсь. — Нет, номер незнакомый.

— Не бери, — шепчет испуганно Алина.

— А если опека? — решительно провожу пальцем по зелёному кружочку. — Алло?

— Ну привет, куколка, — раздаётся голос, который я надеялась никогда больше не услышать.

Марина

— Что тебе нужно? — спрашиваю, чувствуя, как немеют губы.

— Зачем же так невежливо? — цокает в трубку Михаил. — А поприветствовать доброго друга?

— Я сейчас кину трубку, — угрожаю, понимая, что никогда этого не сделаю — не просто так он позвонил сразу после визита опеки. Мой собеседник тоже это понимает, потому что насмешливо фыркает:

— Хотела бы — сразу бы кинула, как только мой голос услышала. Не сотрясай зря воздух.

— Зачем ты звонишь? — повторяю медленно, сдерживая злой вздох. Гляжу на испуганную Алинку и пытаюсь улыбнуться ей, чтобы немного успокоить, но выходит из рук вон плохо.

— Ладно, шуточки в сторону, — произносит Михаил. — Надеюсь, ты поняла, что не просто так к вам сегодня наведались? Это было, так сказать, предупреждение! Сестре у тебя только четырнадцать, вполне могут отправить в детский дом, если лишат тебя опекуна.

Закрываю глаза и прислоняюсь к стене, чувствуя, как моментально слабеют колени. Скотина! Ублюдок! Знает, на что давить!

— Какого хрена тебе надо, Михаил? Ты можешь уже сказать? — говорю в трубку, сдерживаясь из последних сил.

— Сейчас ты спустишься вниз и скажешь своему хахалю-начальничку, чтобы он ехал домой! Про звонок ничего ему не сообщишь! Потом вернёшься в квартиру, я перезвоню — тогда и поговорим!

— Миш, ты совсем с катушек съехал? — спрашиваю зло. — Что за тайны Мадридского двора? Говори давай, чего надо, или иди к чёрту!

— Я всё сказал, — тянет издевательски. — Если не хочешь, чтоб завтра к вам явилась опека уже с полицией, не тyani!

В трубке раздаются короткие гудки.

— Это тот козёл? — Алинка смотрит на меня со страхом, сквозь который проступает злость.

— Да, — выдыхаю устало и отлипаю от стены.

— Что он тебе сказал?

— Чтобы я попросила Илью уехать. Потом он перезвонит.

— Мари, какого хрена происходит вокруг тебя? — вдруг взрывается сестра.

— Успокойся! — произношу резко, у меня тоже нервы на пределе. — Сейчас вернусь, и всё узнаем.

Спускаюсь вниз, держась за перила, потому что ноги так и подгибаются. Выхожу на улицу, обхватываю себя за плечи — из-за вечерней прохлады начинает знобить — и оглядываюсь в поисках машины. Нахожу быстро — несмотря на позднее время и забитый двор Илья умудрился втиснуться между двумя небольшими автомобилями совсем рядом с подъездом.

Мужчина видит меня и тут же выходит из салона.

— Как ты? Что у вас там произошло? — обнимает меня, растирает плечи, чувствуя мою

дрожь. — Мари, ты вся трясешься! Замёрзла?

— Н-нет, — произношу, стуча зубами, но потом справляюсь с собой, — это просто нервы, ничего страшного.

— Почему к вам приходила опека? — Илья накидывает на меня свою куртку, оставаясь в одной футболке.

— Им поступил анонимный сигнал, кто-то решил, что у нас проблемы в семье, — пожимаю плечами.

— Но они разобрались?

— Вроде всё в порядке, — киваю, стараясь делать это уверенно.

— Не поедешь со мной обратно? — понимающе спрашивает мужчина.

— Да, Илюш, я дома останусь, — опять киваю, — Алинка очень перенервничала, не могу я сейчас её одну оставить. Не сердись, ладно?

— Ну что ты, я понимаю, — он опять прижимает меня к себе, и несмотря ни на что я расслабляюсь в его объятиях, утыкаюсь носом ему в грудь и, глубоко вдохнув, закрываю глаза.

— Спасибо, — отлепляюсь от мужчины и снимаю с плеч его куртку. — Возьми, я побегу! Созвонимся, хорошо?

— Спокойной ночи! — Илья быстро целует меня в губы и отпускает. — Беги, а то замёрзнешь! Я напишу!

Киваю и быстро иду к подъезду. Возле двери оборачиваюсь и, махнув рукой стоящему у автомобиля мужчине, захожу внутрь. Мне тут же становится тошно, как будто все силы остались с Ильёй. Медленно, как старуха, еле передвигая ногами, поднимаюсь к себе на этаж и захожу в квартиру.

— Ну? — сестра, похоже, не успокоилась, а только накрутила сама себя.

— Что ну? Уехал, — кривлюсь, стаскивая обувь, и иду на кухню ставить чайник.

— Ничего не хочешь объяснить? — Алинка сердито пыхтит за моей спиной.

— Сама нифига не понимаю, — пожимаю плечами и тут же вздрагиваю от телефонного звонка. Номер уже другой, не тот, с которого Михаил звонил пять минут назад, но тоже незнакомый.

— Алина, быстро носи свой мобильный! — мне приходит в голову идея. — Бегом!

Алинка в момент притаскивает трубку, я ставлю в её телефоне запись, отвечаю на свой звонок и переключаю его на громкую связь.

— А ты молодец, шустро всё разрулила, — звучит из динамика довольный голос Михаила.

— Быстро говори, что тебе надо, — произношу резко.

— А сама не догадываешься? Мне нужен контракт, куколка!

— Что за чушь, — говорю растерянно. — А я-то тут при чём?

— Ты при всём, дорогуша! Попросишь своего папика заключить посреднический договор с нужной фирмой!

— Миш, ты придурок? — я и в самом деле не могу поверить, что он это всерьёз.

— Язык придержи, тварь! — в его голосе слышна не только злость, мне почему-то кажется, что ещё и страх.

— Зачем тебе это? — пытаюсь выпытать у него.

— Не твоё собачье дело! В понедельник у меня должен быть контракт!

— Я секретарь, а не глава компании! Каким образом я уговорю своего начальника

заклучить контракт, который ему не нужен? — пытаюсь достучаться до Михаила.

— Тебе и не придётся его уговаривать, — вдруг произносит он. — Сделаешь вот что!..

Илья

— Мне категорически не нравится происходящее, — хожу по комнате и разговариваю с Грэм, который внимательно смотрит на меня. — Прямо спинным мозгом чую, что-то не так!

Ерошу волосы и проверяю мобильный. Мари ничего не ответила на моё сообщение, а уже пятнадцать минут прошло. Может, позвонить ей? Тянусь к экрану, но тут же откладываю телефон подальше. Муромцев, ну не нагоняй ты панику! Эльф решит, что ты совсем свихнулся — полчаса подождать не можешь. Мало ли, она сестру успокаивает или в душ пошла...

Что-то меня настораживает во всей этой ситуации, а что — понять не могу, и поэтому мечусь по квартире, как зверь в клетке. Без Мари всё не то и не так, прямо ломает, до чего я хочу, чтобы она сейчас была здесь, со мной. Плюнув на все свои рассуждения, подсакиваю к телефону, чтобы всё-таки ей позвонить, но мобильный сам вдруг начинает вибрировать в руке. Она?!

— Бл... — вижу на экране, что это звонок от партнёра, но вместо разочарования тут же возникает недоумение. Какого?..

— Добрый вечер, Михаил Александрович! — беру трубку. — Вы ведь должны были уехать в отпуск?

— Добрый вечер, Илья Сергеевич! Дочка заболела, пришлось отложить поездку, — мужчина прокашливается.

— Сочувствую, — говорю искренне.

— Спасибо, ничего страшного, обычная простуда — скоро поправится, — его голос теплеет. — Но я звоню по другому вопросу.

— Что случилось? — напрягаюсь.

— Это связано с Мари!

Илья

— Что связано с Мари? — мне становится не по себе.

— Илья Сергеевич...

— Давайте просто Илья, пожалуйста, — произношу быстро. — Что не так с Мари?

— Хорошо, тогда называйте меня тоже по имени, — через паузу произносит мужчина. — В конце концов, мы уже давно партнёры. Илья, скажите мне для начала, не ошибусь ли я, если предположу, что вы относитесь к Мари... скажем так, теплее, чем к обычному секретарю?

— Михаил, простите за грубость, это, честно говоря, совсем не ваше дело, — произношу, хмурясь, правда, потом думаю, что ничего плохого для Мари он вроде бы не хочет, и со вздохом говорю: — Но да, вы правы.

— Тогда вам тем более нужно знать, — говорит Михаил. — Я почти уверен, что девочка ни в чём не виновата, её могли намеренно ввести в заблуждение, но, похоже, она работает на одного из наших конкурентов.

— Не может быть, — произношу тут же уверенно. — Вы ошибаетесь!

— Послушайте, Илья, — голос собеседника звучит мягко. — Я ни в чём её не обвиняю! Но прошу вас быть повнимательнее ближайшие дни. Ваша... симпатия может сыграть с вами злую шутку.

— Мои симпатии, — не пытаюсь скрыть язвительность в голосе, — не отключают мне мозги!

— Я этого и не говорил, — примирительно произносит Михаил. — Но...

— Нет! — я злюсь и не хочу слушать, что ещё он может мне сказать.

— Ну хорошо, — спокойно говорит партнёр. — Вы в курсе, что посредник, с которым фирма планировала заключать договор, был начальником Мари?

— Да, она рассказывала, — цежу сквозь зубы.

— А она рассказывала, что встречалась с ним весь год, который проработала в клубе?

В желудок как будто падает тяжёлый камень. То есть, сразу после него она устроилась ко мне... Значит, все её истории про ориентацию — враньё. Хотя... вспоминаю, что она говорила о своём бывшем начальнике — он хотел «подкладывать» её под клиентов клуба. Ну, вообще-то, неудивительно, что после такого ублюдка она решила... кхм, пересмотреть свои взгляды на отношения. Как ещё пол не сменила!

Пока я задумываюсь, пропускаю слова партнёра, и включаюсь в беседу только на последних словах:

— ...жду от вас сообщения.

— Хорошо, — произношу рассеянно. Не всё ли равно, о чём он — потом разберусь.

— Ну и отлично! — Михаил явно доволен. — Хорошего вечера, Илья!

Язык не поворачивается пожелать ему того же, поэтому сухо прощаюсь и еле сдерживаю желание запустить замолчавшим телефоном в стену. А потом сажусь и задумываюсь. Где же всё-таки правда?..

Марина

Закончив разговор со слизняком, я чувствую, что силы у меня кончились. Вот кончились — и всё тут! Больше всего хочется прийти к Илье, рассказать ему всё, и пусть он

сам разгребает всю эту ситуацию! Но я и сама понимаю, что так делать нельзя. Именно Муромцева хотят подставить с этим контрактом, и если я откажусь — они просто найдут другого исполнителя, который сделает то же самое. В моих силах хотя бы постараться помешать им. Плюс у меня есть запись разговора, которую я тут же пересылаю с Алинкиного на свой телефон и почту, чтобы иметь несколько копий.

— Мари, — голос сестры звенит от напряжения. — Объясни, что всё это значит!

— Ты же и сама слышала, — я устало поднимаюсь, наливаю ей и себе по чашке чаю и сажусь обратно. — Илье хотят подгадить. Уж не знаю, кому и куда он не угодил, но кто-то совершенно точно хочет лишить его должности, а то и ещё что-нибудь похуже...

Задумываюсь и пропускаю момент, когда Алина взрывается:

— Да плевала я на твоего Илью! Какого хрена из-за тебя угрожают мне?!

— Что? — я ошарашенно смотрю на сестру, не в состоянии подобрать слова.

— То! — она вскакивает и зло смотрит на меня. — Всё из-за тебя! Сначала ты встречалась с этим козлом Мишей, который тебя использовал! Теперь к своему Илье бегаешь трахаться, а мне детский дом грозит из-за твоих... твоих... хахалей!!!

— Алина! — ахаю от ужаса. — Что за слова?! Да как ты?..

— А-а, вот оно что, я поняла, — её глаза наполняются слезами. — Ну конечно, у вас же любо-овь! — тянет издевательски и всхлипывает. — Я только мешать буду счастливой парочке!

— Алинка, как ты можешь? — шепчу с трудом. — У меня и в мыслях такого не было. Ты же моя сестра, я люблю тебя...

— Иди ты к чёрту, Мари! — Алина вытирает слёзы кулаком и выглядит сейчас, как маленький обиженный ребёнок.

Меня вдруг пробивает догадкой — ну конечно, как ребёнок! Она же просто испугалась и не справляется теперь со своим страхом оказаться ненужной. Ещё и возраст такой сложный... Подскакиваю, чтобы обнять сестру, но та шарахается назад.

— Ненавижу! — выпаливает и убегает к себе в комнату, хлопнув дверью.

Я тяжело опускаюсь обратно, поддвигаю к себе остывший чай и грустно улыбаюсь. Своих детей у меня пока нет и когда ещё будут, а классическая ссора с тинейджером уже есть, прямо как у настоящего родителя.

Смотрю на телефон и вижу пропущенное сообщение от Ильи. Спрашивает, как у меня дела, всё ли в порядке. Торопливо отвечаю, но ответа не дожидаясь — может быть, он уже спать лёг?

Следующий день провожу дома, пытаюсь разобраться с чехардой хозяйственных дел. Алинка весь день дуется и отказывается выходить из комнаты, но настаивать не пытаюсь. Перебесится и остынет. Сама ведь наверняка понимает, что несправедливо разозлилась, но прощения просить гордость и вредность не позволяют.

От Ильи тоже парочка сухих сообщений, и всё. Я бы, может быть, насторожилась, но, во-первых, не знаю, как он обычно с девушками контактирует — мало ли, не все мужчины любят постоянно смс строчить. А во-вторых, мне не до того — нервничаю из-за понедельника, раздумывая, как лучше поступить. Понятно, что Илье нужно будет всё узнать, но вопрос в том, когда рассказать — когда уже всё будет сделано или заранее?

Михаил сказал, что всё сложится само собой — возникнет ситуация, которую нужно будет срочно решать, вот тогда-то мне и нужно будет подсунуть контракт, который мне пришлют завтра на почту. По словам слизняка, у Ильи просто не будет другого выхода. А

потом я должна срочно передать оригиналы документов Михаилу. Не совсем понимаю их многоходовку, но пытаюсь разобраться — дать Илье всё подписать и сдать всю эту компанию при передаче документов, или предупредить, чтоб даже не вздумал ничего подписывать?

В конце концов решаю, что если рассказать заранее, то доказать ничего не получится. Даже запись разговора к делу не больно-то пришьёшь, если никаких фактических подтверждений нет.

Здравая мысль, что вообще-то можно всё выложить Илье, а потом вместе решить, что делать, мне почему-то в голову не приходит.

А зря...

Марина

В понедельник я чуть не проспала. До того перенервничала со всеми событиями, что полночи ворочалась, не могла заснуть, и утром подскакиваю в последний момент. Быстро натягиваю свой брючный костюм — затею с чулками, естественно, придётся отложить на неопределённый срок — и стучусь к Алинке в комнату. Мелкая зараза продолжает игнорировать меня и дуться, но я уже решила не обращать на это внимания. Заглядываю и вижу, что сестра не спит и демонстративно от меня отворачивается.

— Алин, я уйду на работу, надеюсь, сегодня всё решится и будет в порядке, — произношу спокойно, не отводя глаз от девочки, чтобы придать своим словам вес. — Тебя никто и никогда не заберёт ни в какой детский дом! Я этого не позволю!

Алинка упрямо поджимает губы и продолжает молчать. Ну ладно, отойдёт в конце концов.

— Люблю тебя, — качаю головой, не рассчитывая на ответ, и быстро уйду в коридор, а то если помедлю ещё пару минут — точно опоздаю.

С тяжёлым сердцем закрываю дверь и еду на работу. В офисе появляюсь около восьми, и сразу заглядываю в кабинет начальства. Муромцев уже сидит за столом, поднимает на меня глаза, и мои губы невольно расплываются в улыбке, которая, впрочем, быстро замирает, потому что Илья улыбается как-то принуждённо.

— Всё в порядке? — спрашиваю неуверенно.

— В полном, — мужчина бросает на меня странный взгляд, слегка качает головой, а я не могу понять, что не так.

Потом вспоминаю — сама ведь говорила ему, что в офисе ничего не поменяется, он — шеф, я — секретарь. Правда, тогда он энтузиазма вроде бы особого не выказал, но... Вот ведь дура! И на что только надеялась!

— Кофе? — выпрямляюсь, натягиваю на лицо профессиональное выражение.

Хочет секретаря — будет ему секретарь. Чёрт знает почему, но мне немного, самую капельку обидно. Никого ведь нет ещё в офисе, мог бы и поприветливее поздороваться.

— Да, пожалуй, — произносит этот... начальник. — Спасибо, Мари!

Разворачиваюсь и иду к кофемашине. Вот ведь... сама предложила, сама обиделась... Кто нас, женщин, поймёт? Готовлю кофе, прохожу обратно в кабинет.

— Пожалуйста, Илья Сергеевич, — небольшую язвительность в голосе скрыть не удаётся, и Илья вскидывает на меня хмурый взгляд.

А я что — я ничего! Выхожу и сажусь за свой стол, заниматься текучкой.

Несколько часов проходят относительно спокойно, а во второй половине дня начинается светопреставление. В приёмную без стука залетают двое руководителей, я их помню — один начальник отдела сбыта, второй транспортник. Подскакиваю, но меня останавливают.

— Быстро, нам к Илье Сергеевичу!

Мужчины вламываются в кабинет, и я слышу, как начинается какой-то галдёж. Слов толком не разобрать, но становится понятно, что сорвана какая-то важная поставка, и из-за этого компания теряет важного клиента, на котором многое завязано. Под ложечкой начинает сосать. Так вот о чём говорил слизняк-бывший! Опускаюсь на стул и тут же вижу,

как на почту падает новое письмо. Контракт...

Разборки продолжаются почти час. Илья сначала уходит из кабинета, потом возвращается, следом за ним ещё люди. Как муравейник распотрошённый, честное слово! Я не лезу под руку, но контракт распечатываю. Просматриваю — вроде бы ничего криминального, всё как обычно. Хотя... в юридических нюансах я не сильна, может быть, там какая-то ловушка хитроумная расставлена.

Наконец, всё немного успокаивается, поэтому несмело захожу в кабинет, неся Илье ещё одну чашку кофе. Стол у него завален бумагами, сам мужчина как будто даже взерошен немного.

— Илья?... — зову, он сердито смотрит на меня. — Сергеевич... — сглатываю, чуть не забыла. — Я могу как-то помочь?

— Интересно, как? — мужчина взвинчен, это слышно по голосу.

— Вы говорили про сорванные поставки, — начинаю медленно, — но мы ведь совсем недавно встречались с посредником?..

Не успеваю договорить, как вижу ошарашенное выражение на лице мужчины, которое тут же сменяется злостью.

— Ну-ка, ну-ка, — цедит, откинувшись на спинку кресла. — Ты про того слизняка, который был твоим бывшим боссом, так? Про которого ты сказала, что не стоит иметь с ним дело?

— Д-да, — сглатываю и киваю. — Ну, он не сделал лично мне ничего хорошего, но у вас ведь сейчас безвыходная ситуация? Может быть, обратиться к нему?

— Ничего хорошего? — шипит мужчина. — Это так ты называешь попытку стать твоим сутенёром?!

Я вздрагиваю, как от удара, вжимаю голову в плечи. Да, Михаил не учёл, что я рассказала Илье некоторые детали.

— Или, может быть, я чего-то не знаю? — вдруг издевательски произносит Муромцев. — Может быть, ты что-то мне не рассказала, м-м? Например, что он был твоим бывшим?

— Откуда ты?.. — начинаю говорить и тут же затыкаюсь.

— Нашлись люди, просветили! — он уже задыхается от злости. — Так что, Мари, ничего не хочешь мне рассказать? Может быть, всё было немного не так? И не сама ли ты ложилась под...

— Замолчи! — выкрикиваю, потому что не могу это слышать.

Он столбенеет, на лице на секунду проступает чувство вины, но мне так больно, что даже дышать трудно.

— Мари, я не то хотел... — выговаривает медленно.

— Нет! — выставляю вперёд руки, пячусь назад.

Нет. Не собираюсь помогать Михаилу проворачивать никакие хитроумные комбинации. И находиться здесь я больше не могу. Выхожу, прикрыв за собой дверь и чувствую, как в груди разрастается ледяной комок. Почти такой же, который появился после того, как я застала Мишу вместе с этой, как её... Почти такой же?! Наглое враньё! Мне и на четверть не было так больно.

Заставляю себя пройти к столу, забрать сумку, и тут вибрирует мобильный. На автомате отвечаю на звонок.

— Ну что, сделала? — раздаётся голос Михаила.

— Я... — соображаю с трудом, пялюсь в экран монитора, но надо что-то ответить.

— Что ты? — придурок тут же срывается на крик. — Какого хрена ты тянешь? Учти, у меня сейчас ждут отмашки свои люди в опеке и полиции! Хочешь вызволять сестру из детдома?! Ни... не выйдет, поняла?

— Я сделала, — перебиваю эту сволочь, в голове рождается план.

— Чего сразу не сказала? — он сбавляет тон и ворчит: — Вот вечно ты тормозишь, Мари!

— Когда и куда принести документы? — спрашиваю резко.

— Ну вот, другой разговор, — произносит довольно. — Вечером встретимся в парке, где ты вечно с собакой своего начальничка гуляешь!

Желудок на секунду прорезает дикая боль, но тут же уходит, оставляя после себя тошноту.

— Хорошо, — шепчу тихо.

— Позвоню за десять минут и скажу, где тебе быть, чтоб не вздумала предупредить кого-нибудь, — он вешает трубку.

Хочется упасть на пол и завывать, но вместо этого я набираю номер человека, который сейчас мне нужен.

— Маруся, срочно требуется твоя помощь!

Марина

— Мари, что у тебя с голосом? — подруга говорит испуганно, но я мотаю головой, как будто она может меня увидеть.

— Всё в порядке! Марусь, — делаю глубокий вдох, — мне нужно, чтобы ты достала из компьютера Муромцева его электронную подпись и подписала с помощью неё один договор.

— Мари, — Маруся замолкает на секунду, затем говорит: — Ты понимаешь, о чём просишь? Это противозаконно! Об этом почти сразу станет известно и...

— Именно это мне и нужно, — перебиваю подругу.

— Я уже ничего не понимаю, — вздыхает она.

— Маруся, слушай внимательно и, пожалуйста, сделай то, о чём я тебя попрошу, хорошо? — не даю подруге вставить слово и продолжаю: — Нужно залезть к Илье в компьютер и подписать его электронной подписью контракт. Флешка с ключом у него всегда торчит в рабочем компьютере, так что проблем быть не должно. Я сейчас скину тебе документы на почту. Сделай это так, чтобы остались следы — и они должны привести ко мне! Всем сразу должно быть понятно, что это я сделала, понимаешь? Ну не знаю, войди как-то под моей учётной записью, или ещё что-то, ты в этом сечёшь значительно лучше меня! Никаких следов подписи не будет, она же электронная, поэтому нужно навести на последнюю страницу подходящий штамп — у нас в общих папках такие есть, оттуда возьми. Обязательно надо, чтобы документ выглядел подписанным, поняла? Потом перешлешь мне подписанный контракт.

— Мари, что происходит? — Маруся нервничает, я слышу, но у меня самой никаких чувств по этому поводу нет, я всё заморозила, иначе не смогу доделать то, что должна.

— После того, как ты всё это сделаешь, я отправлю тебе одну аудио-запись. Можешь послушать, если хочешь, — горько усмехаюсь. — Но потом, вечером, перед самым концом рабочего дня отнеси это всё Муромцеву. И расскажи обо всём, хорошо? Тогда можно будет и аннулировать подписанный контракт.

— Мари, я не знаю, зачем тебе это нужно, но у тебя будут грандиозные проблемы, — произносит подруга.

— Я знаю, — говорю тихо. — Ты поможешь?

Молчание. Отсчитываю секунды, чтобы не думать, не чувствовать, не рассуждать, что будет дальше...

— Хорошо, — она вздыхает. — Жди отмашки.

— Спасибо, Маруся, — шепчу в трубку и скидываю звонок.

Осматриваю приёмную — надеюсь, ничего не забыла — и выхожу из кабинета.

Ухожу в кафе, расположенное неподалёку, заказываю чай — съесть я сейчас всё равно ничего не смогу. Жду письмо от Маруси. Здесь неподалёку есть фотоателье, в котором можно заодно распечатать документы, да и домой я идти просто не могу. Там Алинка, не дай бог начнёт вопросы задавать, я же разревусь, а мне нельзя. Ещё на встречу со слизняком идти!

Подруга не подводит. Не проходит и часа, как мне на почту падает подписанный контракт. За это время я успела не ответить на десяток звонков от Муромцева, и уже начинаю нервничать. Только увидев нужное письмо, быстро подрываюсь и бегу

распечатывать листочки. Мне даже файллик дают, чтобы не помялось... Какая ирония! Отправляю Илью в чёрный список, на звонок Маруси не отвечаю, сбрасываю. На сообщение с вопросом, где я, торопливо пишу «в парке возле дома». Пусть думает, что выхаживаю стресс. Всё остальное потом!

Меняю дислокацию, перебираясь поближе к дому, чтобы быстро добраться до нужного места, когда позвонит Михаил. Опять заказываю чай в каком-то кафе, бездумно сижу, грею ладони о чашку. Мыслей нет никаких, в голове только крутятся картинки из недавнего прошлого: вот я вижу Илью первый раз, прохожу собеседование. Удар дверью, пакет со льдом, машина... Вот он знакомит меня с Грэм, потом мы бежим через парк, зовя собаку... потом он лежит без сознания с высоченной температурой. Девушка в кабинете, папа Миша с его предложением, платье и чулки... Поцелуй руки в машине... Улыбающийся Илья в одном полотенце на пороге кухни...

Еле успеваю сдержать стон, до того больно в груди. Жадно глотаю чай. Неплохо было бы выпить до беспамятства. Никогда этого не делала, но, может быть, поможет?... Из планов по спаиванию собственного организма меня вырывает телефонный звонок. Оглядываюсь в окно — надо же, уже стемнело!

— Слушаю, — отвечаю тихо.

— Ну что, куколка, жду тебя, — от довольного голоса Михаила меня начинает подташнивать. — Возле прудика небольшого в твоём районном парке, ты его знаешь.

— Хорошо, — произношу и поднимаюсь с места, сбрасывая звонок.

Давай, Мари! Совсем немного осталось!

До парка я добираюсь быстро, пруд тоже нахожу легко — несколько раз там бывала. Освещение есть не везде, идти в темноте не очень-то приятно, но мне предстоит кое-что более противное, так что неудобств почти не замечаю. Дохожу до пруда и останавливаюсь под одним из двух работающих фонарей.

— Привет, куколка, — Михаил возникает у меня за спиной, пугая до чёртиков.

— Какого хрена подкрадываешься? — шиплю на него зло.

— Подумаешь, какие мы нежные! — хмыкает слизняк и протягивает руку. — Давай, чего принесла!

Протягиваю ему файл с контрактом. Миша демонстративно распахивает пиджак, и я вижу кобуру с пистолетом у него на боку.

— Сдурел, оружие с собой таскать?

— У меня разрешение есть, куколка, — тянет издевательски. — Мало ли, что тебе в голову может прийти?

— Ага, я тебе тут черепашка-ниндзя, — фыркаю презрительно. — Нападу и обезврежу.

— Знаешь цитату: «Бог создал людей сильными и слабыми. Полковник Кольт сделал их равными»! — гордо приосанивается придурок.

— Вот еще идиотскими цитатами из соцсетей со мной не разговаривали, — закатываю глаза. — И по твоей логике получается, что сильная я, а слабый ты!

Миша злобно щурит на меня глаза, и я затыкаюсь. Кто его знает, придёт ещё что-нибудь в голову... Он всегда фанател от огнестрельного оружия, а я этого никогда не понимала. Стараюсь не заикливаться и возвращаюсь к тому, что меня тревожит больше.

— Ты же понимаешь, что это полная ерунда? — киваю на бумаги, пытаюсь достучаться до Михаила. — Илья Сергеевич аннулирует этот контракт...

— С чего бы? — мерзко ухмыляется. — Тут и комар носа не подточит! Да и контракт

нам на самом деле не нужен — нужен только повод... — но тут же замолкает, как будто испугавшись, что сказал лишнего.

— Кому — нам? Какой повод? — спрашиваю, изображая испуг — даже и стараться не приходится, я очень боюсь, что Маруся не успеет вовремя рассказать всё Илье. Мало ли что...

— Не твоё дело! — грубо обрывает меня Михаил и переводит взгляд за мою спину.

Тут же меняется — как-то горбится, на лице появляется угодливое выражение: — Всё в порядке!

Не успеваю обернуться, когда слышу шаги.

— Жаль, что ты отказалась от моего предложения, Мари, — произносит сзади знакомый голос, и я зажмуриваюсь от ужаса.

Илья

Я уже говорил, что ревнивый придурок? Официально заявляю: могу претендовать на первое место в номинации «мудак года»! Облажался по полной программе.

После звонка Михаила Александровича весь остаток субботы и воскресенье я провел в одиночестве, если не считать Грэя, и в раздумьях. В итоге накрутил себя до такой степени, что в понедельник, когда явился на работу, у меня разве что дым из ушей не шёл.

Вдобавок я... соскучился по Мари! Одновременно злиться и скучать — взрывоопасное сочетание. Мне даже себе не хочется признаваться, насколько эльф пролез мне под кожу за последние несколько дней.

Не могу не думать о том, что она может быть не той, кем кажется... Ну правда, не может этого быть! Когда девушка приходит на работу и заходит поздороваться, пытаюсь выискивать странности в её поведении, потом плюю на это, потом опять завожусь, короче, бросает то в одну сторону, то в другую. А затем всё становится совсем хреново.

Мало того, что сорваны поставки, под угрозой серьёзный контракт, и компания может налететь на многомиллионные неустойки. Последней каплей становится предложение Мари.

Неужели Михаил Александрович был прав? И она, с этим слизняком... В голове встают картинки, которые не получается прогнать. И я срываюсь. Говорю ей такое, от чего сейчас, когда сижу в опустевшем вечернем офисе, у меня просто волосы шевелятся.

Мари убежала сразу после моего наезда. И я её не виню. Пытался звонить ей, но сначала она сбрасывала звонки, потом, похоже, просто меня заблокировала. Пока в офисе был форсмажор, даже уйти не мог, а то бы уже давно нашёл её и извинялся. Бл...

Чуть не застонав, сжимаю голову руками и вдруг слышу лёгкие шаги, приближающиеся к кабинету. Подскакиваю, но тут распахивается дверь и на пороге встаёт Мария. Маруся. Кажется, я окончательно попал.

— Недобрый вечер, Илья Сергеевич, — голос сочится яростью, глаза мечут молнии.

— Не надо, — сразу поднимаю вверх руки. — Я и сам всё знаю!

— Знаете? — она даже тормозит, удивлённо вскидывает брови.

— Вы о чём? — хмурюсь.

— А вы о чём?

— По-моему, мы застряли, — машу ей рукой на стул и показываю всё внимание, которое сейчас могу изобразить на лице.

А после разговора с Марусей мыслей не остаётся. Только отчётливое желание кому-нибудь врезать!

И я даже знаю, кому!

Марина

Я так и стою, зажмурившись — глупое детское желание спрятаться от происходящего, как будто тогда ничего не случится — и у меня вырывается истерический смешок.

— У тебя что, куколка, крыша поехала? — звучит насмешливый голос, вырывающий меня из странного состояния.

— Нет, желание загадывала, — огрызаюсь и открываю глаза. — Между двумя Михаилами ведь оказалась!

Поворачиваюсь и тоскливо гляжу на человека, которому доверяла.

— Что так смотришь, девочка? — спрашивает Михаил Александрович. — Неужели разочаровал?

Смерив его взглядом, отворачиваюсь. Господи, как же мне тошно.

— Зачем вы так? — произношу сдавленно.

— Обстоятельства сложились, — Михаил Александрович разводит руками и поворачивается к Михаилу. — Звони, сообщи, что контракт подписан.

Слизняк кивает и достаёт телефон. Быстро набирает номер, коротко говорит в трубку то, что ему велели, и расплывается в улыбке.

— Перевод будет сделан сейчас же, — поворачивается к нам.

Я судорожно вздыхаю. Деньги — всегда и во всём виноваты только деньги.

— За что? — говорю тихо, обращаясь к Михаилу Александровичу. — Почему вы так поступили со мной, с Ильёй, почему?

— Слишком твой Илья... принципиальный и негибкий.

— Вы, наверное, хотели сказать, честный и неподкупный, — смеюсь сквозь слёзы. — И он не мой!

— Ну как же не твой, — улыбается Михаил Александрович, — был бы не твой — не подписал бы это!

— А он и не подписал, — смахиваю влагу со щёк и победно смотрю на двоих напрягшихся мужчин.

— Что значит, не подписал? — оба Михаила просматривают последнюю страницу контракта, и я хвалю себя за то, что предусмотрела этот момент — там красуется официальный штамп-пустышка, что документ подписан усиленной квалифицированной электронной подписью, и всё такое прочее. А потом до меня доходит, что я идиотка! Зачем выпендривалась?! Хотела увидеть эти наглые рожи, когда они поймут, что их надули? Ой, ду-у-ура!

Тихонько отступаю назад, но слизняк-бывший тут же хватает меня за локоть.

— А ну стой! Куда собралась? Быстро объясняй, что за чушь тут только что несла!

— Я принесла всё, что обещала! — смотрю на него с вызовом. — Теперь я уйду домой! — тяну на себя локоть, но меня не отпускают. — Мне есть, чем заняться — например, работу опять искать нужно!

— Так возвращайся ко мне? — нахально тянет Михаил, и я с трудом сдерживаю слабый, но отчётливый рвотный позыв. — Я соскучился! С дополнительными обязанностями можно и повременить... пока что!

— Иди ты нахрен! — шиплю прямо ему в лицо.

— Ну надо же, какая смелая! — он противно смеётся. — Я прямо завёлся.

— Прекрати, — морщится Михаил Александрович, который всё это время внимательно рассматривает страницы контракта.

— Да ладно, куколка, не ломайся! — слизняк не обращает никакого внимания на его слова, а у меня на глаза опять наворачиваются слёзы.

— Кажется, тебе сказали прекратить! — внезапно звучит третий голос, и я поражённо оборачиваюсь.

Илья

— Маруся, убьёшь меня потом! — говорю на бегу спешащей за мной девушке. — Вот верну Мари в целости и сохранности — и сам к тебе приду сдаваться! Особенно, если она меня не простит, — бурчу тихо себе под нос последнюю фразу.

— Ну ты и гад, Муромцев! — Маруся пыхтит, но не отстаёт.

— Без тебя знаю, — перепрыгивая через ступеньки, спускаюсь в подземный гараж и подлетаю к машине. — Она точно написала, что в парке?

— Да, но я не уверена, где она сейчас, — девушка, задохнувшись, упирается руками в колени. — Уже несколько часов прошло.

— Ладно, сам разберусь! — газую и на максимально возможной скорости выезжаю с парковки. Если Мари в нашем парке, я знаю, как её найти! Надеюсь, она именно там, иначе... даже думать не хочу!

Домой я добираюсь, нарушив все возможные правила. Хорошо, гаишников на пути не попалось, иначе ещё и прав бы лишили.

— Грэй! — взлетев в квартиру, первым делом хватаю пса за ошейник. — Грэй, мне нужна твоя помощь! Мари в беде, надо её найти!

Бегу в спальню и беру футболку, которую мой эльф надевала в субботу, да так в квартире и оставила. Стыдно признаться, но у меня сил не хватило её в стирку отправить — от ткани до сих пор пахнет девушкой и нашим с ней сексом.

Сую футболку Грэю под нос.

— Мы её найдём! — говорю уверенно. — Давай скорее!

Пристёгиваю поводок и быстро бегу с собакем ко входу в парк, молясь, чтобы не ошибиться. Возле ворот присаживаюсь перед Грэем на корточки.

— Давай, дружок! Ты ведь её тоже любишь!

Пёс внимательно смотрит на меня, и мне кажется, что он понимает абсолютно всё, что я говорю. Обнюхивает футболку и, скупно махнув хвостом, тянет меня за собой.

Мы идём минут пятнадцать, и я торможу за последним рядом деревьев, увидев впереди светлое место — небольшой пруд, скупно освещённый двумя фонарями, и трёх человек. Мари выглядит испуганной, на щеках следы слёз, её тянет за локоть тот слизняк-посредник, а рядом... Вот ведь с-сучонок! Михаил-чтоб-ему-сдохнуть-Александрович!

Меня отвлекает Грэй, который, схватив зубами поводок, тянет его на себя.

— Что такое? — спрашиваю его шёпотом.

Будь мой пёс человеком, сейчас бы точно закатил глаза от моей недогадливости. Явно хочет уйти куда-то самостоятельно. С сомнением смотрю на собаку, но тот не отпускает, наоборот, сильнее тащит поводок из моей руки.

— Ладно! — быстро отстёгиваю карабин от ошейника. — Будь осторожен! — и пёс быстро растворяется в темноте, побежав кругом троицы и не высываясь из-за деревьев.

Качаю головой. Грэй, конечно, всегда отличался интеллектом, но чтоб так!.. Тут же

выкидываю всё из головы и, прислушавшись к последним словам слизняка, начинаю медленно закипать. Всё, сукин ты сын, тебе не жить! Сжав кулаки, быстро выхожу на освещённое пространство.

— Вроде бы несложно понять, когда тебе велят прекратить, — повторяю сказанное сквозь зубы, потому что Михаил смотрит на меня, выпучив глаза.

— Илья, а я ведь говорил вам, что чувства могут сыграть с вами злую шутку, — сокрушённо качает головой Михаил Александрович. — Ну вот что вам в офисе не сиделось?

Бешенство перехлёстывает через край. Смешивается всё — напряжение последних дней, страх за Мари, злость на слизняка и этого самодовольного ублюдка, уверенного, что ничего с ним не случится — я резко разворачиваюсь и не прекращая движения, вложив в удар всю силу, вмазываю мужчине под подбородок. Тот с размаху падает на землю и не шевелится, но мне плевать. Не зря ходил на тренировки последние несколько лет — шею я ему этим ударом не сломал, так что очухается и выживет.

Слышу слабое аханье и, повернувшись, застываю на месте — слизняк, крепко ухватив Мари за локоть, держится за ней и показывает мне направленный ей в спину пистолет.

— Не подходи! — отступает на пару шагов, таща Мари за собой.

Я даже сделать ничего не успеваю, как сбоку на Михаила бросается шерстяной снаряд, семьдесят килограммов живого веса. Грэй хоть и помесь ньюфаундленда, но порода в нём сильна — я знаю, что напасть на человека и укусить он никогда не сможет, а вот сбить с ног — легко. Что, собственно, и происходит.

Но этого не знает Мари, которая, ахнув, бросается вперёд, вцепляется Грэю в ошейник. И в этот момент звучит выстрел.

Илья

Я с похолодевшим сердцем жду звука, который бы свидетельствовал о том, что попали в Грэй, но пёс не проявляет никаких признаков беспокойства. Быстро подскакиваю и пинком выбиваю из руки лежащего на спине слизняка пистолет, кажется, одновременно ломая ему несколько пальцев, потому что от он издаёт как раз такой визг, который я боялся услышать от собаки.

Грэй брезгливо отряхивается и отходит в сторону, а я с отвращением гляжу на стонущего на земле Михаила.

— Ну ты и тварь! — хватаю с земли один из разлетевшихся листов контракта, аккуратно поднимаю с земли пистолет, держа его за кончик рукоятки и, размахнувшись, забрасываю в пруд. С отпечатками пальцев в воде ничего не сделается, а водоём тут мелкий, полиции не составит труда найти оружие. Не церемонясь, заламываю вскрикнувшему мужчине руки за спину и связываю собачьим поводком.

Внезапно ощущаю, как Грэй хватает меня за штанину и тянет куда-то, поскуливая. Оборачиваюсь и чувствую, как перестаёт биться сердце. Мари сидит на земле, прислонившись к дереву, и не отрываясь смотрит на свои руки, перепачканные кровью.

Я, ничего не понимая, делаю шаг... другой... срываюсь и подбегаю к девушке, падаю перед ней на колени.

— Мари!!!

Она поднимает на меня глаза, лицо белое, как бумага, и я, наконец, замечаю, что её тёмная блузка тоже вся пропитана кровью.

— Господи, Мари! — в панике не знаю, что делать. Зажимать рану? Поднять её с земли? Уложить?

— Вызывай... скорую... — она говорит с трудом и закрывает глаза, потеряв сознание.

— Нет!!!

Трясущимися руками нахожу в кармане телефон, роняю его, поднимаю опять, не отрывая взгляд от девушки, набираю номер экстренной службы — некстати вспоминается, как мы в этом же парке искали Николая и вызывали скорую ему.

А потом жду... Жду, боясь коснуться своего хрупкого эльфа, только следя за еле приподнимающейся от дыхания грудной клеткой.

Сирены становятся слышны быстро. Я объяснил, что кроме девушки тут есть ещё двое пострадавших. Как бы мне хотелось их убить, обоих, особо мучительным способом! Но лучше будет засадить за решётку!

Врачи двух примчавшихся машин скорой помощи быстро укладывают на каталку Мари, забирают и до сих пор валяющегося без сознания Михаила Александровича. Связанному слизняку с переломанными пальцами приходится сесть вместе с поделником. Объясняю врачам ситуацию и мне обещают вызвать полицию прямо в больницу.

Меня в машину с Мари не пускают — я стою со скулящим Грэем, прижимающимся к моей ноге. Но по крайней мере говорят, куда её отвезут. Пса нужно срочно отвести домой, и как только скорые с включенными сиренами выезжают из парка, мы с ним срываемся на бег.

Спустя полчаса я оказываюсь в огромной многопрофильной больнице и в растерянности останавливаюсь в приёмном покое, где несмотря на позднее время суетится

огромное количество народу. Подхожу к стойке регистратуры.

— Девушка, к вам с ранением поступила Марина Кудрявцева! Куда её доставили?

— Подождите! — строго говорит мне молоденькая медсестра.

Начинаю заводиться, но тут же оборачиваюсь, почувствовав прикосновение к локтю, и натываюсь взглядом на пожилого импозантного мужчину.

— Молодой человек, если у вашей девушки серьёзное ранение, её, вероятнее всего, отвезли в хирургию, — говорит он мне. — Отделение по коридору налево, там тоже есть пост медсестры.

— Спасибо! — разворачиваюсь и вдруг слышу знакомый голос.

— Герман Эдуардович, что-то случилось? — к мужчине, который мне помог, обращается... это же Анна, подруга Мари!

— Ничего, Аннушка, всё в порядке, — старик улыбается ей, и я мимолётно удивляюсь, надо же, эту стервозу кто-то зовёт Аннушка!

— Анна, м-м, не знаю вашего отчества, — выпаливаю, невежливо перебивая обоих, — Вы должны знать! Мари! Её привезли сюда с огнестрельным ранением! Что с ней?!

Впиваюсь взглядом в её лицо и сразу замечаю усталость, напряжение и беспокойство.

— Простите, Герман Эдуардович, я подойду попозже, хорошо? — говорит мягко, а потом строго бросает мне: — Идёмте!

Иду за ней, пытаюсь успокоиться и удержать страх, морозными иголочками расползающийся в груди.

Анна ведёт меня по коридору, проходит через двери, отсекающие большинство звуков, доносящихся из шумной приёмной, и останавливается.

— У Мари слепое ранение, — видит, что до меня не доходит, и поясняет: — Пуля попала в верхнюю долю лёгкого и осталась внутри.

Мне становится плохо, а она продолжает:

— Скорее всего, сломаны рёбра, возможно, в лёгких есть осколки. Она в операционной...

— Тогда какого чёрта вы не рядом с ней сейчас в этой операционной?! — чуть не кричу ей в лицо. — А ещё подруга!

— Именно потому, что подруга! — тихо, но жёстко отвечает стерва в белом халате, не реагируя на мою вспышку. — Я не смогу быть объективной и спокойной, буду сомневаться, принимая решения. Доктор Добрынин, который проводит операцию, — отличный хирург, возможно, лучший, кого я знаю, — недовольно поджимает губы, но мне не до её проблем.

— Я просто хочу, чтобы с Мари всё было в порядке, — произношу почти умоляюще.

— Мы все хотим, — она вздыхает. — Врачи делают всё возможное. Успокойтесь, господин Муромцев. И поддержите лучше её сестру, — указывает рукой в закуток с парой стульев, на одном из которых сидит, скорчившись, худенькая фигурка в огромной не по размеру толстовке.

Я не успеваю оглянуться, как Анна уже испаряется. Подхожу к темноволосой девчужке.

— Ты ведь Алинка, да? — имя сестры всплывает в памяти само собой.

Девочка поднимает голову, и я невольно втягиваю воздух сквозь сжатые зубы. На меня смотрят опухшие, зарёванные, но такие же зелёные в крапинку глаза, как у Мари. Сразу становится больно дышать. Я присаживаюсь рядом с ней.

— Да, — шепчет эта... мини-эльф, — а вы?..

— Илья. Илья Сергеевич.

— А-а, ну да, знаю, — Алинка всхлипывает, скривившись.

— Всё будет в порядке, — пытаюсь подбодрить её, — Мари сильная, она справится!

— У меня никого кроме неё не-е-ет, — девочка с трудом сдерживает рыдания, — мы с ней так поссорились два дня назад. Я такого наговорила! Даже не сказала ей сегодня, что люблю её, когда она уходила. А теперь... теперь... — она не договаривает и утыкается лицом в длинные рукава толстовки, плечи начинают трястись.

Мне кажется, что в груди прорезали огромную дыру. Самому хочется завывать от боли. У меня тоже никого нет, кроме моего эльфа. И сказать про то, что люблю её, я не успел. Господи, лишь бы она поправилась! Никогда не верил, что там наверху кто-то есть, но сейчас готов молиться всем богам сразу. Только пусть её спасут!

Тянусь к Алине и аккуратно обнимаю её. Она вцепляется мне в лацканы пиджака и прижимается, дрожа как в ознобе. На меня вдруг накатывает мощное ощущение дежавю. Я ведь не рассказывал Мари, только упоминал, что моих родителей уже нет в живых. Они погибли в автокатастрофе, когда мне было девятнадцать. Всплывают давно похороненные воспоминания, как я ворвался в больницу, как навстречу мне вышел врач и, отводя глаза, сказал, что спасти никого не удалось... Я остался совсем один, впал в жесточайшую депрессию — из неё меня вытянул Грэй, которого щенком подобрал на улице. С тех пор, кстати, терпеть не могу врачей — мою семью они не спасли.

С трудом заставляю себя вынырнуть из жуткого прошлого и вспомнить, что прошло уже девять лет. Смотрю на Алинку. Всё теперь не так! Всё будет не так!

— Мари поправится! — произношу уверенно. — И ты не одна теперь! Вы с ней не одни, слышишь?

Алина поднимает на меня заплаканные глаза. Не знаю, что она видит на моём лице, но неуверенно кивает и пытается улыбнуться. Я с трудом улыбаюсь в ответ.

Не знаю, сколько мы сидим вместе, время тянется просто бесконечно. Девочка в конце концов засыпает, уткнувшись лбом мне в плечо, а я просто придерживаю её, не позволяя себе думать, что что-то может случиться. Я... планирую, как Мари вернётся в офис. Как мы все вместе поедem в отпуск. Как будем гулять с Грэем. С ней всё будет в порядке!

Из моей... медитации — или самовнушения? — меня вырывает движение в конце коридора. В нашу сторону направляется высокий мужчина в хирургической одежде и накинутом сверху белом халате.

Илья

Я встаю, слегка тряхнув Алинку, которая тут же просыпается и начинает тереть глаза. Видит врача и подскакивает тоже, становясь рядом со мной. Не знаю, что чувствует она, а у меня горло перехватило до такой степени, что сказать ничего не получается.

— Кто из вас родственник Кудрявцевой? — спрашивает хирург.

— Я! — выпаливаем с Алиной хором.

— Ясно, — скептически произносит мужчина. — пациентке была выполнена экстренная торакотомия, пуля извлечена. Операция прошла успешно, ближайшие сутки она будет находиться в ОРИТ.

Мы с Алиной переглядываемся, и, видя наше непонимание, врач поясняет:

— В реанимации! У неё множественные переломы рёбер, повреждена верхняя доля левого лёгкого.

— С ней... всё будет в порядке? — почти шёпотом спрашивает Алина.

— Состояние тяжёлое, но стабильное, — хирург кивает. — Сейчас можете идти домой, доступ в реанимационную палату запрещён. Приходите завтра.

Я оттягиваю рукав над часами — время уже почти два часа ночи.

— Завтра — это утром? — спрашиваю врача.

— Завтра — это завтра! — немного раздражённо отвечает он и тут же разворачивается, заметив мелькнувшую в конце коридора фигуру. — Анна Николаевна! Где вы ходите опять?! Протокол операции для заполнения подготовили?

К нам быстрым шагом подходит Анна.

— Да, Никита Сергеевич, — отвечает спокойно, — всё заполнено.

Мужчина сердито кивает и, кинув на нас последний взгляд, уходит — только полы халата развеваются. Станный он какой-то...

— Алинка, — ласково обращается Анна к девочке, и та вздрагивает, поднимая на неё глаза. — Не переживай! Всё будет хорошо! Илья Сергеевич, — смотрит на меня внимательно, — я могу вас попросить отвезти Алину домой и присмотреть за ней? В реанимацию вас всё равно не пустят, я позвоню, как только вам будет можно прийти, хорошо?

Я киваю.

— Сколько вас ещё ждать?! — рявкает хирург, выглянув из какого-то кабинета.

— Мне пора! — Анна торопливо уходит.

Неслабо их тут муштруют!

Я отвожу Алину к ним домой. Девочка выглядит такой потерянной, что, замявшись, спрашиваю:

— Алин, может быть, мне у вас остаться сегодня? Не стоит тебе одной сейчас... — она поднимает на меня глаза, и я добавляю: — А если завтра Анна позвонит, то сразу вместе в больницу поедем!

— Хорошо, — тихо говорит девочка и показывает на дверь: — Это комната Мари. Можете там переночевать.

Я, сглотнув, киваю и неуверенно захожу в небольшую комнатку. Здесь так пахнет моим эльфом, что дыхание перехватывает. Сажусь на аккуратно заправленную постель и

оглядываюсь — обстановка старая, но всё чисто и вполне даже симпатично. Подтягиваю к себе подушку и утыкаюсь в неё носом, вдыхая запах Мари.

Так и отрубаясь, полусидя.

Марина

Сознание поднимается вверх, закручиваясь по спирали, и я не могу понять, где я и что со мной. С трудом разлепляю веки, но тут же закрываю обратно — становится больно от слепящего света.

— Давай, спящая красавица, просыпайся, — звучит рядом чей-то знакомый голос.

Опять осторожно приоткрываю глаза и, поморгав и привыкнув, вижу над собой улыбающееся лицо подруги.

— Аня, — шепчу беззвучно, голоса как будто совсем нет.

— Не волнуйся и не разговаривай, — подруга проверяет капельницу рядом с моей кроватью. — Всё у тебя будет в порядке!

— Алин. ка, — произношу с трудом.

— У неё всё хорошо, Илья за ней присматривает, — Аня опять смотрит на меня и слегка хмурится. — Ох и напугала ты нас всех!

— Илья? — единственное, что я поняла из её слов.

— Да, он уже который день из больницы не вылезает. Даже выбил у Добрынина разрешение на посещение реанимации, а это, чтоб ты знала, чудо покруче второго пришествия, — фыркает насмешливо.

— А сколько я?.. — спрашиваю тихо.

— Пять дней уже, — подруга гладит меня по руке. — Теперь отдохни!

Мне хочется спросить ещё, но сил нет совсем, и я проваливаюсь в сон.

В следующий раз после пробуждения чувствую себя лучше. Даже оглядываюсь по сторонам — я одна в палате, просто нашпигованной всякой техникой. На мониторах что-то постоянно мигает и двигается — замечаю на пальце какую-то прищепку, на другой руке катетер, трубка от которого тянется к капельнице рядом. .Ч.и.т.а.й. .н.а. .К.н.и.г.о.е.д...н.е.т.

Пока осматриваюсь, дверь тихонько приоткрывается и в палату воровато заходит Илья, тут же закрывая за собой. Выдыхает, оборачивается и тут же ловит мой взгляд.

— Мари, ну наконец-то! — подлетает к кровати, жадно разглядывая моё лицо. — Очнулась! Слава богу! После операции начались осложнения, я, правда, ничего не понял из этих медицинских объяснений, но потом тебе стало лучше. Аня сказала, что ты приходила в себя, но...

Смотрю на него, и он замолкает, неуверенно улыбаясь.

— Солнышко, как ты? Где-нибудь болит? Что-то сделать?

— Нет, — говорю тихо и резко вспоминаю, что я же обижалась на него... точнее... он меня обидел, а потом... Миша и Михаил Александрович, пруд, Грэй... Закрываю глаза, перед которыми крутится калейдоскоп картинок из событий того вечера.

— Милая, ты в порядке? — слышу испуганный голос, и опять смотрю на Илью.

Мужчина сглатывает.

— Мари, я хочу извиниться! Прости меня, пожалуйста! Не знаю, что на меня нашло, точнее, знаю, но я не должен был так говорить!

— Что нашло? — спрашиваю с трудом.

— Я просто, ну... — он опускает глаза. — Ревновал тебя, вот и...

— Почему?

— Что почему? — мужчина непонимающе смотрит на меня.

— Почему ревновал?

— Потому что, — он делает вдох, — люблю тебя!

— Что?.. — у меня глаза лезут на лоб.

— Я люблю тебя, — Илья несмело берёт меня за руку, поглаживает, и я не могу сдержать лёгкой улыбки.

— Прости! — он прижимает мою руку к лицу. — Я полный идиот, признаю!

— Помнишь, я говорила тебе про свою ориентацию? — голос охрип, но я произношу медленно, со значением: — Так вот, это была правда!

— Что?!

Надо видеть лицо Ильи в этот момент. Жаль, под рукой мобильного нет сфотографировать.

— Но я же... мы же... ты со мной... — он даже заикаться начинает, бедный.

— У меня особенная ориентация, — произношу гордо, — я всегда выбираю идиотов! Так что ты подходишь, Муромцев.

На лице Ильи медленно начинает проступать облегчение.

— Я тебя когда-нибудь прибью за твои шуточки!

— Вставай в очередь, — слегка сдвигаюсь на постели и охаю от боли, прошивающей левую сторону груди.

— Ну что ты делаешь, не шевелись!

— Почему посторонние в реанимации?! — внезапно раздаётся рассерженный мужской голос, приближающийся к палате.

— Никита Сергеевич, вы сами дали на это разрешение, — я узнаю спокойную Аню.

Дверь распахивается, и внутрь заходит... Ух ты! Вот это да!

— Добрый день, я доктор Добрынин, — представляется высокий красавец. — Будьте добры покинуть палату! — жёстко обращается к Илье, и тот, закатив глаза, поднимается.

— Скоро вернусь, — кивает мне и выходит, а я продолжаю во все глаза смотреть на этого... А ведь я вспомнила! Это тот самый Добрынин, главный хирург отделения, по совместительству сволочь, деспот и тиран, как о нём отзывается Аня!

— Ну что ж, — говорит хирург, проведя осмотр, — всё идёт по плану, Марина. Мы сегодня переведём вас в обычную палату. Оформите! — бросает стоящей тут же Ане. — И не возитесь!

Я поднимаю брови. Вот уж кого-кого, а Аньку в медлительности упрекнуть — это надо совсем её не знать! Вот же... грубиян! И правда сволочь!

— Конечно, Никита Сергеевич, — голос Ани ровный, она ничем не показывает своего отношения к ситуации.

— Отлично! — мужчина вылетает из палаты.

Что-то он уже не кажется мне таким красивым.

— Анечка, — произношу шёпотом, — он что, всегда такой?

Подруга только вздыхает и немного принуждённо улыбается.

— Я привыкла, — пожимает плечами, — он великолепный хирург, работать рядом с ним — большая удача.

— Характер вот только у него дерьмо! Чего он к тебе придирается? — произношу резко, чем хотела.

— Не заморачивайся! — Аня фыркает и качает головой.

Возвращается Илья, и мы заканчиваем разговор. Меня и правда в этот же день переводят в общую палату, но без соседей. Подруга потом шепчет мне, что мой шеф подсуетился. Илья по несколько часов в день проводит со мной, как и Алинка, которая, увидев меня, разревелась и извинялась за то, что наговорила тогда. Но я на неё и не сердилась, так что у нас опять всё хорошо.

А спустя пару дней, когда мне уже разрешают вставать, и я делаю первые шаги при поддержке Ильи и сестры, в палату заходит очередной незнакомый мужчина.

Марина

— Майор Богатырёв, — представляется незнакомец, и я только сейчас обращаю внимание на его форменный китель под белым халатом. — Мне нужно поговорить с Мариной Кудрявцевой, это вы? — смотрит на меня, и я сглатываю.

— Да, — оглядываюсь на Илью, который тут же помогает мне сесть обратно в кровать и накидывает на ноги простыню. Непонимающе поднимаю брови, и тут же краем глаза замечаю выражение лица сестры, которая смотрит на майора, приоткрыв рот и замерев от восхищения. Ну, стоит признать, что вкус у девочки есть — этот Богатырёв весьма симпатичный товарищ! Что-то вокруг меня многовато красавцев стало в последнее время.

— Я слушаю, — киваю майору, и тот обаятельно улыбается, а Илья кашляет.

— Не переживайте, мне просто нужно взять у вас показания относительно того дня, когда вы получили ранение! Мне сообщили, что вы уже лучше себя чувствуете, а у нас дело стоит. Вы не против?.. — вопросительно смотрит на меня.

— Да, конечно, — морщусь от неприятных ощущений и начинаю свой рассказ.

Богатырёв слушает внимательно, время от времени делает какие-то пометки в блокноте, задаёт уточняющие вопросы — словом, спустя почти час я чувствую себя, как выжатый лимон и откидываюсь на подушки, не в силах сидеть ровно.

— Марина, спасибо вам огромное! Вы нам очень помогли, — майор поднимается и аккуратно пожимает мне руку. — Вам ещё придётся заполнить и подписать свидетельские показания, но это уже потом, когда выйдете из больницы.

— Конечно, — киваю ему и улыбаюсь.

— Мари, у тебя слишком много посетителей, — в палату заходит Аня. — Добрынин сейчас с обходом пойдёт!

— Прошу прощения, я уже уйду, — мужчина смотрит на мою подругу с явным интересом. — А вы... медсестра?

— Нет, я хирург. Попрошу вас побыстрее покинуть палату, пожалуйста, — произносит ровно Аня.

— Неужели это вы проводили операцию? — интерес во взгляде сменяется на восхищение. — Вы так молоды, и уже такая высокая квалификация! Я потрясён!

Мужчина внезапно берёт Анину руку и склоняется к ней в поцелуе.

В тот же момент дверь распахивается, и на пороге появляется Добрынин. Он и всегда-то сердитый, а при виде сцены, разворачивающейся в палате, приходит в бешенство. Даже мне страшно становится — кажется, что у него аж глаза начинают светиться!

— Что за бордель вы устроили в моём отделении?! — рывкает так, что я натягиваю на себя простыню повыше.

— Будьте добры следить за выражениями! — майор выступает вперёд. — Я нахожусь при исполнении служебных обязанностей!

— Ну так и исполняйте! — Добрынин всё же слегка снижает тон. — Анна Николаевна, почему все должны ждать вас на обходе?! — отступает от двери.

— Иду, Никита Сергеевич, — подруга направляется к выходу.

— Анна Николаевна, — окликает её майор, и Аня оборачивается, — я был очень рад знакомству!

Подруга кивает и выходит, следом за ней, посверлив Богатырёва злым взглядом, ретируется и Добрынин. Мы все выдыхаем.

— Да уж, — тянет майор задумчиво, но тут же встряхивается и, попрощавшись ещё раз, уходит.

— Мари, мы, наверное, тоже поедem, — Илья подходит, нежно касается моих губ, потом поворачивается к Алинке, которая до сих пор задумчиво смотрит на закрывшуюся за полицейским дверь. — А то этот... сейчас опять рычать начнёт, надоело! Пойдём, Алин, закину тебя домой!

Обход проходит спокойно, правда, я ловлю пару странных взгляды, которые кидает главный хирург на Аню. Всё-таки он какой-то мутный, хоть и гений! А может, как раз потому, что гений.

Меня выписывают спустя ещё две с лишним недели, и как минимум на месяц оставляют дома на больничном. Илья заботится обо мне и Алинке, старается проводить со мной побольше времени, но на работе у него полный завал, да ещё и секретаря нет — шеф наотрез отказался брать кого-то на моё место, пусть даже временно. Поэтому я немножко помогаю ему из дома, не выбираясь в офис.

Слизняк-бывший находится под следствием, Михаила Александровича совет директоров отправил в длительный отпуск. Не знаю, что их связывало, почему они решились на такую авантюру — и, честно говоря, не хочу знать. Не спрашиваю и у Ильи, а сам он только раз обмолвился, что все вопросы решены, тот контракт, которым его хотели подставить, аннулирован, а отношения с поставщиком налажены — видимо, и там успели разобраться, что к чему, и не стали поднимать шум. Больше мне ничего и надо.

Если о слизняке я забыла сразу, то о Михаиле Александровиче долго старалась просто не думать, очень уж было больно. В конце концов решила для себя, что папа Миша из моих детских воспоминаний — это один человек, а Михаил Александрович — совсем другой, только так мне становится немного легче.

Про любовь после признаний в больнице мы с Ильёй не заговариваем, хотя я сама так и не призналась ему. Месяц моего больничного живём практически как одна семья — приходится только держать Алину подальше от Грэя. Но пару раз она в гостях у Ильи всё-таки побывала, правда, наглотившись предварительно антигистаминных.

А потом меня, наконец, выписывают, разрешая выйти на работу! И я первый раз после такого огромного перерыва еду с вместе с Ильёй в офис.

— Господи, что это? — расширенными глазами смотрю на приёмную, потом перевожу взгляд на своего любимого шефа, который смущённо ерошит волосы.

Марина

Первое, что я замечаю — в центре кабинета разбита самая настоящая клумба! Ну, так кажется в первую секунду — а как ещё назвать это разоцветье? Ещё и стоят-то как... кучненько! Наклоняюсь и вижу, что снизу там что-то типа невысоких срезанных доньшек, как у бочек, внутри специальные влажные штуковины. А-а, так вот как они закреплены! И водичку добавлять удобно, всё продумано. Оборачиваюсь к Илье, который так и стоит возле двери.

— Спасибо, — смотрю на него с улыбкой, — только зачем так много?

Мне обычно жалко срезанные цветы, правда, мужчине этого не говорю, вовремя закрыв рот.

— Я... просто переживал, — он мнётся, а потом всё-таки выпаливает: — Боялся, что ты вернёшься сюда и вспомнишь свой последний день тут. Хотел ещё раз перед тобой извиниться...

— Илья, в этом нет необходимости, — произношу серьёзно, — я не из тех, кто будет копить в себе обиды, а потом взбрыкнёт. Предпочитаю сразу все точки над *i* расставлять. И если я сказала, что не сержусь, значит, так оно и есть.

У меня и правда было время подумать, сначала в больнице, потом дома. Я и в принципе-то необидчивая, считаю, что если хочешь быть с человеком — умей с ним разговаривать, а долго дуться — это не для меня.

— Поэтому я тебя и люблю! — Илья нежно меня обнимает, прижимается носом к виску, вдыхая запах.

— Только поэтому? — спрашиваю хитро.

— Не начинай, а то мы работать не сможем! — мужчина последний раз делает глубокий вздох, отстраняется, а я разворачиваюсь, наконец окидывая взглядом кабинет.

— Ох, ё-ё-моё!

— Ну, Мари, — тянет Илья виновато, а я качаю головой и прикрываю глаза ладонью.

Всё внимание в первый момент отвлекли цветы, а теперь вижу, что по помещению как будто смерч прошёлся! Папки с бумагами громоздятся на диване, на полу, некоторые из них раскрыты, на моём столе ворох документов. В кухонный уголок даже боюсь заглядывать, только вытягиваю шею, видя батарею грязных чашек, а потом с пронзительным вскриком прячусь за Илью.

— Ты чего? — пугается мужчина.

— На меня оттуда что-то смотрит! — старательно дрожа голосом и стараясь не засмеяться, указываю пальцем на одну из кружек.

Илья с опаской проходит внутрь и издали заглядывает в посудину. Я не могу сдержаться и ехидно фыркаю:

— Похоже, плесень... с глазами!

— Тьфу ты, — Илья сердито смотрит на меня, — опять твои шуточки.

— А что, уборщицы у нас из компании исчезли одновременно со мной? — аккуратно обхожу цветы и становлюсь в центре комнаты, прикидывая, с чего бы начать.

— Не хотел, чтобы они выкинули что-то важное, — бурчит мужчина, — вот и запретил порядок наводить.

— Ясно, — киваю.

— Прости, — шеф смотрит на меня с раскаянием в глазах.

— Иди уже работай, — машу на него рукой, а сама приступаю к наведению порядка.

Уборщицу я всё же вызвала — сгрузила на неё грязную посуду и протирку пыли со всех поверхностей, которые успела освободить. Часть цветов вечером забираем домой, часть оставляем на работе — красиво с ними! Спустя два дня ударного труда приёмная наконец превращается в то комфортное место, куда я приходила на собеседование.

А ещё спустя пару дней я начинаю реализацию своего коварного плана. У нас с Ильёй за всё время моей болезни ни разу ничего не было! Ну куда это годится! Он так трясся надо мной последние недели, что ни о каком сексе и речи идти не могло. Вот только мне это уже порядком надоело! И вообще, я соскучилась! Поэтому в четверг сообщаю Илье, что на следующий день приеду на работу самостоятельно, и бегу по магазинам.

В пятницу специально являюсь чуть позже восьми и сразу прохожу в кабинет.

— Илья Сергеевич, приношу свои извинения за опоздание, — произношу томно, поворачиваю ключ в двери и медленно подхожу к креслу, в котором сидит опешившее начальство.

— Мари? — мужчина сглатывает и с явным усилием отводит взгляд от моего узкого глубокого декольте, которое вроде всё прикрывает, но...

— А вы кого-то ещё ожидали увидеть? — захожу за стол, вставая между ним и креслом. — Ох, ну и пыли тут! — оборачиваюсь к столу и тянусь к монитору, слегка склоняясь.

— Мар-р-ри! — звучит сзади, и меня обхватывают тёплые руки.

— Да-а? — разворачиваюсь с довольной улыбкой.

— Ты специально, да? — мужчина тяжело дышит, зрачки расширены.

— Не понимаю, о чём вы? — кручу на пальце короткий локон.

Конечно, специально! Долго искала офисную юбку с разрезом сзади, чтоб повыше было, а сегодня с утра несколько раз у зеркала проверяла, чтобы кромка чулок обязательно была видна!

— Ты... в чулках! — ох, как охрип, бедненький.

Тем временем его руки уже заползают под подол, гладят, сжимают, опять поглаживают, и низ живота пронзает острой приятной болью.

— В чулках, — соглашаюсь тоже хрипло и не могу сдержать лёгкого стона.

Не успеваю опомниться, как меня подсаживают на стол, задирая юбку почти до пояса, и вот мы уже целуемся, не давая друг другу сделать вздох.

— Ты меня с умаводишь! — шепчет Илья, в какой-то момент оторвавшись от моих губ. — Я в жизни в офисе ничем не занимался!

— Ну так давай остановимся, — предлагаю, хватая ртом воздух, хотя хочется мне совсем другого — его пальцы уже прямо вот совсем там, и не стонать не получается.

Мужчина протестующе мычит что-то, уткнувшись мне в шею, но тут же спускается вниз, дрожащими пальцами расстёгивая пуговицы на рубашке, и впивается губами в грудь, прикрытую тонким кружевом. Я откидываю голову назад и чувствую, что ещё чуть-чуть — и всё...

— Илюша, — зову на выдохе, он отстраняется, и я быстро справляюсь с его брюками. — Давай же!

— О, господи! — он врывается в меня с такой силой, что сдержать крик не получается,

хорошо хоть, что успела зажать рот рукой.

Нам обоим не требуется даже минуты — несколько судорожных сильных толчков, и мы достигаем пика удовольствия, прижавшись друг к другу. Я так и сижу на столе, Илья в приспущенных брюках и даже не расстёгнутой рубашке, оба тяжело дышим и, похоже, нам обоим мало!

— Люблю тебя! — шепчу ему на ухо, поглаживая по коротким волоскам на шее.

Мужчина отстраняется, внимательно смотрит на меня, и его губы расплзаются в счастливой улыбке.

— И я тебя люблю! — опять обнимает, прислонившись своим лбом к моему. — Выходи за меня?

— Что? — гляжу на него ошарашенно.

— Выходи за меня замуж! — повторяет Илья.

Класс! Мой начальник сделал мне предложение, предварительно трахнув на рабочем столе в офисе! Будет что детям рассказать!

А с другой стороны... не всё ли равно?

— Да, — отвечаю тихо и тянусь к его губам.

— Да? — ох, как у него глаза сияют.

— Да! — произношу ещё раз уверенно.

— Мари, ну долго ты ещё? — Алинка вихрем влетает в комнату, где я навожу макияж.

— Почти закончила! Ну как? — поворачиваюсь к ней, чтобы оценила.

На мне белое струящееся платье в греческом стиле с вышивкой под грудью, простое, красивое и удобное. Зато под него я специально надела очень сексуальный комплект белья — порадуя мужа в нашу первую брачную ночь!

— Выглядишь — отпад! — тепло говорит сестра. — Илья тебя прямо из ЗАГСа утащит!

— Вот ещё! Я торт поесть хочу! — фыркаю и машу рукой. — Ты у меня тоже красотка! — смотрю на неё с удовольствием.

— Правда? — Алинка краснеет и улыбается.

— Честно-честно! — киваю.

Сестрёнка у меня и правда красавица — длинные тёмные кудри, зелёные глаза. И фигурка тоненькая, но уже девичья, а не как у подростка, который не знает, куда руки-ноги девать. И, похоже, уже в кого-то влюблена, вот только не признаётся! Ну да ладно, какие её годы, еще десять раз успеет влюбиться-разлюбиться.

Мы с ней выходим из комнаты, на кухне нас ждут Аня и Маруся — сплетничают, сдвинув головы, но, увидя меня, расплываются в улыбках.

— Нет, ну ты только погляди, — тянет Маруся. — Точно не хочешь всё-таки попробовать сменить ориентацию? Я б не отказалась!

Наше общее хихиканье перерастает в здоровый хохот.

— Нет, Маруся, — я аккуратно вытираю слёзы, выступившие на глазах, стараясь не размазать макияж, — больше никаких экспериментов!

В прекрасном настроении сбегает все вместе по лестнице — мы с Ильёй решили, что не хотим всяких дурацких конкурсов, выкупов и прочего. Достаточно того, что жених не видел невесту до свадьбы — уже целых два дня, между прочим! И я жутко по нему соскучилась!

Возле подъезда нас ждёт заказанная машина, куда мы и загружаемся — Илья встретит нас возле загса. Кроме него там ещё будут Марулькины родители, они специально ради такого случая бросили на несколько дней свои грядки, с ними сейчас и Матвей, который уже несколько месяцев как начал уверенно ходить и теперь планомерно разносит по кусочкам Марушкину квартиру. А Аня согласилась позвать на торжество Богатырёва, который пытается ухаживать за ней последние несколько месяцев. Кстати, у него оказалось очень забавное имя — Полкан! И чем думали его родители?

Весёлой компанией мы высыпаем из припаркованной возле ЗАГСа машины, и я сразу вижу своего жениха. Какой же он!..

Илья тут же подхватывает меня в объятия и целует. Я отвечаю с неменьшим энтузиазмом, пока нас не растаскивают наши хохочущие друзья.

— Эй, молодожёны! Притормозите! Ещё не расписались, а уже чёрте что творят!

Мы наконец отрываемся друг от друга и, соблюдая приличия, идём в зал. Правда, надолго тех приличий не хватает. Мне становится жутко смешно, когда серьёзная тётенька начинает вещать про создание новой ячейки общества. Мелко трясусь от хохота, стараясь не всхлипывать. Илья косится на меня и улыбается. Еле выдавливаю из себя полузадушенное «Да», когда приходит время отвечать на вопрос.

— Фух, — обмахиваюсь ладошкой, когда мы выходим из здания. — Кто бы мог подумать, что это так забавно!

— Я тебе потом покажу кое-что позабавнее! — с еле уловимой угрозой шепчет на ухо Илья и расплывается в улыбке, глядя, как меня опять бросает в жар — только уже по другой причине.

— А ты знаешь, наряд невесты включает в себя разные забавные детальки, — отвечаю ему ехидно, — подвязочки там, кружева, чулочки...

— Мари-и! — выдыхает мой теперь уже муж. — Хочешь, чтобы я до вечера не дождался, да? — оглядывается и шепчет мне в губы: — Давай бросим этих гостей, а?

— Нет уж, я тортик хочу! — предъявляю ему тот же довод, что и Алинке.

— Ладно, поехали есть тортик! — мученически вздыхает Илья.

По правде сказать, в ресторане, где мы заказали небольшой стол, я в итоге налегаю совсем не на сладости. Наоборот, с удовольствием лопаю мясо, намазывая его горчицей — хочется прямо до трясушки. Мама Маруськи, которая сидит рядом, с улыбкой смотрит на мои вкусовые извращения.

— Мари, — шепчет, склоняясь ко мне, когда все уже наелись и болтают обо всем на свете, — у тебя какой срок?

— Срок чего? — непонимающе смотрю на тётю Нину, потом расширенными глазами пялюсь в свою тарелку и перевожу взгляд обратно на женщину.

— Прости, я, наверное, не в своё дело лезу, — она ласково гладит меня по плечу, — вы сейчас, молодёжь, и без нас всё знаете, но у вас с Алинкой так рано родителей не стало... Если захочешь поговорить о чём или совета спросить, я только рада буду помочь, хорошо?

Заторможенно киваю и сую в рот последний кусочек мяса. Да ну, не может быть! Мы же с Ильёй предохраняемся! Ну, не так чтоб прямо надёжно, но... Ой, мамочки!

Тут у Ани звонит телефон, и она, извинившись, выходит из-за стола. Возвращается спустя минуту, подходит ко мне.

— Мари, прости, меня срочно вызывают в больницу.

— Понимаю, — сдерживаю вздох. Для Ани её работа — всегда на первом месте.

— Я провожу, — Богатырёв встаёт из-за стола.

— Да не надо, я на такси, — Аня улыбается ему.

Тут же, словно подгадав время, начинает хныкать Матвейка, которого всё это время благополучно занимал Маруськин папа, и становится понятно, что пора расходиться. Впрочем, я и не жалею! Весь вечер ждала минуты, когда мы, наконец, останемся вдвоём с мужем, но теперь все мысли занимает моё возможное положение.

Мы все разбираемся, кто и куда едет. Аня, слегка поспорив с Полканом, всё-таки уезжает на такси в больницу. Маруськины родители с дочерью и внуком тоже загружаются в машину, но там не хватает места для Алинки! А ведь мы думали, что она сегодня к ним поедет!

— Не беспокойся, я провожу Алину, чтоб ей одной в такси не ехать! — пока Илья пытается разобраться с таксистами и ничего не забыть, ко мне подходит Богатырёв.

— Ой, Полкан, спасибо тебе огромное! — обнимаю мужчину, и тот неловко кашляет.

— Да не за что, — улыбается и протягивает руку подошедшему Илье. — Ещё раз поздравляю вас, ребята!

— Спасибо! — Илья тоже улыбается, и я втихомолку радуюсь, что никакой дурацкой ревности в наших отношениях больше нет.

Наконец, все рассказываются по машинам, и мы остаёмся одни.

— Поехали? — муж нежно обнимает меня, и я киваю.

— Только, Илюш, можно у аптеки остановиться? — говорю торопливо.

— Зачем? — тут же хмурится. — У тебя что-то болит?

— Нет, — краснею, и мужчина смеётся.

— Мари, ты что, презервативы покупать собралась?

Фыркаю и пихаю его в бок.

— Вот ещё! Я тебе попозже скажу, хорошо?

— Ну, ладно, — видно, что муж обескуражен, но соглашается.

Мы просим водителя притормозить у ближайшей круглосуточной аптеки, и я прямо в свадебном платье подбегаю к кассе.

— Девушка, у вас тест на беременность есть?

Молоденькая продавщица смотрит на меня поражённо и вдруг хихикает.

— Есть, конечно! Но даже если вы планируете забеременеть в первую брачную ночь, с тестом лучше подождать до задержки! Может, на овуляцию лучше?

Я внезапно тоже начинаю хихикать в ответ.

— Не-ет, спасибо, мне уже на беременность надо!

— А-а, ну ладно тогда!

Со стороны мы, наверное, смотримся, как две дурочки — обе не можем перестать смеяться. Девушка пробивает мне небольшую коробочку и протягивает пакетик.

— Поздравляю! — выдаёт, и мы опять хихикаем.

— Спасибо!

В машину я сажусь с улыбкой на лице, и Илья расслабляется, глядя на мою мордашку. В квартиру меня заносят на руках, не прекращая целовать, но прямо свербит — до чего я хочу узнать, беременна всё-таки или нет! Вот уж будет мужу свадебный подарочек.

— Илюш, пять минут, ладно? — с трудом выпутываюсь из крепких объятий.

— Солнышко, у тебя точно всё в порядке? Как-то ты странно себя ведёшь! — Илья тяжело вздыхает, но отпускает меня. — Ладно, жду! Пять минут! Потом дверь взломаю! — опять крепко целует и подталкивает к ванной.

И вот я стою и жду, что там мне покажет тест. Положила его на раковину окошком вниз и отсчитываю минуты

— Мари-и! — за дверью слышен голос мужа. — Пять минут прошло!

— Прошло, прошло, прошло, — шепчу тихо и переворачиваю тест, зажмурившись. Приоткрываю один глаз, глядя на него, и тут же распаиваю оба, глядя на... две ярких полоски!

Не глядя, тяну руку и открываю замок на двери.

— Мари? — Илья заходит в ванную и подходит ко мне, обнимая. Видит тест и тоже замирает.

— Это что? — спрашивает тихо.

— Это тест на беременность, — отвечаю так же тихо. — Положительный.

— У нас будет... ребёнок? — смотрит на меня не отрываясь, и я, сглотнув, киваю.

— У меня будет свой собственный маленький эльф? — его губы разъезжаются в широкой радостной улыбке.

— Вообще-то, — слегка надуваюсь, — я тоже твой собственный маленький эльф!

— В самом деле? — муж подхватывает меня на руки и несёт в спальню.

Отпускает только возле кровати, и мы в четыре руки начинаем быстро раздевать друг друга.

— О-о, бо-оже, — тянет Илья со стоном, когда я предстаю перед ним в свадебном комплекте и чулках.

Улыбаюсь и подхожу вплотную к мужу, поглаживаю его по животу, бёдрам, подбираясь к самому ценному, но закончить мне не дают, роняя на кровать. Мой бюстгалтер улетает в одну сторону, трусики в другую, и мы, наконец, соединяемся, шалея от близости друг друга.

После того как всё заканчивается, долго ещё лежим, не меняя положения — не хочется расставаться даже на секунду.

— Я люблю тебя! — шепчет мне Илья. — И нашего маленького будущего эльфа! Уже люблю!

— И я вас! — улыбаюсь, сильнее прижимаясь к любимому.

— Знаешь, я очень рад, — говорит вдруг муж, — что у тебя «неправильная» ориентация!

— Я тоже рада, — смеюсь в ответ, и Илья присоединяется к смеху, обнимая меня покрепче.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net